

ISS № 0130-3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

11

1985

1985-11

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- ТИЦИАН ТАБИДЗЕ.** Стихи. К 90-летию со дня рождения поэта. Перевели Наталия Соколовская, Ирина Мельникова, Ирэна Сергеева и Галина Павловская 3
- МАМУКА ДОЛИДЗЕ.** Рассказы. Перевел Александр Златкин 9
- КАРЛО КАЛАДЗЕ.** Стихи. Перевели Евгений Рейн и Ян Гольцман 24
- КОНСТАНТИН ЛОМИА.** Стихи. Перевел с абхазского Наум Гребнев 28
- ВАЛЕРИЙ ГОБОЗОВ.** Стихи. Перевел с осетинского Владимир Приходько . . . 31
- ИОРАМ ЧАДУНЭЛИ.** Рождественский бал. Роман. Продолжение. Перевела Нора Нейман 33

НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС

- ЛЕВАН МАЧАИДЗЕ.** Природа ждет взаимности 90

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ.** Штрихи к двум портретам 105

11

1985

ЕЛЕНА ЮДКОВСКАЯ. В час ожидания атаки .	118
ВАХТАНГ ГОГУАДЗЕ. Старец Зосима и отец Сергий	125
ТАМАРА БАРБАКАДЗЕ. К истории исследования сонета в Грузии	135
ЗАИРА СТУРУА. Грузинская тема в творчестве Карло Гольдони	143
ПАВЕЛ НЕРЛЕР «Соп amore!». Памяти Бенедикта Лившица	149
ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ	
ЭЛЕОНОРА КУЧАВА. «Сторожевая башня» Аны Марии Матуге	169
РЕЦЕНЗИИ	
ЮРИЙ ДЕНИСОВ. Поэтическая проза Сосо Пайчадзе	174
Л. ТИХОНОВА. Сорокалетию Победы посвящается	178
ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ	
НИНО МАРГИАНИ. «Я был счастлив с вами, с моими грузинскими друзьями». Письма Кайсына Кулиева Ревазу Мар- гиани	182
ЛЮДИ И ФАКТЫ	
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ. Доктор Прибиль . . .	188
ИСКУССТВО	
ДМИТРИЙ МОЛДАВСКИЙ. Зимний этюд. О фильмах Эльдара Шенгелая	193
АЛЕКСАНДР ФЕВРАЛЬСКИЙ, ИРИНА РА- ТИАНИ. Гордость грузинского театра . . .	212
ХРОНИКА	223
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	224

К 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

Тициан ТАБИДЗЕ

ОРПИРИ

Да где ж они, все эти двадцать лет...
Опять лежу ребенком на подворье.
Еще своих не оставляли мет
на лбу моем ни радости, ни горе.

В озера опускается закат.
Как Саваоф, застыла Нарикала.
И вид окрестностей замысловат:
в нем узнает ошеломленный взгляд
Тамары достопамятный наряд —
над этим платьем десять лет подряд
сто мастериц голов не подымало.

Поэзия, втяни меня, втяни
в могучее свое коловращенье.
...Как я люблю глаза открыть в тени,
как женственно листвы прикосновенье.

Меня терзает неба высота!
Холодный блеск светил изводит зренья!
Стихи со мной лукавят неспроста
и вызывают вновь сердцебиенье.

Чем безыскусней скажешь, тем скорей
твои слова другим придут на помощь.
...И яблоневою белизной своей
о грудь мою уже разбилась полночь.

В прожилках небо. Ни души на свете.
Под утро непременно будет ветер.

СОГАНЛУГ

А Кура — колыбельного тише напева.
Только здесь, у Метехи, разгуляться не прочь.
И луна разлеглась безмятежно, как дева,
на плотях облаков, уплывающих в ночь.

Татарчонок оборванный из Соганлуга
погоняет ослов и протяжно поет.
Залитая сияньем ночная округа
допоздна разговоры со мною ведет.

Я беспечен и гол, как гора Шавнабада.
Только мысли — и судьи мои и родня.
Я не баловень этой судьбы — и не надо.
Лишь одно до глубин уязвляет меня:

что и времени минуло вроде немало,
но Крцаниси еще потрясает озноб,
что — простреленная — замерла Нарикала
и стоит в темноте напряженно, как гроб.

...А Кура колыбельного тише напева.
Только здесь, у Метехи, разгуляться не прочь.
И луна разлеглась безмятежно, как дева,
на плотях облаков, уплывающих в ночь.

ОСЕНЬ В ОРПИРИ

Река гниет, как труп Левиафана.
За родниками следом — не спеша
уходят аисты. Сгибается душа,
как ветвь орешины. И вечерет рано.

Лишь донкихоты пасмурных болот —
худые аисты, да в разоренных гнездах
лягушки зябкие... И никого. И вот
октябрь приходит в воспаленных звездах.

На дилижансе прибыл он сюда,
привез простуды, ухмыляясь едко.
О, родина моя, моя судьба,
ты замерзаешь, как зимой насадка.

Земля Орпири, окажи мне честь,
прими меня, как я тебя приемлю.
...Всем пантеонам, что на свете есть,
я предпочту болот орпирских землю.

Перевела Наталия СОКОЛОВСКАЯ

ХАЛДЕЙСКИЕ ГОРОДА

В вазу Прюдома поставил я розу Хафиза.
Бесики сад я цветами Бодлера заполнил.
Все, что пленяло в чужбине, я с Грузией сблизил,
Так, как сумел, я свое назначенье исполнил.

Недолговечны безумные, знойные страсти.
Нежностью бережно душу твою я согрею.
Лира моя от стыда разобьется на части,
Если стихи на гитаре исполнить посмею.

Жду я любимую, первого снега белее,
Что улыбается кротко и тихо смеется.
Я прочитаю стихи об ушедшей Халдее.
Нас ослепит красота заходящего солнца.

Я хладнокровно спектакль досмотрел и оплакал
Каждый антракт. Я любитель простых аналогий.
Чувствую рок древней магии чисел и знаков.
О Сакартвело, прости мне мой лепет убогий.

ДАЛЬНЕЙ

Останься незнакомкой и мечтой.
Тоской заполним бездну отчужденья.
На целом свете только мы с тобой.
Мы вместе встретим светопреставленье.

Где я тебя увидел? Почему
Так пслюбил? — И помнить не желаю.
Что уподоблю блеску твоему?
Ты розою мучительно пылаешь.

Словно дождем, твоим благоуханьем
Омыт. Свою тебе вручаю душу.
Ты — ангел, фея, смертное созданье?
Твое уединенье не нарушу.

Из призрачных химер багрово-диких,
Из грезы сгнувшей, дотла сгоревшей,
Собрав хвалы рассеянные клики,
Совью приют своей любви нездешней.

Перевела Ирина МЕЛЬНИКОВА

ДВЕ АРАГВЫ

Так проходит потоп в веках,
Так гроза прошивает горы,
С ураганом несется прах,
Так звучит Себастьян Бах.
Миг любовного приговора —
Не бахвальство поэта — крах.

Колыбельная песнь в ушах?
Утешение ль в смертной каре?
Так же Демон вселяет страх,
Нож к груди приложив Тамаре.

Так же Мцыри на барса пал,
Извиваясь в крови от боли.
Так же ворон среди мертвых скал
Смертью пьян на арагвском поле.

Эта — белая, та — черна,
Две Арагвы, как две сестрицы,
День и ночь... Все идут до дна,
Плача, вместе в Куре топиться.

ТБИЛИССКАЯ НОЧЬ

Ночь тбилисская умирала,
Плача голосом Сараджишвили.
Левый берег ведя направо,
По Куре эти песни плыли.

Помню, пел под стенанье тари
Плотовщик на плоту сосновом,
Жег мотивами песен старых —
В пепел — жажду надежды новой.

Сжег, что надо мне, что не надо —
Оголенной, чем Шавнабада,
Я теперь... Только сердце плачет
В тигле, в обжиге — не иначе.

Я индустрии ветер слушал,
Старину бы я тоже рушил...
У Икара из воска крылья, —
Сердце прежде сгорит в бессилье.

И простите, что жаль мне травы,
Где тбилисский рассвет разлился.
У того музыканта право,
Кто с Арсена стихом сроднился.

Все еще под стенанье тари
На плоту я плыву сосновом,
Сам рыдаю мотивом старым,
Наполняясь надеждой новой.

Перевела Ирэна СЕРГЕЕВА

ПЕТЕРБУРГ

СОНЕТ

Неистовый вихрь с островов налетает на город,
Бездомных, продрогших насквозь пригибая к земле.
При вспышках огня, на подернутых дымом просторах
Зловещая тень, отступая, крадется во мгле.

У Медного всадника сердце тревожно стучит.
Полощутся в Мойке тяжелые трупы героев.
Весь воздух пропитан бодрящим дыханием боя,
И алы, как кровь, восходящего солнца лучи.

Кто в силах сдержать сокрушительный натиск стихии!
Летучий Голландец низвергнут в глубины морские.
Все рушится. Падают цепи разбитых оков.

Улягутся вихри. Минувшего мрачные тени
Исчезнут с земли. Только имя бессмертное — Ленин —
Останется в мире, пройдя через толщи веков.

Зачем пришел я в мир? Что выразить смогу?
Чье сердце я зажгу и чей покой нарушу?
Так лебедь, поборов предсмертную тоску,
Поет, и песнь его нам надрывает душу.

Эвксинский Понт успеет обмелеть,
И сменится не раз народ многоплеменный,
Но стих поэта пробивает толщи лет
И рвется, словно стон, из глотки оголенной.

Так Пушкин изливал в стихах свою печаль,
В неистовой тоске рыдал Назон в изгнание,
Кто мог заставить их смириться и молчать,
Прервать их песни и сдержать рыдания?

И снится мне Эльбрус, и снится мне Казбек...
Известно только им, двум гордым великанам,
Какое пламя я ношу в себе,
Какая боль терзает Тициана!

Перевела Галина ПАВЛОВСКАЯ

РАССКАЗЫ

Перевел Александр ЗЛАТКИН

Спектакль будет объявлен особо

В ЭТИ дни наш и без того беспокойный город охватило единодушное волнение. Граждане не находили себе места; глаза людей горели жгучим ожиданием, и в непрерывных метаниях по городу, лихорадочном поглощении сигареты за сигаретой обсуждалось предвкушаемое диво. Другая, неодоушевленная часть города казалась почти безучастной, однако и на ней лежал отпечаток всеобщей растерянности и тревоги: постели стояли неприбранными, содержимое платяных шкафов было вывалено наружу; царил хаос, в котором угадывался не обычный домашний беспорядок, а нечто иное, какая-то губительная для повседневного хода событий анархия. Даже поставленный на колеса конвейер улиц утратил плавность своего устремленного к площадям течения. То и дело где-нибудь возникали заторы из плотно слипшихся автомобилей. Словом, атмосфера накалилась. Разнесся слух, будто в город приезжает известная оперная труппа во главе со знаменитой певицей, несравненной исполнительницей партии Аиды. По правде говоря, толком об этом никто ничего не знал, и бесконечные пересуды только будили наше любопытство, переполняли нас смутными надеждами и предвкушением грядущих наслаждений. Никто не знал, что представляет из себя эта Аида, когда ей заблагорассудится посетить наш город и что вообще может взбрести ей в голову, однако

Из цикла «Юмористические рассказы».

сумрак тайны, окутывавший эту примадонну, интригующие афиши — «Спектакли будут объявлены особо» — рождали всевозможные домыслы и сплетни, питавшие наш и без того закипающий интерес. Слухи настолько противоречили друг другу, что сказать что-либо определенное было невозможно. Вот уже несколько дней, как театральные кассы прекратили продажу билетов. Тем временем в Опере явно что-то происходило, там шла какая-то загадочная жизнь, о чем неопровержимо свидетельствовал свет, слабо мерцавший из глубины непривычно затемненных окон театра. Волны людского моря разбивались об украшенные восточным орнаментом двери главного театрального подъезда. Все входы и выходы были наглухо задрены. Стены здания настолько гладкие, что вскарабкаться до окон не под силу даже лунатикам. Кое-кто, впрочем, попытался; имели место также поползновения вышибить двери, однако массивные створки были, по видимому, чем-то подперты изнутри. Кто-то пустил слух, что самолет будто бы опаздывает и поэтому спектакль могут отменить, но слух этот был тут же дискредитирован новым предположением: знаменитая Аида могла приехать якобы только поездом и давно уже должна находиться в театре. Это известие тоже не заслуживало слепого доверия, однако казалось более правдоподобным, так как исходило от суфлера и было принесено девицей, страдающей зобом. Короче говоря, убеждение, что спектакль непременно состоится, более того — что на сцене полным ходом идет монтировка декораций (это подтвердил маленький, чернявый, похожий на таракана отец девицы с зобом), — всецело овладело людьми. Прошел час, другой... Огромный дворец Оперы не подавал ни малейших признаков жизни. В его слабо освещенных залах все замерло, оттуда не доносилось ни звука, и все же мы ощущали в недрах театра какое-то осторожное движение. Или нам это только казалось? Огни понемногу меняли цвет, время от времени в каком-нибудь окне мелькала тень, такая слабая и неприметная, что мы даже не обращали на нее внимания. Неизвестно, как долго длилось бы такое положение, если бы в садик перед Оперой внезапно не влетела моя невеста, увешанная украшениями, из-под которых почти не

видно было платья. Очутившись среди нас, она истерически завопила: «Скорее, опера уже началась!»

Каково было нам услышать такую новость! Озверевшая толпа вырвала с мясом какой-то столб и с размаху направила его на резные двери. Ничто не устояло бы перед таким ударом. Засов треснул, створки приоткрылись, и мы просочились в мраморный вестибюль.

Здесь командование взял на себя мой будущий тесть, в прошлом довольно бездарный, а ныне уже отставной баритон Шио, знавший здешние лабиринты как свои пять пальцев. Он повел нас пожарной лестницей на чердак. Тесный ярус под самой крышей моментально заполнился людьми. Живой поток с лестницы продолжал прибывать, и вскоре теснота стала такой, что не только пошевелиться — дышать было невозможно. Почтенный Шио и моя отягощенная украшениями невеста отворили маленькую, с резным узором дверцу, и нашим взорам открылся огромный балетный зал, сверкавший так, что глазам стало больно. Лакированный пол, подобно зеркалу, отражал лучи света, играя всеми цветами спектра. На этом сверкающем зеркале мы чувствовали себя неловко, словно висели в воздухе, а внизу, по мозаичному потолку, за нами вверх ногами следовали забавно исковерканные двойники. До слуха дирекции, вероятно, уже докатилась весть о вторжении безбилетных граждан, но никаких признаков того, что дирекция уже в курсе, не было. Вокруг царили неподвижность и безмолвие. Толпу ворвавшихся в здание людей ужаснула внезапно вспыхнувшая в анфиладе залов, насыщенная недобрым предчувствием тишина. Слово воды в рот набрав, мы на цыпочках пробрались в бальную залу, которая оказалась беспредельно просторной, так как стены, потолок и пол здесь были полностью зеркальными. Внизу под нами не было дна, сверху — крыши, и только бесконечно множившиеся силуэты отражались справа и слева, в бездне и в вышине... Мы летели все вместе, одним тысяченогим телом опускались все ниже и ниже, и не было конца этому адскому падению. Не успели мы очутиться в зеркальном зале, как сверху на

нас накинули огромную сеть. И чем больше мы трепыхались, тем безнадежнее занутовались в капроновой паутине. Волна оставшихся снаружи хлынула было назад, но и здесь им преградили путь сторожа, орудовавшие сетью. Оттащив живой ком поповшихся безбилетников, сторожа с сачками для ловли бабочек погнались за теми, кому посчастливилось не попасть в силок... Лишь немногим удалось спастись из капронового плена — мне, девице с зобом, ее чернявому таракану-папаше, моей невесте, почтеннейшему Шио и еще нескольким театралам-фанатикам. Пока шла охота за остальными, мы забились под рояль, у одной из ножек которого Шио обнаружил люк. Приподняв и сдвинув крышку люка, мы один за другим нырнули в темноту.

Глаза быстро привыкли к потемкам. Мы двигались по коридору высотой в человеческий рост. Обильные пыли затрудняло дыхание. У стен валялись фанерная бутафория и картонные доспехи. Я пошарил перед собою и внезапно коснулся рукой чьего-то лица. Я тотчас же отдернул руку, и из темноты выкатилась голова! Голова при ближайшем рассмотрении оказалась незаконченной глиняной маской, я отшвырнул ее подальше и остановился. Подоспели остальные.

— Он должен быть внизу, — сказал Шио и внимательно оглядел каменный пол. Я тоже напряг зрение, но ничего, кроме замшелых стен, не обнаружил.

— Ищите все.

Ничего не напишешь, пришлось перевернуть всю эту рухлядь. При этом мы развели такую грязь, что уже друг друга не узнавали. Наконец мою невесту осенило: она пошарила рукой под картонным автомобилем, нащупала ключ, всунула его в замок, находившийся там же, повернула, откинула крышку люка, — и вместе с воздухом зрительного зала до нас донеслась божественная музыка. Я слушал, затаив дыхание, забыв обо всем на свете, и мне хотелось лишь одного — чтобы не прекращалось это волшебство, чтобы лилась мелодия, рожденная гармоничным созвучием музыкальных инструментов. Я стоял на коленях, упершись локтями в пол, свесив голову вниз, и в таком положении созерцал частично скрытую сводами сцену, где в синеватой, как сновидение, дымке

юноша и девушка клялись друг другу в любви. Однако длительного наслаждения этим зрелищем я не выдержал: колени затекли, а в локтях заломило. Остальные находились не в лучшем положении. Поэтому решено было спуститься по проводам на люстру, с люстры при помощи веревки перемахнуть на галерку, пролезть в осветительскую будку и оттуда перебраться на ярус.

Спускаясь по проводам, я не сводил глаз с любовной сцены между Радамесом и Аидой. Уже сидя на люстре, я узнал о заговоре эфиопов в Египте, и этот факт возмутил меня до глубины души. Мне совсем не хотелось, чтобы великодушный фараон со своей свитой стал добычей чернокожих дикарей. От избытка чувств я крепко обнял девушку с зобом. Моя увешанная драгоценностями невеста тянула меня к себе, но я не поддавался, и тогда она спросила у отца, не ласточки ли мы в самом деле и уж не свить ли нам на люстре гнездо. Почтенный Шио внял призыву раздраженной дочери и, повиснув на веревке, первым перескочил на галерку.

— Главное — не смотреть вниз, — предупредил он нас и двинулся к осветительской будке.

Когда пришел мой черед, я распластал руки для равновесия и попытался перебежать по веревке, но тут оркестр грянул торжественный марш, и от барабанного боя люстра дрогнула. Я не удержался и бросил взгляд вниз, где во дворце, у самого трона, коленапроклоненный Радамес, назначенный военачальником, получал благословение фараона. Хоть бы он победил! Я почему-то с самого начала сочувствовал этому красивому воину, внешность и манеры которого говорили о необычайной силе и сдержанности. Я оглядел зал. Партер, амфитеатр, лестницы — все было переполнено. Предостережение мудрого Шио оказалось не напрасным. При виде забитого людьми пространства у меня зарябило в глазах, я покачнулся, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы девушка с зобом не успела ухватить меня за шиворот. Меня с трудом втащили на резной карниз. Мы прошли по галерке и проникли в осветительскую.

Здесь по стенам, как змеи, ползли разноцветные огни. Осветительская оказалась полностью автоматизированной. У пульта управления стоял электрооператор, который мигал зелеными и красными глазками и глухо командовал: волна красного, инфракрасный, сиреневый, частота полтора, — и так далее. Выстроившиеся на карнизе прожектора, как локаторы, ловили из воздуха приказания, меняли линзы и вращались, обдавая светом заколдованную сцену. Я не желал поражения египтян, не хотел, чтобы этот симпатичный атлет попал в плен. Но, с другой стороны, мне было жалко и царскую дочь, которой рок уготовил участь рабыни. Подобно моей невесте, она была вся в драгоценностях; увенчанная короной, в прозрачном, словно из пустоты сотканном платье, ниспадавшем до земли, она, судя по манере разговаривать, была особой самодовольной и безжалостной. И мне стало жаль ее суженого, этого Радамеса, как самого себя. Я был так взволнован, что вновь прижал к сердцу девицу с зобом. В это время дали большой свет, и мы в обнимку встретили антракт, но, к счастью, всеобщее внимание было устремлено на сцену, зрители аплодировали актерам, этим недоступным, богоравным существам, чьи драгоценности ослепительно сверкали в лучах египетского солнца.

— Надо спускаться на ярус, пока нас не засекали,
— распорядился Шио.

Однако снизу нас, видимо, уже заметили. Когда мы перебрались из осветительской в коридор яруса, там нас поджидали вооруженные мухобойками сторожа. Бравый Шио велел окружить женское ядро группы стеной из мужчин, передал командование над войском мне, и мы бросились в атаку. Отец зобатой оказался изменником. Продавшись за два билета на балкон, он переметнулся в стан врагов, но и это не помогло администрации театра. Я сгорал от желания узнать, одержат ли победу египтяне и чем кончится пламенная любовь Радамеса и Аиды, и потому решительно обратился к сторожам в бегство, а чернявого папашу зобатой девицы захватил в плен и сдал почтенному Шио. Предателя хотели тут же повесить за ноги, но, желая сделать приятное его любящей дочери, я смиловившись и выпросил себе его голову.

— Ты победил, так будь по-твоему! — с потрепанным пафосом отставного лицедея вынес решение бывший баритон.

Я отпустил «таракана» на волю. И горько раскаялся в своем великодушии: очутившись в безопасности, он кинулся к телефону и вызвал милицию. Блюстители общественного спокойствия явились в мгновение ока. Выбраться из театра мы не успели, поэтому пришлось укрыться за кулисами и закрепиться у картонной пирамиды. Выразительные глаза воспламененного гневом Шио метали молнии.

— Нас предали, братья! И в этом предательстве повинен наш главнокомандующий! Зловредная похоть замутила его рассудок, внушив жалость к смертельному врагу! Чего, по-вашему, достоин этот негодяй?

— Смертной казни! — прогремело в ответ несколько голосов.

— Погребения заживо, — уточнила моя невеста.

Прежде чем я успел опомниться, меня схватили и втокнули в картонную пирамиду. Плотно пригнанная дверца отняла у меня последние проблески света и погасила в сердце последние искорки надежды...

Не могу сказать со всей определенностью, сколько времени я был погребен заживо. Внутри пирамиды ничего не происходило, река времени иссякла, и на дне ее пересохшего русла в предсмертных судорогах билась моя неизреченная, задыхающаяся в сетях интриги страсть. Только кое-где в щелочки пробивались тоненькие, прерывистые ниточки света, вышивая на фоне слепящей черноты мою собственную тень. Внезапно из темноты вынырнула рука, и я почувствовал на своем запястье мягкий браслет нежных пальчиков. Я ощутил пламень девушки с зобом! Покуда мне выносили приговор, она пробралась сюда и погребла себя вместе со мной! Впрочем, сейчас мне было не до нее. Я пребывал в том сказочном мире, куда привела меня музыка. Интересно, что там происходит при дворе фараона, какая участь постигла Радамеса? Не успел я подумать об этом, как пирамида зашевелилась. Наше убежище поволокли туда, откуда плыла чарующая мелодия. Ткань сплетенных музыкальных

тем развернулась во всю ширь. Вскоре на фоне этого многокрасочного ковра выделилась ария. Вдруг пирамида открылась, и во мрак со светом вместе проникла Аида. Я чуть не завопил от радости, но не успел и пикнуть, как дверца снова распахнулась, и в вихре режущих глаза лучей на меня упал изумленный взгляд Радамеса. От избытка чувств я вскрикнул и бросился ему навстречу. Однако мою радость никто не оценил. Увидав меня, Аида грохнулась в обморок, а Радамес обнажил деревянный меч, переступил через свою возлюбленную и удрал обратно в освещенное пространство. Я преследовал его по пятам, хотел успокоить. Но только я ступил из пирамиды наружу, как от жгучих лучей египетского солнца у меня потемнело в глазах и закружилась голова. Вокруг тысячей огней засверкал зеркальный пол. Вымазанные белилами и румянами вельможи с пением прогуливались по сцене. В пестром от обилия света и красок пространстве два огромных негра охраняли трон фараона. Я направился прямо туда, припал к коленям фараона и взмолился о снисхождении к несчастным влюбленным. То ли он оглох, то ли у него были другие заботы, — не знаю. Он сидел в какой-то странной напряженной позе и с гримасой страдания глядел на меня. Несмотря на то, что двое рабов без устали обмахивали его опахалами из павлиньих перьев, по лицу фараона градом катился пот. Меня охватил гнев. Сколько воевать пришлось, чтобы пробиться сюда и вступить за чувства Аиды и Радамеса, а эта разряженная кукла не удосуживается даже ответить! Я уложил обоих негров на месте и ринулся на владыку Египта. Старик изо всех сил вцепился в трон, но я налетел на него с такой яростью, что стащил его на пол и растоптал царский венец. Амнерис кинулась нас разнимать. Прекрасная дочь фараона, заливаясь слезами, с пением пробиралась к кулисам. Тем временем вельможам удалось взять меня в кольцо. Я уже ничего не различал, кроме красного тумана, в который и врезался со всей присущей мне пылкостью. Я лупил направо и налево! В зале поднялся хохот. Египтяне обратились в бегство. Кто-то вырубил прожектора, и при обычном освещении начисто исчезла чудесная прелесть фараонова дворца, пропало все величие и

красота актеров. Радамес и Аида сейчас походили скорее на изуродованных гримом манекенов, нежели на героев трагедии. Даже божественная музыка, с такой нежностью сотканная скрипками, теперь, утратив оттенки, провалилась в оркестровую яму, где суетились пузатые музыканты, играя каждый свое. Все оказалось сплошным притворством! Стоило слегка изменить освещение, как роскошь предстала нищетой, а дорогие наряды — жалкими лохмотьями. Драгоценные камни оказались крашеными стекляшками, мебель слоновой кости — картонными подделками. Сам грозный фараон выглядел сейчас жалким, тщедушным стариком, а его гордая дочь — сущим огородным пугалом в болтающемся пестром тряпье. С потемневшего неба Египта медленно спускался шелковый занавес. Еще мгновение — и разъяренная труппа разорвет меня в клочья. Я вцепился в занавес, раскачался и вместе со скачущим лучиком света вылетел в окошко, окрашенное зеленым сумраком листьев...

Когда я открыл глаза, город уже окутала вечерняя дымка, а вдали, на янтарном горизонте, черные силуэты небоскребов стояли на страже поверженного, багрового солнца...

...Что же это было? Игра света? Помрачение рас-судка? Я действительно побывал в Опере, или виной всему было обостренное бесконечными толками, ожиданием, отсутствием впечатлений желание чего-то нового, которое вместе с вечерними тенями и породило этот древнеегипетский кошмар? Может быть, никто и не думал приезжать в наш город, и лишь паутина лучей на стене, переплетясь с обрывками мелодии, распалась на множество образов, и в перекрестье воображения и действительности возникла эта чудовищная история? И все же, что бы там ни было, мираж или реальность, спектакль произвел на меня впечатление поразительной правдивости, ибо в его звучании, в созданном причудливым плетением радужных огней мире мои былые стремления, желания, тревоги и любовь воскресли и обрели новую жизнь...

А город снова погрузился в повседневную суету. Переполох, поднятый вокруг спектакля, стал понемно-

гу забываться. И вскоре бурлящая многоцветьем улица по-прежнему влекла лавину автомобилей к устремленному в небо Оперному театру.

Н О С

В ПЕРВЫЙ раз осмотреть большую Абрамишвили от правился в Глдани. Стояла поздняя осень, и облетевший сад с уцелевшими кое-где остатками былой роскоши наполнил сердце Абрамишвили желтой печалью. Налетавший с массивов ветер обдираал и грабил аллею, полыхавшую осенним пожаром. Сын пациентки, маленький и какой-то обсосанный, словно вишневая косточка, встретил доктора у калитки, не говоря ни слова, взял у него из рук чемоданчик и проводил в дом.

— Помогите, доктор! Погибаем! — выкатилось из комнаты толстое, круглое, как мяч, существо.

— Давно это с ней? — Абрамишвили открыл чемоданчик.

— Уже два раза операцию делали! Кто только ее не смотрел... — заплакал мужчина.

— Полей мне! — велел Абрамишвили мальчику, протягивая ему бутылку со спиртом.

Пока врач мыл руки, хозяин открыл стенной шкаф, расставил на столе тарелки, повертел в камине унцанный мясом шампур и нарезал хлеб. Однако Абрамишвили даже не взглянул на накрытый стол и прошел прямо в комнату.

В постели лежала женщина. Лучи света, проникавшие внутрь сквозь щели в бревенчатой стене, с трудом боролись против полумрака, царившего в комнате без окон. У кровати стоял стул. В углу висели связки чеснока и лука.

— Ну, как у нас дела? — потирая руки, спросил Абрамишвили.

Женщина, подавив рыданье, отвортила к стене свое иссиня-кофейное лицо.

— Это доктор, не стесняйся, покажись ему, — мужчина заставил ее повернуть голову и убрал повязку.

За всю свою богатую практику Абрамишвили еще ни разу не приходилось иметь дело с таким огромным носом. Он брал начало где-то над бровями и закрывал не только рот, но и всю нижнюю челюсть.

— М-даа, — почесал в затылке Абрамишвили и водрузил на лоб зеркало. — А у нас вы никому ее не показывали?

— Она боится нос за дверь высунуть, — развел руками муж.

— Кто делал операцию?

— Первую — Цулукидзе, вторую — Амилахвари, да что толку — нос еще больше вырос.

— Надо перевести в стационар, — решил Абрамишвили.

— Не согласится, — покачал головой мужчина.

— Ну-ка, поверните голову, — Абрамишвили взял женщину за подбородок и заглянул ей в ноздрю. В пещере с искривленной перегородкой сталактитами свисали раковины всех цветов и видов.

Хотя Абрамишвили никогда не сталкивался с подобным случаем, он слышал, что бывают и такие носы, которые после хирургического вмешательства растут, как грибы после дождя.

— Она что-нибудь принимает? — поинтересовался Абрамишвили.

— Цулукидзе прописал аспирин, — ответил мужчина.

«Как убедить их, что это заболевание души, а во все не тела», — подумал Абрамишвили, глядя куда-то в сторону.

— Есть какое-нибудь средство?.. — дрожащим голосом спросил муж.

— Сегодня у нас понедельник... До пятницы все должно выясниться, — пробормотал, размышляя вслух, Абрамишвили.

— Есть надежда? — вцепился в него мужчина.

— Поручу Бухути, — уже громче продолжал врач. — У него легкая рука.

— А она выдержит? — несмело спросил муж.

— Поддай-ка щипцы, — приказал мальчику Абрамишвили.

Оттянув больной кончик носа и обнажив хрящ, он увидел открывшийся тоннель со множеством переходов и каналов, уходивших в бездонные глубины. Пе-

ревал был забит сорвавшейся с вершины носа лавиной.

— И что бы не успокоиться, когда искривление было совсем небольшим, — горестно вздохнул муж. — Ей очень даже шло... Куда там, пожелала стать королевой красоты!

— Изменение внешнего облика требует и духовного преображения, — сказал Абрамишвили. — Скальпель хирурга режет прежние покровы, однако он не может создать сеть новых взаимоотношений с миром.

— Я что-то не совсем понял, — мужчина втянул голову в плечи.

— Ваша жена внутренне не была готова к операции. Уверенность в себе — неизменная спутница красоты, сомнение же — та почва, в которой моментально пускает корни уродство...

— Напротив, она даже чересчур была уверена в себе, — перебил мужчина. — Второй нос был еще хуже первого, а она была в таком восторге, что на меня уж и глядеть не хотела!

— В общем, надо попытаться еще раз, — подвел черту Абрамишвили, покидая несчастных супругов.

Когда Абрамишвили вернулся в клинику, «Скорая помощь» уже доставила туда женщину. Ее поместили в больницу вне очереди, как особо тяжелый случай. У входа в кабинет врача поджидал муж с историей болезни в руках.

— Я заставил заполнить ее к вашему приходу, — словно извиняясь, произнес он, протягивая доктору объемистый журнал в картонной обложке.

Абрамишвили перелистал историю болезни. Набранный петитом текст был иллюстрирован цветными фотографиями носов, снятых из самых различных положений и даже в разрезе. На обложке красовался снимок операционной, где завершилась провалом попытка сделать женщину краше. Рядом помещалась исповедь осрамившегося хирурга, который утверждал, что никаких личных причин ненавидеть больную у него не было.

— Ваше мнение для меня важнее всей этой чепухи, — улыбнулся муж, захлопывая досье своей жены. — Я тоже считаю, что необходимо вывести ее из депрессии, заставить вновь поверить в себя.

— Да, но каким образом? — поинтересовался Абрамишвили.

— Мне не следовало бы говорить этого, но... Не поухаживать ли вам за ней? Разумеется, в пределах допустимого. Тогда она убедится, что не утратила своей женской привлекательности.

— Пошел вон, — прошипел Абрамишвили и взялся за молоток.

Муж испарился. Абрамишвили отшвырнул молоток. Кровь стучала в висках. Он распахнул окно и стал глядеть на далекую зелень Мтацминды, подернутую синевой. Он чувствовал, что ему предложили гадость. Ядовитое слово, коснувшись слуха, отравило ему настроение. Он погрузился в чтение историй болезней, чтобы не думать больше об этой женщине, ибо чем больше он о ней думал, тем сильнее разгоралось пламя желания, заставляя сильнее биться взбудораженное сердце. К концу дня ему почти удалось справиться с собою. Усталость одержала верх над всем остальным. Он встал и собрался уходить, но тут, словно вестница Судьбы, явилась санитарка и сообщила, что палаты переполнены и диковинную больную поместили в операционной.

«Она там одна, никто не помешает», — мелькнуло в голове у Абрамишвили, но он тут же отогнал недостойную мысль. Однако на этом путь его к нравственному совершенству прервался, и Абрамишвили почувствовал, как почва уходит у него из-под ног.

Он вышел из кабинета. Коридор был пуст. Лишь уборщица неторопливо мела ковровую дорожку. Абрамишвили чуть не бегом промчался по коридору и вцепился в дверную ручку. Дверь оказалась запертой.

— Сторож уже ушел, — сказала уборщица. — Пройдите через двор.

Ее слова вызвали у него неприятную дрожь во всем теле. Выход во двор вел мимо операционной. Некто невидимый, занявший место исчезнувшего ангела-хранителя, увлекал Абрамишвили на путь соблазна.

— А запасного ключа нет? — упавшим голосом спросил Абрамишвили.

— Потерялся, — отозвалась уборщица. — Да ведь через двор удобнее, прямо к машине пройдет.

Абрамишвили молча повернулся и пошел указанным путем. «Операционная — это всего лишь три шага, я даже не взгляну в ту сторону», — убеждал он себя, незаметно сбавляя шаг. «Разве я виноват в том, что ключ потерялся?» — нашел он вдруг оправдание и обрадовался, что может свалить на кого-то ответственность за собственную слабость...

У входа в операционную он на мгновение заколебался, затем собрался с силами и вошел. Его встретило какое-то странное безмолвие, отягощенное непонятным ему смыслом. В могильной тишине операционной не ухо, но мысль улавливала какой-то таинственный стон. «Не смотри!» — приказал сам себе Абрамишвили и направился к выходу. Перешедший в слабос подвывание стон вырвался из пределов мысли и достиг слуха. Абрамишвили не утерпел и оглянулся. На операционном столе покоилась бледная как смерть женщина. Она простирала руки к нему и молила о спасении. Гигантский нос ее заливал кровью лицо и тело несчастной. Абрамишвили с быстротой молнии кинулся к ней и перекрыл извергавшиеся из тоннелей потоки, заткнув ноздри носовыми платками. Женщина улыбнулась, холодными как лед руками обвила шею Абрамишвили и привлекла его к себе.

— Только ты можешь мне помочь, — еле слышно прошептала она, и Абрамишвили ощутил прикосновение полных, клейких женских губ.

Он хотел закричать, но голос вдруг пропал, хотел убежать, но уже только от самого себя, ибо безобразие оказалось более пленительным, чем красота, и ядовитое слово, утром коснувшееся слуха Абрамишвили, успело за день отравить все его существо, завладеть его душою и телом.

Со смешанным чувством страха и стыда он ощутил, как погружается в сдобную мякоть женской плоти, потрясенный тем, что близость этой уродливой женщины доставляет ему наслаждение. Теперь его уже ничто не могло сдержать, даже неизвестно откуда взявшийся муж, который пытался оттащить его от пациентки, вопя что есть мочи:

— Хватит, доктор, хватит! Она уже поправилась!

Абрамишвили перевел дух и сосредоточился. Круглое, привлекательное, как у мадонны, личико женщины украшал маленький нос идеальных очертаний.

— Огромное вам спасибо, — поклонился муж и крепко пожал Абрамишвили руку. Мадонна насмешливо взглянула на врача, затем стыдливо потупилась, и улыбка Джоконды зазмеилась в уголках ее губ.

Счастливые супруги удалились. Абрамишвили с тяжелым сердцем глядел им вслед. Охваченный каким-то неприятным предчувствием, он присел перед операционным зеркалом, но тут же подскочил как ужаленный, испустив при этом нечленораздельный вопль. Вместо привычных черт его правильного, слегка предолговатого, как у апостола, лица в зеркале отразился огромный нос, который брал начало где-то над бровями и закрывал не только рот, но и всю нижнюю челюсть.

Карло КАЛАДЗЕ

РОДНИК

Я стану землю рыхлить киркою
Средь павших наземь стволов тяжелых.
Здесь был родник, и я открою
Забитый мхами покатый жёлоб.

Родник пробился. Меж черных комьев
Бежит, стрекочет струя живая.
Я дом построю.

Об этом доме
Поет родник, благословляя.

Пусть мне помогут земля и небо,
Мою лопату судьба направит.
Она в какую упрется небыль,
Какое слово родник добавит?

И прежде были здесь дом и люди,
И старой извести в земле крупицы.
И снова станет здесь дом, и будет
Г!рохожий пить, вода струиться.

Перевел Евгений РЕЙН

ОХОТНИК

В горах пролагающий тропы,
Охотник, живущий согласно
С природой, — открой в поднебесье
Дорогу и в небо врата.
Быть может, на миг да удержишь
От древней игры, от соблазна —
От выстрела в сторону лани:
Пьянит и меня красота!

Пусть вспыльчивость старой двустволки
Ее пощадит! К родниковой
Она наклоняется чаше.
Прикрыл ее кряжистый бук.
Пускай ее снег одевает,
Родник огибая подковой,
Ведь ты никогда не кичился
Своею жестокостью, друг.

Скажи: «Что охвачено взором,
Все станет добычею нашей!»
И сразу поймешь свое сердце,
Мгновеньем таким дорожа.
Ночь прячется в старые буки
Над родниковой чашей.
Так встретим зарю, охотник,
У родника Важа!

КАШТАНОВЫЙ ЛЕС

Если бы мы через лес не бежали сначала —
Ты не смеялась бы так под каштанами теми!
И поцелуя бы первого не прозвучало,
Если бы там не лежали густые тени!

Как сосчитать, научи меня, как измерить,
Сколько секунд у ресниц? Как они трепещут!
Если не верить в глаза-ресницы, во что же верить?
Так, открывая кожуру-ежик, каштаны блещут.

Не убежать нам, маленькая, не скрыться...
Разве не видишь?! Чувствую временами,
Что отовсюду смотрят деревьев лица —
Лес каштановый зорко следит за нами!

ДЯТЕЛ

Стою на опушке. Доносится звук —
Лесину долбишь недалече.
Но разве под бременем бед и разлук
Мои прогибаются плечи?!

Какой я старик? И меня ли ровнять
С колонной иссохшего бука?
Владыке лесов у меня не отнять
Ни вздоха, ни взгляда, ни звука!

Что в сердце стучишь? Разве крикнешь скорей,
Смелее меня, человека:
— Столетье, и мы по дороге своей
Дойдем до грядущего века!

Живущий извечно надеждой храним —
Весна или осень в столице —
Ведь солнцем сверкала под солнцем моим
Любая слеза на реснице...

СОЛНЦЕ, ПОЖАЛУЙ В ДОМ

Солнце, пожалуй, солнце, пожалуй в дом,
Если словом зажег тебя поутру.
Что напишу и что зачеркну потом —
Должен тебе доверить, не то умру!
Верен извечной клятве. На том стою.
«Солнцем моим клянусь!» — повторять хочу.
Чаша предков полнится в честь твою.
Мне, как бывало, впору и по плечу
День наступающий ясно запечатлеть.
Вновь обращаю палитру свою к нему.
Если светило снова принудят тлеть, —
К тучам десницу тяжкую подниму!
Сланцевый камень встретится нынче мне,
Чисто белея светлому дню под стать,
Чтоб утвердиться завтра в моей стене,
Чтобы назавтра кровом высоким стать.
Сам изнурен угрюмостью домосед —
Что это люди прячутся, как сычи?
Но, обходя с улыбкою белый свет,
Я собираю солнечные лучи!
Вечно унылым — нет моей веры, нет!
Не доверяйте хмурым и до ворот.
...Тяжесть и горечь личных невзгод и бед
Встречу под кровлей, не понесу в народ.

Солнце, пожалуй, солнце, пожалуй в дом!
Долгие думы высвети, освети.
Кто соберет их да объяснит притом,
Как родились они на большом пути?
Ветром исхлестан, ливнями иссечен —
Жить не устал, до времени не зачах.
Жарко дышу, а ты над моим плечом,
Так осушу ресницы в твоих лучах!
Вновь испытываем жребий: что скрыто в нем?
Снова принудим чувство облечься в звук.
Тот, кто за горло схвачен летящим днем,
Песни не слышит, песни не знает, друг...
Солнце, пожалуй! Солнце, пожалуй в дом!
Ты еще светишь, счастьем глаза слепя.
...Вновь пишу, и зачеркиваю потом:
Знать бы, где ты, а где уже нет тебя!

ДОРОГА

Только кажется, что долог, а не так уж долог путь:
Нам с тобою эти горы не наскучили ничуть.

Разве дни, шагая с песней, не взойдут к снегам вершин?
Видишь, даже тень балкона устремилась к мостовой...
Ну, а если восхождение к ледникам не совершим, —
Кто кого опережает, последим тогда с тобой!

День обманчив, многоцветен — ни минуты не теряй!
Путник, ты в дорогу вышел, ты уже на полпути,
Но, обманчивый и пестрый, — с ним шаги соизмеряй! —
День успел твою дорогу до конца уже пройти.

Из реки Чайлури тихо отхлебнул еще глоток.
Для чего? О том не скажут и следившие за ним.
Почему? О том не знают в слежке знающие толк.
Что нам делать, если каждый жив стремлением своим?

Мы могли бы день окончить этой высью голубой.
Долгий путь не так уж долог, как казалось нам с тобой.

Перевел Ян ГОЛЬЦМАН

Константин ЛОМИА

Чтоб мир, уставший от зимы, согреть,
Пришла весна и власть провозгласила,
Тех разбудила, кто способен петь,
А мне как будто детство возвратила.

Лучи весны бегут, как скакуны,
Их пьет земля и в даль уносят реки.
И кажется, на свете ни войны,
Ни бед, ни горя не было вовеки.

Стояли, велики и тяжелы,
Старинные часы со звонким боем.
Они тащили время, как волю,
Иль время их тащило за собою.

И все-таки не вечны и они,
Хотя из бронзы сделаны и стали.
Они так много за былые дни
Секунд, минут, часов пересчитали,
Что вдруг устали, вздрогнули и стали.
Лишь время вечно, а не шестерни.

Разве море Черное черно?
Черноты мы в нем не замечали.
Или было черным и оно
В некий день, когда давным-давно
Это море Черным нарекали.

Я решать загадок не умею,
Но, быть может, были времена,
Что от крови и от слез Медеи
Стала моря гладь черным-черна.

АБХАЗСКИЕ СТРОКИ

Красота дается не навек,
Что цвело недавно, все увянет.
Вечно только то, что ум изрек,
То пословицей иль песней станет.

●

От ничтожных дел вовек
Громкой славы не бывало.
Не поднимет человек
Бурь посредством опахала.

●

Счастливец ты, коль век свой проживешь
Так, чтоб оставить на земле не менее
Скорбящих о тебе, когда умрешь,
Чем тех, кто рад был твоему рождению.

●

Не страшно, если ветер ветви
Гнет или шелестит в траве.
Страшней гораздо, если ветер
В твоей гуляет голове.

●

Кустарник частый не полег:
Кусты друг друга защитили,
А дуб в грозу упал в бессилье:
Он был могуч, но одинок.

●

Лишь тот, кто затемно встает,
Кто пота не жалеет,
Взрастит в саду тяжелый плод.
Он в землю посох свой воткнет,
И тот зазеленеет.

Пусть всяк по-своему живет,
Сказать верней: живет, как может.
Пусть стоя дерево растет,
А дыня пусть тучнеет лежа.

И ум и силу ценим мы,
Но ум ценней, конечно:
Дается сила нам взаимно,
Дается ум навечно.

Пшеничные стебли один к одному,
Согбенные весом колосьев немалых,
Стоят, словно кланяясь низко тому,
Кто поле засеял и жизнь даровал им.

Будет долгой жизнь твоя иль краткой,
Так живи, чтоб в твой последний миг
Слезы утирал со щек украдкой
И выдавший виды гробовщик.

Всего добьешься силой, все возьмешь,
Но две стихии неподвластны ей:
Ты рта и силой правде не заткнешь,
И силой не прервешь течение дней.

И если будет чудом нам дана
Возможность выбора всего одна,
Я вам желаю сделать выбор, люди:
Не радость ваша будет пусть длинна,
Пусть лучше горе ваше кратким будет.

МАНУЧАР Баделидзе некоторое время жил в беспокойном ожидании, одолеваемый различными сомнениями. Так прошла целая неделя. В один прекрасный день к нему явился Варлам. Когда Манучар открыл ему дверь, Варлам растерялся — он никак не ожидал застать его дома.

— Входи, входи, — Манучар взял его за локоть, Варлам остановился в смущении. Манучар почти насильно втолкнул смутившегося гостя в комнату, усадил его в кресло, а сам сел на тахту.

— Целый день места себе не нахожу, не привык я дома сидеть, — Манучар принужденно рассмеялся. — И как только эти дураки выдерживают, уткнутся носом в книгу, и все им нипочем.

— Действительно! И что они за люди! — поддакнул ему Варлам.

— Да, вот взять, к примеру, моего тестя. На него смотреть противно! — Манучар закурил.

— Э-э, плохи твои де-

Иорам ЧАДУНЭЛИ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БАЛ

●
Р о м а н
●

Продолжение. Начало в
№ 10.

Перевела Нора НЕЙМАН

ла! С таким тестем далеко не пойдешь, — засмеялся Варлам.

— В этом смысле ты, Варлам, счастливчик, — улыбнулся хозяин, — твой тесть — правильный парень. Я бы с радостью променял на него моего профессора, — закончил он, нахмурясь.

— Ты что, нездоров? — заботливо спросил его Варлам, вставая с кресла.

— Эх, дружок, от моей болезни есть только одно лекарство, — он понизил голос. — Известно ведь тебе, каждое дерево свой червячок точит. Сомнение мне в душу заползло, не дает оно мне покоя.

— Не узнаю я тебя что-то, Манучар, ты — и вдруг такие речи. Нашу опору что-то беспокоит, а мы, грешные, спим себе безмятежно, так, что ли, получается? — Варлам заволновался: уж не пронюхал ли Манучар о его шашнях с Русудан.

-- Не знаю, не знаю... Представь, я боюсь остаться наедине с самим собой. Мыслей боюсь. Все, кажется, у меня в порядке, все чин чином, а вот не покидает меня страх, боюсь, понимаешь. — Манучар пригоднялся. Голос у него был печальный, он глубоко вздохнул.

— Ого, да ты, видно, не шутишь? Может, скажешь, что тебя заботит? — Варлам приободрился: видно, Русудан тут ни при чем.

— Слухи до меня дошли, шефа моего от нас убирают, — доверительно тихим голосом проговорил Манучар.

— Не может этого быть! — как бы успокаивая самого себя, возразил Варлам. — Правда, давно об этом поговаривают, я слышал, но, как видишь, до сих пор ничего не изменилось. И, я думаю, ничего в ближайшее время не изменится.

-- Твоими бы устами да мед пить, — улыбнулся Манучар. — Я ведь со дня на день повышения ожидаю. И если судьба будет ко мне милостива, то... — хозяин внимательно оглядел комнату, как бы проверяя, не слышит ли кто, и прошептал: — Эту чертову тегушку, говорят, скоро вышибут, а на ее место...

--- Не волнуйся, дорогой Манучар, не родился еще человек, который наперекор твоему слову пой-

дет, ты у нас маленький царек, а мы твои верные рабы. — Варлам в знак покорности склонил голову.

— Нет, Варлам, дела не так уж блестящи. Если, не приведи бог, произойдут существенные перемены, никого из нас не пощадят! Но, может быть, тебя выдвинуть успею. Если освободится в будущем месяце место управляющего, считай, твое оно.

Слова Манучара заставили Варлама призадуматься. Он, разумеется, великолепно понимал, что хозяин откровенен с ним не до конца. Однако, хотя Манучар был человек хитрый и изворотливый, в тот день он был настолько озабочен, что не мог этого скрыть. Ему были глубоко безразличны и Варлам, и его продвижение по службе, сейчас его волновало собственное положение. Он прекрасно понимал, что может означать для него смена руководства, и молил бога, чтобы шеф его оставался на своем служебном посту как можно дольше. Но в последнее время Баделидзе стал замечать, что шеф выглядит невеселым и раздраженным. Однако Талико убеждала его в том, что для беспокойства нет никаких оснований. Тем не менее он волновался, и ему захотелось проверить, так ли уж прочно его общественное положение, по-прежнему ли он могуществен и почитаем в обществе. С этой целью он и затеял великолепный рождественский прием...

Манучар украдкой поглядел на часы. Было уже около двух часов ночи, но гости не торопились расходиться. И хотя племянничек Талико и внес на какое-то время небольшой диссонанс в застолье, все быстро уладилось, тем более, что он со своей компанией пробыл здесь недолго.

Да, пора было гостям убраться восвояси. Манучара совершенно не интересовали их договоры, посулы, обещания, разговоры — о повышениях, переводе с места на место и т. д. Цель его была достигнута: все это общество уличезрело в его доме пока еще всеильную Талико Эргемлидзе. А это значило очень много. Итак, прием удался! Манучар был в восторге.

Воздух в кабинете инспектора уголовного розыска был мертвым. Джуаншер распахнул окно и с удовольствием ощутил свежесть, которой веяло из небольшого сада, находившегося рядом с управлением милиции. Неожиданно дверь отворилась и на пороге появился высокий черноволосый капитан, начальник опергруппы городского управления министерства внутренних дел Торнике Мерквиладзе.

— Здравствуй, Джуаншер! Что у тебя лицо такое хмурое, случилось что-нибудь?

— Сядь, — указал ему Джуаншер на стул. — Ты пришел вовремя, мне как раз нужен твой совет.

— Ну, рассказывай, — Торнике сел и с удовольствием задымил сигаретой.

— Ты понимаешь, ничего не могу поделать с этим Дидидзе и его дружками, — взволнованно обратился к нему Джуаншер. — У них появились новые покровители.

— Тоже мне новости! Об этом все знают. С этим типом ничего не поделаешь. Он неуправляет.

— Я вызвал его к себе на завтра.

— Это бесполезно, поверь мне. Прежде чем он появится на пороге твоего кабинета, тебя предупредят, чтобы ты не приставал к нему. Он, скажут тебе, прекрасный парень и ни в чем не виноват.

— Неужели так обстоят дела?

— Могу поделиться опытом. До того как это дело поручили тебе, оно было у меня. Этот парень имеет по крайней мере около пяти приводов, от хулиганства и до нанесения тяжелого ранения. — Торнике откинулся на спинку стула. — Я, как и ты, сначала по-настоящему взялся за него, думаю, заскучает он у меня по Сибири, да не тут-то было. Дело у меня очень быстро забрали, а еще через месяц увидел я Дидидзе прогуливающимся по проспекту Руставели. Так-то, мой милый. Как ты знаешь, все тайное всегда становится явным: очень скоро я узнал, кто ему покровительствует, чей он племянничек, и понял, что сам бог тут мне не помощник.

— Ого, вот это для меня уже новость!

— Да, дорогой, так-то.

— По-твоему, я должен отказаться от этого дела?

— А это уже как сам знаешь! Я свое сказал. Помнишь меня, этот тип еще натворит такое! И двух месяцев не прошло, как его выпустили из тюрьмы, а уже разгуливает да с револьвером в кармане. Разве на это можно закрывать глаза!

— Да, по закону ему надлежит сейчас отбывать наказание в исправительно-трудовой колонии...

Торнике вскоре ушел. Оставшись один, Джуаншер долго сидел в задумчивости. Тишину кабинета нарушил дверной скрип. Джуаншер поднял голову.

— А-а, Отар, вот сюрприз! Откуда ты? — встал Джуаншер, приветствуя друга. Оба сели.

— Ну, рассказывай, как поживаешь, над чем работаешь? — улыбаясь спросил Джуаншер.

— Да как тебе сказать, — неопределенно пожал плечами Отар, — ты ведь знаешь, как теперь стало трудно печатать правду.

— Нелегко, — согласился Джуаншер. — А тем более твои статьи. Я ведь тебя, дружище, знаю, и как ты пишешь тоже, а нынче ведь критические выступления не в чести.

— Насколько я знаю, ты не родственник нашему редактору?

Джуаншер снова рассмеялся.

— Не имею счастья быть с ним даже близко знакомым. — Джуаншер закурил. — И не знаю, что он за человек.

— Зато я знаю. Про таких говорят — нос по ветру держит. Мы теперь не печатаем ни одного критического материала, одни лишь хвалебные статьи. Какая от них польза, сам знаешь.

— Вероятно, он доволен жизнью, этот ваш редактор?

— Трудно сказать. Но ясно, что он предпочитает обходить острые углы, сторонится гнева сильных мира сего. Так что, если есть у человека могущественный покровитель, он, что бы ни делал, может спать спокойно — критическую статью в его адрес наша газета не напечатает.

— Ох уж этот протекционизм! — покачал головой Джуаншер.

— О, у нас он в самом зените. Я к тебе, знаешь, зачем пришел? Хочу написать о каком-нибудь интересном деле.

— Постараюсь найти для тебя что-нибудь подходящее, — улыбнулся Джуаншер.

— Я твердо решил не уступать своих позиций.

— Хорошо говоришь!

— Эх, Джуаншер, тяжело нынче приходится. Иногда как задумаюсь, сам в себе сомневаться начинаю. Везде и во всем одна несправедливость. А чего стоит хотя бы то, что некоторые должностные лица соревнуются между собой, кто пороскошней выстроит квартиру или дачу!

— Ты прав, Отар!

— А если прав, то куда, позволь спросить, смотрят органы правосудия? Почему ваш меч затупился? Как случилось, что вы проходите мимо таких вещей?

— Трудно, Отар, сразу ответить на все твои вопросы. Одно только тебе скажу — дай срок, все станет на свои места.

— Когда же, когда, Джуаншер? Ведь мы коммунисты, не подобает нам находиться в тени! Если не мы, молодые, кто же должен поднять свой голос против несправедливости и беззакония?

— Конечно же, мы. Если дело того потребует, не побоюсь и я поддержать тебя.

— Ну, раз так, я покажу тебе одну интересную статью. Думаю, ты оценишь ее по достоинству...

Начальник управления Гурам Ломия неподвижно сидел в кожаном кресле, словно мумия, грозно нахмурив брови и вытянувшись. Он не обратил никакого внимания на появление Джуаншера. По прошествии довольно долгого времени Ломия вдруг резко обернулся к Джуаншеру и окинул его холодным, ничего не выражающим взглядом.

Джуаншер опустился на стул и выжидающе глядел на шефа.

На дворе стоял нестерпимый зной, но в кабинете начальника было прохладно. Сотрудники управле-

ния между тем изнывали от жары и наконец на партийном собрании потребовали установить вентиляцию в рабочих комнатах, заменить раздолбанные письменные столы и стулья. Ломия горячо обещал партийному собранию устранить все имеющиеся недостатки. И действительно, не прошло и недели, как в здании управления засуетились рабочие — плотники, маляры, штукатуры... Они побелили комнаты инспекторов. Потом на столах появились небольшие вентиляторы. На том дело и кончилось. А кабинет начальника управления был отремонтирован с ошеломляющей роскошью. В нем установили мощное вентиляционное устройство, к пяти телефонным аппаратам прибавили еще четыре. Кабинет так отделали, что авторитет начальника стал расти день ото дня.

— Ты что со мной делаешь, парень! Это вместо благодарности? Я тебя сюда на работу перевел, а ты так меня благодаришь?! — возмущенно заговорил наконец начальник.

— Нельзя ли конкретней, товарищ полковник? Что я такого сделал, в чем моя вина? — спросил Джуаншер, вставая со стула.

Ломия подергал себя за галстук и с еще большим раздражением продолжал:

— Мне кажется, ты разучился что-либо понимать. Можешь объяснить мне толком, что происходит? — Он медленно вытащил из кармана пачку сигарет, закурил. — Чем это вы все недовольны? Уж, кажется, от вас никаких жертв не требуется, все, слава богу, взваливается на мою голову, а вам опять не угодить, — казалось, терпение у полковника иссякает. — Опять у нас неразбериха, и это по твоей милости!

Джуаншер молчал.

— Удивляюсь я, — полковник вдруг вскочил с кресла. — Если тебя ничего не интересует, мог бы и вовсе не работать в милиции.

— Ничего не понимаю... — пожал плечами Джуаншер.

— Да, я забыл сказать тебе главное, — голос начальника стал несколько тише. — Неужели ты не знаешь, кто этот человек? Не прикидывайся, знаешь

прекрасно, только тебе на все наплевать. Или ты не знаешь, кто эта женщина?!.. Не советую тебе иметь с ней дело! Оставь в покое ее и ее родственников, и если даже мир обрушится на тебя, не упоминай имени этого парня, понял?..

Джуаншер в течение всего этого времени стоя терпеливо ждал, когда Ломия закончит свой монолог. Лицо начальника покраснело, как помидор, и он продолжал с еще большим раздражением:

— Чего это ты, как назло, прицепился к племяннику Эргемлидзе, мало, что ли, в городе всяких хулиганов, воров и убийц? Для чего тебе понадобилось именно сейчас, когда наконец к нам милостивы, затевать всю эту возню, да еще вокруг кого!..

— Юноша только что вышел из тюрьмы. По моему мнению, это субъект трудновоспитуемый, вот я и счел необходимым учредить над ним административный надзор.

— Независимые суждения погубят тебя. Я советую, слышишь, оставь этого парня в покое, иначе добром это дело не кончится. Где столько хулиганов и воров, пусть будет еще один. Тебе какое дело, в конце концов, пусть хоть головой об стенку бьется! Пора уже, мой милый, научиться вовремя умыть руки.

Джуаншеру невольно вспомнился Торнике.

После того вечера Нана впервые задумалась над своей жизнью. Мужу было явно не до нее. Он всегда бывал занят всякими делами и в кои веки находил время для жены. Правда, в первые месяцы после свадьбы и Рамаз, и его мать, Элисабед, баловали Нану, носились с нею, но теперь и сына, и мать словно подменили, они не достаивали невестку разговорами, а о семейных делах совещались за закрытой дверью. Правда, Рамаз не позволял себе в отношении жены никаких грубостей. Как-то раз, впрочем, он довольно резко спросил у нее:

— Откуда ты знаешь Отара?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — удивилась Нана. — Что тут удивительного, разве мне нельзя иметь знакомых?

— Да, но почему ты стала на сторону этого пустомели? Он ведь издевался надо мной в моем соб-

ственном доме, при моих гостях! — повысил голос Рамаз. — Я очень жалею, что тогда же не указал ему на дверь!

— Что с тобой, Рамаз, тебя словно подменили. Неужели я не имею права говорить то, что думаю?

— Впредь я прошу тебя, Нана, не вмешиваться в мою личную жизнь, — в голосе Рамаза слышалось раздражение. — Мы должны научиться понимать друг друга, пока не поздно.

— Мне кажется, именно ты не хочешь понять меня. — Нана отошла от гардероба, который убирала, и приблизилась к мужу.

— Ты, наверное, забыл, в какой семье я росла? Понимаешь, Рамаз, не умею я лгать и притворяться, и с бесчестными людьми водиться не привыкла. Дома, в семье отца, я была счастлива, — Нана незаметно вытерла непрошеную слезу, — а тут все время живу в ожидании чего-то плохого, боюсь чего-то.

— Почему ты говоришь со мной в таком тоне? Ты унижаешь меня, тем более, что ты знаешь — я честный человек.

— Я чувствую, что ты злишься на Отара еще и потому, что он мой товарищ. Прошу тебя, оставь в покое этого человека... В конце концов вражда с ним не принесет тебе ничего, кроме неприятностей.

— А я со своей стороны прошу тебя не поддерживать его и не поддакивать ему!

— Не понимаю, Рамаз, где это я с ним встречаюсь, чтобы его поддерживать, о чем ты говоришь! Что произошло?

— Ничего особенного, кроме того, что я не перевариваю, когда человек, приглашенный в мой дом, смеет оскорблять моего гостя. Да он при случае не пощадит и никого из нас! Самого себя высмеять может, потому что нет у него ни чести, ни совести... и семьи нет!..

Рамаз не открыл Нане настоящей причины своего враждебного отношения к бывшему товарищу. А он попросту ревновал к Отару свою жену.

Настойчивый телефонный звонок нарушил после-

обеденный отдых Рамаза. Звонил Манучар Баделидзе.

— Хорошие вести, Рамаз, — сказал ему в трубку Манучар. — Приходи, поговорить надо.

Рамаз не знал, что произошло, но интуиция подсказала ему, что произошло что-то значительное. «Кто я и что из себя представляю?» — почему-то подумалось вдруг ему. Он сторонним взглядом окинул комнату, в которой находился. «Кто я и что я собой представляю?» — сверлила мозг странная мысль. Он взглянул на часы. Было уже восемь, время идти к Манучару.

— Ужинайте без меня, я, вероятно, задержусь, — сказал он жене.

Нана подошла к Рамазу и, обняв его за шею, прижалась к его груди.

— В последнее время ты совсем не бываешь дома, не оставляй меня одну, мне так тоскливо, — жалобно сказала она.

— Что поделаешь, дорогая, дела!..

— Что за дела такие, Рамаз, я не понимаю. Ты с каждым днем отдаляешься от меня. Я чувствую, что жизнь моя стала бессмысленной, я словно разучилась думать, надоело мне ежедневно, как заведенной, делать одно и то же — готовить еду, накрывать на стол, стирать, убирать постели. Ежедневно мне твердят о том, что интересы семьи превыше всего, что главное в жизни — деньги!.. А я так мечтала стать хорошим врачом! — Нана отошла от него, присела на кровать и горько разрыдалась.

Рамаз не ожидал такого, растерялся, смутился. Он чувствовал, что жена права, но не находил для нее слов утешения.

Очнулся он от неприятных мыслей лишь у подъезда дома Баделидзе.

У Манучара он встретился со своим зятем Варламом Бурчуладзе.

— Ну-у, дорогой Рамаз, с тех пор как ты перешел в институт, ты так заважничал, что не находишь времени навестить собственную сестру, — засмеялся Варлам, пододвигая шурину стул и протягивая ему полный бокал вина.

— Подожди, — прервал его Манучар. — Сперва выпьем за Рамаза!

Рамаз терпеливо ждал, когда наконец выяснится, зачем Манучар позвал его к себе.

— Батоно Рамаз, я наконец сумел убедить наше руководство в том, что ты человек честный, эрудированный и несомненно заслуживаешь доверия. Говоря откровенно, услышав мое предложение, ректор вашего института не проявил по этому поводу особого восторга, однако я дал ему понять, от чьего имени говорю, и тогда он вынужден был согласиться, но одно условие этот выживший из ума старикашка мне все-таки поставил. — О том, какое это было условие, Манучар не сказал, однако не скрыл того, что приемными экзаменами в институт предстояло руководить Рамазу Бибилури. — Должен же я наконец сделать этого вашего ректора человеком, жаль старичка, правда, да что поделаешь, дал слово — держись!.. Да, дорого, братец, обходится мне эта самоотверженность, но ведь говорят: для милого дружка... Не люблю, когда люди не выполняют своего обещания. В скором времени представлю я твоего ректора к высокой награде! Что поделаешь, главное в нашей жизни — забота о ближнем. Без этого не проживешь!

Рамаз Бибилури позабыл обо всех своих невзгодах, куда-то исчезли, испарились тяжкие мысли, с которыми он вышел из дому. Он был счастлив, и самыми дорогими людьми для него сейчас были эти два человека, с помощью которых он шел желанной тропой возвышения.

— Я думаю, тебе не нужны мои наставления, ты человек проникательный, — тихо внушал ему Манучар. — Не скрою, путь твой не будет усеян розами, тебя ждет много сложностей, но ты не бойся, иди вперед, а в высоких покровителях недостатка у тебя не будет, это я тебе обещаю. Не скрою, я очень надеюсь на тебя, в таком деле человек должен быть инициативным и крепким... Да, правда, я даже не спросил тебя, может, ты вообще не согласен?..

Рамаз почтительно склонил голову, а Манучар продолжал:

— У тебя, мой милый, нет выбора. Ты не можешь не согласиться. Дело не только в нашем служении народу, мы ведь с тобой ближайшие родственники, и это обстоятельство налагает на нас особую ответственность. Поражение одного из нас, — тут он оглядел своих сотрапезников, — будет поражением и несчастьем для всех других.

— Замечательно говоришь, Манучар! — подхватил Варлам. — Я убежден, все будет так, как ты хочешь.

— У-ух! — с азартом воскликнул восхищенный Рамаз.

* * *

Дня за два до начала приемных экзаменов Манучар Баделидзе вызвал к себе младшего Бибилури. Рамаз приоткрыл обитую дерматином дверь кабинета Баделидзе и остановился на пороге.

— Входи! — ледяным тоном позвал его Манучар.

На миг Рамазу показалось, что говорит с ним не Манучар Баделидзе, а совсем другой человек.

— Что с тобой, входи! — Манучар, вероятно, понял, что его официальный тон смутил Рамаза, он встал с кресла и подождал, пока последний подошел к столу.

Рамаз, приблизившись, протянул ему для приветствия руку.

— Что нос повесил, плохо себя чувствуешь? — Манучар пожал протянутую руку, потрепал его по плечу и подтолкнул к стулу. — Сядь, через час у меня совещание, я должен делать доклад. Видишь, по горло утопаю в бумагах...

Рамаз чувствовал себя неловко, он никак не ожидал такой встречи. Оказалось, Манучар вовсе не такой человек, каким Рамаз представлял его себе.

— Не сомневаюсь, что экзамены пройдут нормально! — снова этот холодный официальный голос Манучара сбил Рамаза с толку. Но тут, к его удивлению, на лице Баделидзе появилась знакомая доверительная улыбка. Его глаза испытующе смотрели на Бибилури.

— Смотри, Рамаз, не подведи меня! — после довольно продолжительного молчания, во время кото-

рого Рамаз лихорадочно искал соответствующие ситуации слова, просто сказал Манучар.

От давешнего холода не осталось и следа. Рамаз видел перед собой прежнего Манучара.

— Ничего невозможного я от тебя не требую. Вот посмотри: все эти лица должны быть зачислены. — Манучар передал Рамазу напечатанный на машинке список. И тоном, не терпящим возражений, добавил: — За них просили.

С того дня до конца экзаменов председатель приемной комиссии Рамаз Бибилури не жил дома. Его местонахождение знали лишь домашние. Бено держал себя так, как и подобает человеку всемогущему, не отставала от него и калбатони Элисабед. Бено, конечно, был человек особенный. Гостей он встречал радушно, накрывал столы, приносил тосты. И если гость затевал некую откровенную беседу, становился еще хлебосольней.

— Два года подряд ребенок сдает, — пожаловался ему однажды полужнакомый гость, человек уже пожилой, осанистый, прибывший на собственной «Волге».

— Правда? — удивился хозяин. — Бедняга, замучился небось, — сокрушенно покачал головой Бено.

— И не говорите! Дорогой мой, будьте благодетелем, подействуйте, а за нами дело не станет, уж мы вас не обидим, слава богу, не нищие! Очень хочу, чтобы ребенок закончил медицинский, — сказал в завершение беседы гость.

Разумеется, Бено доверял не всем. И глаз у него был наметан, инюх — как у ищейки, — Бено был человек битый, искушенный во всевозможных делах и всегда безошибочно находил общий язык с людьми надежными и знающими цену деньгам.

Элисабед, полулежа на диване в гостиной, с серьезным лицом выслушивала пришедших к ней с чрезвычайным визитом жену Дарчо Зейнаб и ее молоденькую родственницу.

— Так о чем это я... Ах да, нынче говорят, дорога моя Элисабед, медицинский — это экстра. —

Супруга Дарчо была женщина рослая и пышная. Ее толстую короткую шею украшала массивная золотая цепь, в ушах сверкали бриллиантовые серьги довольно топорной работы. Она говорила медленно, приподнимая густые сросшиеся брови. В свое время Зейнаб считалась завидной невестой. Нынешний супруг ее, Дарчо, был тогда железнодорожным рабочим (мясником он сделался гораздо позднее по вразумлению дорогой супруги) и никак не мог покорить сердце разборчивой девицы, но, дай бог здоровья хорошим людям, помогли, а иначе разве бы удостоился он такой чести, — Зейнаб Арутюнова, хотя и была всего-навсего дочерью незаметного продавца, держала себя так высокомерно, что подступиться к ней не было никакой возможности. Брак Дарчо и Зейнаб оказался счастливым, они даже стали походить друг на друга, как близнецы. Одно только омрачало супружеское счастье — Зейнаб оказалась бездетной.

Родственники и друзья Дарчо побаивались его супруги и всячески заискивали перед ней, зная, что, заслужив ее немилость, они рисковали потерять расположение и самого Дарчо. Он оказался почитательным и покорным мужем, ни в чем не отказывал жене и ничего не делал без ее ведома, однако все это не мешало ему развлекаться на стороне с особами легкого поведения.

Девушку, что пришла вместе с супругой Дарчо, звали Лизико, она, как уже говорилось, приходилась Зейнаб дальней родственницей, однако родственные узы отнюдь не являлись для мясника препятствием к тому, чтобы время от времени украдкой срывать поцелуи с уст хорошенькой резвушка. Увы, очень скоро после описываемых событий Дарчо предал земле свою драгоценную Зейнаб, упокоив ее на Кукийском кладбище в непосредственной близости от любимых родителей, а сам, оставшись один на один с Лизико, уже привыкшей к его ласкам, с превеликим удовольствием возвел ее на брачное ложе.

— Дама права, — вмешалась в беседу двух приятельниц толстолицая, малосимпатичная внешне сестра Бено по имени Цуцуна.

Зейнаб продолжала:

— Уж очень мне хочется поступить в медицин-

ский, да вот незадача — Дарчо сопротивляется. Бонтя, бедняга, как заделается, мол, моя жена ученой, неровен час, из дому сбежит, ха-ха!..

— А ты, дорогуша, в медицинский не собираешься? — взглянула Элисабед на зардевшуюся от смущения до самых кончиков ушей Лизико. Лизико опустила голову еще ниже, она, бедная, не знала, как держать себя в высшем обществе.

--- Скажешь тоже!.. Откуда у нее такие возможности? А я вот, действительно, всем сердцем хочу!.. — вздохнула Зейнаб.

Однако, как мы уже знаем, заветной мечте Зейнаб не суждено было сбыться, в ту весну, еще до того, как началась экзаменационная горячка, она неожиданно для всех навеки закрыла глаза.

— Смотри-ка на нее, — поправила на носу очки Цуцуна. — Разве медицинский институт караван-сарай, чтобы каждый, кто вздумает, мог в нем учиться! — возмутилась она. — Вам ведь, уважаемая, навверное уже не меньше сорока пяти!..

— Что вы, Цуцуна-джан, — с достоинством возразила ей супруга мясника. — Мне только в позапрошлом исполнилось сорок, но какое имеет значение возраст, когда сердце у меня, как у птички.

— Кто знает, может быть вы и правы, — миролюбиво согласилась с нею Цуцуна; она вдруг вспомнила, что ей уже стукнуло сорок пять.

— Если ты действительно всем сердцем этого желаешь, — наставительным тоном сказала Элисабед, — я для тебя постараюсь!

В один из дней у Бено с сыном состоялся важный разговор.

— Я тебе уже раз говорил, больше повторять не стану, --- сказал отец сыну. — Чем больше ты приобретешь, тем больше у тебя будет веса. Подумай о будущем. Помни, карман Баделидзе не принадлежит нашей семье, это его личная собственность.

--- Довольно, отец, я понял, — махнул рукой Рамаз.

— Ну, если понял, тогда запомни: эти ребята непременно должны быть зачислены...

С этими словами он протянул ему листок, на котором отчетливо были написаны десять фамилий.

* * *

Посреди просторной комнаты стоял старинный, инкрустированный перламутром, черный лаковый стол, уставленный множеством коньячных и шампанских бутылок. Из разноцветных китайских чашечек поднимался аромат бразильского кофе.

— Кофе стынет, — сказал невысокий, светловолосый молодой человек в слегка удлиненном — по моде — пиджаке. По тону его было видно, что тут он чувствовал себя как дома.

— Ну и пусть стынет, кому он нужен, уже четвертую чашку допиваем, — сказала Русудан. Она была в парике пепельного цвета.

— Какой у тебя красивый браслет, — светловолосый оценивающе поглядел на браслет девушки и отпил глоток кофе.

— А мне нравятся твои слаксы, — Русудан внимательно разглядывала широкие с обшлагами брюки Заза Долидзе.

Заза в этом году заканчивал среднюю школу. Он был баловнем родителей. Отец его, Лавросий Долидзе, работал на прибыльном месте и, имея большие связи в торговом мире, щедро оплачивал модные заморские наряды своего единственного чада.

— Что в них хорошего? — презрительно посмотрел на Русудан высокий худощавый парень.

Заза искоса взглянул на одноклассника.

— Не всем же быть такими пижонами, как ты! — насмешливо возразил он.

— Перестань, — миролюбиво заметил третий их товарищ, здоровенный верзила, разряженный как девушка. Все трое юношей учились в одном классе.

В это время в комнату вошел высокий молодой человек, на руке которого красовался массивный перстень с бирюзой, на нем были брюки с широченными обшлагами и широкобортный пиджак.

— А, это ты, Тамаз, — лениво протянула Русудан, не пытаясь даже подняться с кресла.

— Я не один, со мной чувиха, — объявил он и, кивнув на дверь, позвал: — Входи, Маквала!

— Знакомтесь, это Маквала, — обратился он к друзьям, когда та вошла, но никто из присутствующих не обратил на девушку никакого внимания.

Заза включил японский магнитофон. Начались танцы. В бешеном ритме безумной пляски трудно было разобрать, кто кого обнимает, с кем целуется. Музыка Джимми Хендрикса довела всех присутствующих до иступления. Более десяти минут длилось это безумие, наконец запись кончилась. Все повалились в изнеможении: кто в кресло, кто на тахту, а кто-то распростерся на полу. Маквала впервые оказалась в таком обществе. С удивлением оглядывалась она во круг.

— Кури! — Русудан протянула ей пачку сигарет.

Девушка взяла сигарету и закурила. Поперхнувшись дымом, закашлялась. Кашель был такой неистовый, что она почти лишилась сознания.

— Где ты подобрал эту деревенщину? — насмешливо спросила приятеля Русудан.

Тамаз не ответил.

— Включи что-нибудь потише, — сказала Русудан. — Итак, друзья, сегодня вечером квартира в полном нашем распоряжении.

Заза снова взялся за магнитофон...

Маквала наконец пришла в себя. Поднялась и вышла из комнаты. Ее отсутствия никто не заметил.

* * *

Двор института был запружен абитуриентами.

— Заза Долидзе!

— Здесь!

— Тамаз Миндиашвили!

— Я!

— Маквала Дидебулидзе!

— Есть!

— В экзаменаторскую! — раздался леденящий кровь голос.

Все трое быстро вошли в здание института.

— Ваша фамилия? — спросил Рамаз Бибилури у светлицей девушки, вошедшей в аудиторию.

— Маквала Дидебулидзе, — четко произнесла девушка.

— Подойдите к тому столу, — указал он и углубился в бумаги.

За Маквалой последовали Заза Долидзе и Тамаз Миндиашвили. Их послали ко второму столу.

— Батоно Рамаз, — обратился к нему через некоторое время пожилой экзаменатор в очках, — абитуриент Долидзе к экзамену не подготовился!

Рамазу показалось, что старик намеревался сказать еще что-то, и он поспешил прервать его:

— Долидзе?! Оставьте его, я сам с ним побеседую, — он взглянул на пожилого экзаменатора с нескрываемым неудовольствием.

Не прошло и двух минут, как к Рамазу подошел Заза Долидзе.

— Ты что, правда не готов? — председатель комиссии указал Долидзе на стул.

— Он хотел меня провалить, — пожаловался Долидзе.

— Батоно Исидоре, этот юноша отвечал отлично, — обратился Рамаз к экзаменатору после недолгой беседы с Долидзе.

Долидзе получил пятерку.

То же повторилось и с Миндиашвили. Выполнив свой «долг», Бибилури вздохнул облегченно.

Не прошло и получаса, как к столу председателя комиссии приблизился молодой лысеющий преподаватель.

— Батоно Рамаз! — сказал он взволнованно. — Абитуриентка Дидебулидзе подготовлена прекрасно, я оцениваю ее знания на твердую пятерку, прошу вас побеседовать с нею и подтвердить мою оценку.

На лице Рамаза появилась насмешливая улыбка:

— Эта девушка приходится вам родственницей? — спросил он вполголоса и добавил: — В ваш собственный институт вы можете ее принять, никто не помешает!

Экзаменатор, смутившись и бормоча что-то невнятное, отошел от председательского стола.

— Вы злой и несправедливый человек, — раздал-

ся сдержанный голос Маквалы Дидебулидзе. — Но я требую, чтобы меня экзаменовали именно вы.

Поднявшись со стула, Бибилури молча вышел в соседнюю комнату.

— Неужели и мы, став взрослыми, превратимся в таких же черствых, бездушных людей? — сказала невысокая тоненькая девушка.

— Почему ты так думаешь? — спросила Маквала.

— Как это почему? Два года у меня из-за этого института слезы не просыхают.

— А ты крепись и не теряй надежды!

— Я креплюсь, да ведь сердце-то не железное!

— А я вот уже третий год, как в этот институт сдаю, — сказала Маквала. — Нельзя так отчаиваться!

— Нет, я не отчаиваюсь, буду сдавать еще раз на следующий год.

— До каких пор будет процветать такая несправедливость?!

— Рано или поздно, а добро, говорят, свою дорогу найдет.

— Не унывайте, девочки, — вмешался в их беседу оказавшийся рядом старый экзаменатор. — Несправедливость — семя невежества. Ее сеют невежды и неучи. Разумный человек не сотворит такого, — сказал он, оглядываясь вокруг. — Старайтесь не терять веры и надежды, без них человек не может существовать. — Он махнул им на прощание рукой и пошел своей дорогой.

Девушки долго молчали. Слова старого преподавателя заставили их задуматься.

— Вот тому парню поставили мою пятерку!

— Гляди, как им весело. Они уже чувствуют себя студентами.

— Но ведь экзамены еще не кончились.

— Какое значение для них имеют экзамены!

— Скажи мне, до каких пор люди будут терпеть это безобразие?!

— Здравствуйте! — к девушкам приблизился высокий, модно одетый парень.

— Сдал? — спросила его Маквала.

— Ага! Получил пятерку! — похвастался Тамаз Миндиашвили.

— Счастливчик! — печально сказала девушка.

— Ах ты, завидующая!.. — Тамаз легонько дернул ее за нос.

Девушка оттолкнула его руку.

Миндиашвили повернулся к стоявшему возле парню и что-то сказал ему на ухо.

* * *

В кармане Отара лежали остатки зарплаты. Он выгреб все содержимое, насчитал около девяти рублей с копейками и, сунув деньги обратно в карман, направился к ресторану «Иверия».

Бойкий молодой официант с полотенцем через плечо поспешил к его столу.

— Я вас слушаю!..

— Пожалуйста, бараний антрекот, салат и бутылочку холодного лимонада, — попросил Отар.

Официант, снисходительно поглядев на него, не спеша отправился выполнять заказ.

«Этому мальчишке нет никакого дела до того, что я голоден и ничего не ел с утра. Только бы набить собственный карман, — с досадой подумал Отар. — Ну, а мне, голубчик, тоже наплевать, что ты хочешь нажиться за мой счет, тем более, что такого, как я, бедняка ты вообще за человека не считаешь! Каков наглец, только подумать, вот уже двадцать минут прошло, а его и не видно. Вон тех троих, которые пришли позже меня, уже давно обслужили», — невесело размышлял Отар.

— Слава богу, что ты наконец вспомнил обо мне!..

Официант сдержанно улыбнулся. «Он, оказывается, еще и улыбаться умеет», — отметил про себя Отар.

Официант выложил принесенное на тарелку, тут же сткупорил лимонад и на секунду остановился перед Отаром.

— Может, еще чего-нибудь желаете?

— Нет, благодарю! — Отар попросил счет. Официант насчитал рубль семьдесят копеек. Отар положил на стол два рубля.

— Сдачи не надо.

-- Что вы, что вы!.. — стал отказываться официант и, порывшись в кармане, положил перед Отаром три пятикопеечные.

Отар оглянулся — мимо него в сопровождении стройной, очень красивой молоденькой девушки прошел Рамаз Бибилури. Сдержанно поздоровавшись с Отаром, он со своей спутницей устроился за столиком поодаль.

«Откуда мне знакомо ее лицо? — напряженно думал Отар. — Где я ее видел? Ах да, ведь это актриса! Что между ними общего? Они так заняты друг другом, что никого вокруг не видят», — он в упор поглядел на Рамаза, но тот, увлеченный своей спутницей, казалось, не замечал его взгляда.

«Если бы тут была Нана!» — подумалось Отару.

Размышления Отара прервал голос официанта. Отар поднял голову.

— Это вам прислали, — сказал официант, ставя на стол поднос с закусками и бутылками. — Вон тот парень, что сидит в углу с девушкой, угощает!

Кровь прилила к лицу Отара. Он почувствовал себя униженным. Встал и, не оглядываясь, стремительно вышел из ресторана. Пошел по проспекту Руставели, остановился у магазина «Воды Лагидзе», выпил два стакана воды, закусил хачапури. Выйдя из магазина, с удовольствием закурил сигарету. Шел медленно, развлекаясь разглядыванием витрин. Потом это ему наскучило. Снова вспомнился Рамаз Бибилури, вечер в его семье, все члены семьи Бибилури и их гости. Мысли остановились на прокуроре. Вспомнилось, как в споре с ним прокурор одержал победу, как спасовал перед ним редактор газеты. Никогда не забудет Отар беседы с этим столпом правосудия:

— Так, значит, юноша, не по-вашему вышло дело? — насмешливо спросил тогда прокурор. — Не пойму никак, какое вы в том видите удовольствие — чернить людей. Уверяю вас, дорогой, и я не слепой, кое-что вижу, смыслю, однако вы, надеюсь, это не хуже меня знаете: есть в мире могущественные силы, которые заставляют человека действовать не по своей воле. Да и

какая, скажите на милость, невидаль в том, если, к примеру, какой-то юноша поразвлечется с девушкой?— Прокурор расхохотался. — А разве с тобой такого не бывало?! — он помолчал, потом, окинув журналиста внимательным взглядом, продолжал: — Я вовсе не собираюсь потакать беззакониям, но когда мы имеем дело с подобным явлением, крайние меры, такие, как привлечение к судебной ответственности, мне представляются нецелесообразными. Вы не согласны со мной, молодой человек?

— Разумеется, разумеется! Так лучше — никакой ответственности! Никому ничего не грозит!..

Отар шел расстроенный, внутренне опустошенный. Циничные слова бессовестного человека снова и снова звучали в его ушах. Оскорбленная, обещанная одиннадцатилетняя девочка - сирота ждала от него защиты. Она верила в него, надеялась на него. А он, несмотря на все свои старания, оказался бессильным помочь чужому горю, обманул надежду этой несчастной.

Было уже пять часов. Перед зданием Дома связи Отар вдруг увидел Нану. Она шла с какой-то пожилой женщиной. Тоненькая, бледная, она выглядела задумчивой и печальной, шла, не видя никого вокруг. Глядя на прекрасное лицо Наны, Отар почувствовал острую жалость к ней. Знает ли ее недостойный муж ей цену? Нет, никогда не будет она счастлива с ним! Неужели она не чувствует, не понимает, что их ничего не связывает? Может, просто не находит в себе сил противостоять ему?..

— Отар! — вдруг окликнул его кто-то. Он обернулся, перед ним стоял сотрудник редакции, симпатичный молодой парень.

— О чем так задумался? Я тебя столько времени зову, а ты не слышишь. Есть приятная новость — нашего шефа уберают!

— Да ну? Что ты говоришь, Малхаз!

— Честное слово, вся редакция про то гудит!

— Э-э, дорогой, очередные слухи. Уже раз десять об этом поговаривали, а он по-прежнему на месте сидит. Его ничем не сдвинешь. Он многих устраивает. Умеет вовремя услужить кому надо, у него, как говорят, и овцы целы, и волки сыты. Всем угождает, никого не обидит. Что тебе не нравится наш редактор,

меня несколько не удивляет, а вот то, что он тебя все время нахваливает, мне очень даже странно, дружище, — засмеялся Отар.

— А с тобой разве не то же самое? Будто бы не знаешь. На заседании редколлегии он тебя хвалил, назвал принципиальным и опытным журналистом, и даже сказал, что получил кое-какой сигнал, проверку которого хочет поручить именно тебе. По-моему, он тебя сейчас звал.

— Кажется, действительно, дела у нашего редактора плохи, если все то, что ты говоришь, правда. Тогда его снимают по-настоящему.

— Ты куда, в редакцию?

-- Ага.

— Ну что ж, пошли!

Когда они пришли в редакцию, Отару сказали, что редактор велел ему срочно явиться.

Отар вошел в редакторский кабинет, охваченный какой-то смутной тревогой.

— Садись, — дружельюбно обратился к нему редактор. Затем вызвал секретаршу и велел ей никого в кабинет не пускать.

— У меня к тебе ответственное и конфиденциальное задание, — обратился он к Отару, когда секретарша вышла. — Изучи этот материал, тщательно все проверь и о результатах доложи лично мне. — С этими словами он передал Отару пухлый конверт и добавил внушительно: — Мы должны быть непримиримы к фактам взяточничества и протекционизма! Еще раз предупреждаю тебя: тщательно проверь все факты. Никаких предположений! Доверяй только фактическим сведениям, понятно? Я на тебя надеюсь!

* * *

Тщательно выбрившись, обувшись в дорогие охотничьи сапоги, Манучар собирался надеть куртку.

— Ты что, к своей даме сердца собираешься? — криво усмехаясь, язвительно спросила жена.

— Как вам удалось, мадам, постичь мои тайные намерения?! — улыбнулся он в ответ.

— Догадаться, мой милый, совсем нетрудно. Ког-

да ты готовишься к свиданию, то всегда пребываешь в отличнейшем настроении. Бессовестный! Подумаешь, секрет! По милости этой шлюхи твое имя у всех на устах! — лицо жены зарделось от негодования. — Весь свет о нас судачит!

— Ты прекрасно знаешь, что я толком даже и не знаком с этой женщиной. Не поддавайся бабьим сплетням, дорогая! — Он внимательно осмотрел ружье, проверил ствол и удовлетворенно присвистнул.

— Манучар! — окликнула его сестра.

— Что такое? Мне сейчас некогда, — он холодно улыбнулся ей. — Завтра утром я уезжаю в Лагодехи на охоту. Если бы ты только знала, с кем я еду, ты с ума бы сошла, девочка!..

— Знаю, знаю, ты отправляешься охотиться со своим дорогим начальником, — ответила Русудан, сухо рассмеявшись. — Воображаю, как будет бегать по лесу этот надутый индюк, ха-ха-ха!

— Что за разговоры! Прекрати, пожалуйста, хотя бы из любви к брату ты не должна болтать такое!..

— Да я никогда его и не видела. Интересно хоть взглянуть на него.

— Интересно? — Манучар посмотрел на сестру так, словно впервые увидел ее. — Неужели тебе действительно интересно?

-- Ну, я же тебе сказала!..

— Знаешь, он человек опасный. — Манучар задумался на секунду. — Любит женщин.

--- Ого, ты только посмотри на него!.. — удивилась Русудан.

— Понимаешь, девочка, мое будущее благополучие зависит именно от этого человека. Одно его слово, и я...

-- Ну, если так, возьми меня с собой, — прервала его сестра. — Кстати, я никогда не была на охоте.

Манучар еще раз задумчиво посмотрел на сестру.

На следующее утро Манучар с Русудан отправились в Лагодехи.

Русудан была в прекрасном настроении. Погруженный в раздумья Манучар молчал и хмурился.

— Почему ты невесел, братик? — потрепала его по подбородку Русудан. — Скажи мне, может, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

— Э-э, чем ты поможешь, на что ты способна?..
— всмехнулся он невесело.

— Ты, милый мой, не смотри на женщин так пренебрежительно, мы все можем...

— Я просто ума не приложу, как поступить!.. Начальник мой — человек слабовольный и непостоянный, его любой на свою сторону склонить может, и тогда мне ни за что не выбиться в люди!

— Что, твои дела плохи? — забеспокоилась Русудан.

— Нет, нет, все не так уж плохо! Не волнуйся, девочка, пока еще он не лишил меня своей милости. Но я должен заранее укрепить тылы.

— Что же ты собираешься предпринять?

— Да вот еще не решил. Шеф мой, как желторотый юнец, падок на женщин! — как бы между прочим промолвил Манучар и замолчал. На его бесстрашном лице невозможно было прочесть, о чем он думает.

Манучар был на десять лет старше своей сестры. Родители у них умерли рано, и Русудан, еще совсем крошка, осталась на попечении брата. Она была очень похожа на свою покойную мать, от которой унаследовала красоту и веселый, общительный нрав.

После довольно продолжительного молчания брат сказал сестре:

— Мы отправимся на охоту, а тебя я оставляю в Лагодехи, в семье моего приятеля. Там тебе будет не скучно, а на обратном пути я заеду за тобой, и мы вернемся в Тбилиси. Не хочу, чтобы этот человек видел тебя!

— Об этом тебе надо было подумать раньше, — насмешливо посмотрела на него Русудан.

Манучар не ответил. Крепко держа руль, он напряженно глядел на бегущее навстречу шоссе.

— Манучар! Я поеду с тобой на охоту! — неожиданно сказала Русудан.

— Отстань!

— Я говорю совершенно серьезно. Или останови машину, я сойду и сама вернусь в город, — твердо сказала Русудан.

— Что ж, если ты так хочешь, — словно сбросив с плеч тяжелый груз, ответил брат.

Вечером в воскресенье они возвращались в город. Манучар выглядел довольным. Русудан была бледна, лицо ее осунулось, а глаза, всегда блестящие, полные огня, погасли.

— Теперь я жалею, что уступил твоим настояниям, не надо было мне тебя слушать, — проговорил вполголоса Манучар.

— Не лги, братик! — сказала она устало. — Тебя скоро повысят в должности, ты ведь день и ночь об этом мечтаешь. А все остальное забудется.

Манучар жадно закурил.

— Дай мне сигарету, — попросила Русудан.

Затянувшись, она закашлялась.

— Ты что, впервые закурила? — спросил, усмехнувшись, брат.

— Нет, конечно!

Она швырнула сигарету в окно: — Какой отвратительный вкус! — Лицо у нее сморщилось.

Некоторое время брат с сестрой молчали.

— Манучар, — неожиданно заговорила Русудан. — Надоела мне такая жизнь. В монахини, что ли, пойти?..

* * *

Август прошел в волнениях. Убрать Талико с пути оказалось делом не таким легким, как это представлялось некоторым, но в конце концов от нее все-таки отделались. Многие стремились занять освободившееся вакантное место. Манучар предполагал, что оно освободилось именно для него, и с нетерпением ждал того дня, когда начальник заведет с ним разговор на эту тему.

Бесконечно трещал телефон. Манучар раздраженно поднял трубку: — Баделидзе слушает! — Вдруг лицо его расплылось. — Приветствую вас, мадам... — он выпрямился в кресле...

* * *

В комнате воцарилась удивительная тишина.

Мужчина скомкал в кулаке край кружевной занавески.

— Возможно, она занималась недостаточно прилежно? — говорил он, едва сдерживая гнев. — А мы то думали...

— Да что с тобой! — Лицо женщины покраснело от волнения. — Моя Маквала была подготовлена лучше всех!

— Я думаю, это дело так оставлять нельзя, надо обратиться в высокие инстанции, а?..

— Конечно! — Мать уцепилась за эту спасительную мысль. — Ведь наша девочка — отличница с первого класса. Бедная моя доченька, невезучая ты у меня! — она жалостливо поглядела на лежащую ничком на тахте Маквалу.

— Эх, я думал, хоть она оправдает наши надежды. Сколько трудов положено!..

— Да ну его, лучше за девочкой посмотреть, с утра не евши не пивши лежит. Заболеет еще, не дай бог...

— Верно, мать, уж ты за ней поухаживай, к чему нам этот медицинский, если с ней что-нибудь плохое сделается.

— Оставьте меня. — Маквала встала с тахты. — Разве слабость человека так предосудительна, папа?

— Нет, доченька, нет... Но что поделаешь, если не получается с медицинским, придется тебе расстаться с мечтой стать врачом.

— Нет, папа, может, я правда еще недостаточно готова. позанимаюсь еще.

— Вот уже три года я это слышу, дочка. Может, лучше попробовать сдавать на какой-нибудь другой факультет? Поступай-ка ты на работу!

— Я, папа, работы не боюсь. Конечно, я поступлю на работу, но ни о какой другой специальности и думать не хочу. У меня одна-единственная мечта стать врачом. — Она сказала это так, что у отца от боли защемило сердце. — Я готова сдавать туда еще и еще, пока не поступлю!..

Отец стоял молча. Он понял, что дочь непреклонна в своем решении.

Манучар Баделидзе был твердо убежден, что присутствия ему умом, волей, проницательностью и изворотливостью с ним сравнятся не многие. Он верил в благосклонность судьбы и надеялся, что вскоре она явит его милостью. У Манучара была одна цель, одна заветная мечта — снискать репутацию крупного партийного работника, и он стремился к ней с завидной целеустремленностью. Плюс ко всему, он отличался осторожностью и осмотрительностью, никогда не принимал опрометчивых решений. И в выборе друзей был чрезвычайно разборчив и осторожен. К людям подходил он со своей особой меркой. По его мнению, настоящий мужчина должен быть расторопным и уметь «проворачивать дела».

По инициативе Баделидзе в районе Ваке, приобретшем славу одного из самых лучших в городе, был построен огромный дом, квартиры в котором получили люди избранные, подобные ему, Манучару. Таким образом, он уже устроил свои квартирные дела. Дурные прогнозы «погоды» долгое время его не касались. У него был необыкновенный нюх на это. Он всегда вовремя мог учуять, если обстановка складывалась неблагоприятно, и осуществить необходимые защитные мероприятия.

Углубившись в собственные мысли, Манучар не заметил, как в кабинете перед ним оказались двое мужчин. Почтительно и терпеливо ожидали они, когда, наконец, он обратит на них благосклонное внимание. Оба они считали себя друзьями Манучара, но этот проклятый кабинет вселил в них такую робость, как если бы они стояли перед алтарем. Кабинет заставил ощутить всю глубину пропасти, разделяющей их с этим человеком. Где теперь был Манучар, их ближайший друг, который не однажды разделял с ними пиршественную трапезу! Перед оробевшими друзьями за огромным столом, уставленным телефонами, в кресле с высокой спинкой восседал хмурый, важный чиновник...

Многозначительную тишину кабинета нарушало мерное тиканье настенных часов.

Наконец Манучар встал и оглядел гостей. Ему

польстило, что эти дородные мужчины глядели на него с почти детской робостью.

— Садитесь, чего вы стоите, как чужие! — пригласил он, изобразив на лице подобие улыбки. — Давненько я вас не видал, нехорошо забывать старых друзей!..

— Ну, что вы, батона! Вам, наверно, и невдомек, как трудно до вас добраться. Птицей надо обернуться, чтобы попасть к вам.

— Да ладно, Сержик, что ты такое говоришь! — он протянул руку, здороваясь. — Не-ет, я даже представить себе не мог, что вы так быстро меня забудете. — Манучар говорил спокойным, ровным голосом. Он поднялся и вышел в смежную с кабинетом небольшую комнату, позвав за собой гостей.

— Прежде чем приняться за дела, не грех немножко горло промочить!

На маленьком столике стояла бутылка коньяка, а рядом, на подносе, разные сладости и печенья.

— Не обессудьте за скромное угощение, рюмочка, я полагаю, вам не повредит. — Он наполнил коньяком маленькие хрустальные рюмочки.

— Эх, батона Манучар, почти неделя как мы капли в рот не брали, — промолвил один из них, Тандила.

— Почему, если не секрет?

— Да так, неприятности всякие, прямо хоть службу бросай, — отвечал тот, которого называли Сержиком.

— Туго нам, Манучар, дорогой, если бы не это, разве мы бы тебя обеспокоили!.. Будь заступником, выручи!..

— А что с вами стряслось?

— Да то, что гибнем мы, Манучар!

— Слыханное ли дело, скажи, чтобы торговый человек денег не делал? Ну как нам, дорогой, жить, как хлеб есть?! Не для того мы родились на этот свет, чтобы тюремную баланду хлебать, — ободрившись, с жаром заговорил Сержик.

— Раньше, бывало, с новым прокурором денька за два поладишь, на хлеб-соль его пригласишь, и все

в порядке, — Тандила дрожащими руками зажег сигарету. — Нет, так работать невыносимо. Нельзя ведь жить в постоянном страхе!

По губам Манучара пробежала улыбка.

— Вас что, с работы освободили?

— Районный прокурор!..

— Ох и напугал он вас. Видно, и вправду плохи ваши дела, — говорил Манучар, глядя в упор на гостей.

Баделидзе поднял телефонную трубку, набрал номер.

— Прокурора города!.. Добрый день, Ростом, приветствую, Баделидзе говорит!.. Благодарю... благодарю... Что поделаешь, знаете ведь, как дела служебные, ни минуты свободной... Нет, ничего особенного... Скажу в двух словах. Понимаете, ваш новый коллега... да, да... Я возмущен дерзостью этого человека!— Однако лицо Баделидзе не выражало никаких эмоций. — Видите ли, это честные люди, труженики, я возмущен...

Мужчина лет сорока вошел в кабинет прокурора.

— Гражданин начальник, не губите меня, у меня пятеро детей. Я провинился перед народом и правительством, но разве из-за моего проступка мои дети должны стать сиротами?

Прокурор подождал, пока тот успокоится. Потом вызвал следователя отдела внутренних дел. Через пять минут следователь был уже на месте.

— Если я не ошибаюсь, Гиви, ты вел следствие по делу Гайоза Менабде?

— Да. Милиция задержала его на аэродроме за спекуляцию.

Подобно ознакомившись с делом, прокурор в конце дня объявил обвиняемому:

— На первый раз мы простим вам. Дело ваше будет передано на разбирательство рабочим вашей же фабрики.

Подследственный был так счастлив, что забыл поблагодарить своего избавителя. В конце дня прокурору позвонили коллеги из городской прокуратуры и рассказали, что два дня назад на оперативном совещании прокуроров прокурор города **весьма нелестно**

отозвался о нем. Вообще-то прокурор города был человеком многоопытным и, кроме всего прочего, относился с особой любовью и уважением к ближним своим. Используя благоприятно сложившиеся обстоятельства, он тут же приступил к давно задуманному плану: освобождать по тем или иным причинам, не гнушаясь, разумеется, и шантажа, тех или иных работников, а на их место назначать верных ему людей. Это мероприятие должно было осуществляться под девизом: борьба за повышение надежных государственных кадров, в защиту честности и достоинства человека.

В разгар этой кампании и раздался в его кабинете звонок Манучара Баделидзе:

— Этот выскочка, районный прокурор, порядком надоел своей принципиальностью!

Районный прокурор долго слушал внушения своего начальства.

— Не могу скрыть от вас, товарищ Иотам, — выговаривал ему по телефону прокурор города. — На вас серьезно жалуются. Признаюсь, я не ожидал от вас такого безответственного отношения к своим обязанностям. Во время проверки торговых объектов района вам следует заранее знать, кого нужно проверять. К нам поступил сигнал о вашем неправильном поведении: вы притесняете некоторых честных работников торговли и вынуждаете их беспокоить жалобами вышестоящие органы.

— То, о чем вы говорите, — возразил ему Иотам, — на руку некоторым темным дельцам. Это дает им возможность распоясаться еще больше и делать все, что заблагорассудится, — перед глазами прокурора вдруг встали лица директора магазина, уже известного нам Сержика, и его наглого заместителя Тандилы. «Вот откуда дует ветер, — подумал он. — Значит, эти разбойники пустили в ход все свои могущественные связи!»

— Я сплетен не слушаю, мне достаточно собственного опыта, чтобы сообразить, что дела у вас в прокуратуре в полном беспорядке. Подумайте об этом

на досуге. — В словах начальника прозвучала прямая угроза.

Иотам не успел даже возразить — в трубке раздалась короткая гудка.

* * *

Стоял теплый погожий день. Маквала долго бродила по городу и в конце концов оказалась у горсовета. Тогда обещания городского главы на вечере у Баделидзе казались ей смешными и несерьезными, но, вспомнив все это сейчас и поразмыслив, она решила попытать счастья.

В приемной председателя ожидало множество народу.

— Наш председатель хотя с виду и неказист, а сердце у него золотое, — рассуждал один из ожидающих.

— Да уж, простого смертного без внимания не оставит, — иронически возразил другой.

— Для тебя все ангелы, с тобой небось оттого все и цацкаются, что ты мясник — человек нужный. Ты им мясо — они тебе земельный участок, а то и квартиру, пожалуйста, а там, смотришь, в должности повысят. Знаем мы эти штучки! — осадил крутившегося тут Дарчо какой-то мужчина.

— Готов поспорить, что вон той девушке, например, ни в чем отказа не будет.

— Конечно, разве возможно отказать такой красотке.

Маквала усмехнулась про себя. Вспомнилось ей, как недавно одна бывалая женщина советовала ей:

— Сходи, дочка, в горсовет, из уважения к Баделидзе Нерсе Насидзе все тебе сделает, конечно, и приволокнуться может, — она лукаво прищурилась. — Но что в этом такого! Невелик грех.

— Девушка, — обратилась Маквала к секретарше. — Я вас очень прошу, передайте уважаемому Нерсе, что его дожидается племянница. — Маквала сама удивилась тому, как ей в голову пришла подобная уловка. Секретарша, не подозревая обмана, тотчас же зашла в кабинет и быстро вернулась.

— Войдите, — сказала она Маквале.

— Ах, это вы моя племянница! — встал, подавая

ей руку, председатель. Он расхохотался от души. — Именно десять минут назад мне звонила племянница. Какое великолепное совпадение, — продолжал председатель, оглядывая девушку. Он был покорен ее красотой. — Мы, кажется, знакомы, встречались где-то? Не смущайтесь, со мной это бывает, за целый день столько посетителей, что лица у меня путаются.

«У Манучара Баделидзе он говорил со мной иначе», — подумала Маквала.

— На вечере у Баделидзе, помните...

— А-а, с удовольствием припоминаю... В тот вечер мы прекрасно провели время! Но почему вы потом ни разу не обратились ко мне? Вам нужна однокомнатная? Я могу, могу, хе-хе...

— Нет, нет, — смутившись, она покраснела, голос у нее дрогнул. — У нас две комнаты, я насчет улучшения жилищных условий...

— Как жаль, вы немного запоздали, вчера еще у меня была четырехкомнатная квартира, но я уже выделил ее одному человеку. Хотя, — он улыбнулся, — с этим человеком можно договориться. Мне показалось, что он не горит желанием получить эту квартиру, может, передумает. Тогда я с удовольствием отдам ее вам.

Маквала не ожидала такого теплого приема. Вернувшись домой, она тотчас же сообщила приятную новость родителям.

У Дарчо, как вы помните, было свое горе. Уже вошедший в возраст, он все еще оставался бездетным. Первые две жены его так и не подарили ему потомства. Хорошо еще, что всевышний, сжалившись над ним, вовремя их прибрал. Он с нетерпением ожидал, что наконец третья все-таки родит ему ребенка, но она, как и первые две, оказалась бесплодной.

В то время в городе было трудно с мясом. Дарчо ловко использовал эти трудности в свою пользу. Ведь в мясе нуждались решительно все. Дарчо сделался поставщиком его в семьи влиятельных людей. Постепенно он стал в этих семьях своим человеком. Разжился, начал модно одеваться. Приобрел в цент-

ре города великолепную квартиру и поставил телефон. Теперь он перестал разносить мясо по домам, у него появилось несколько подручных, а сам мясник, в качестве директора фирменного магазина, лишь принимал заказы.

— В общем, так, — Дарчо, стоя посреди просторного холла своего особняка, отдавал распоряжения Эдишеру. — К восьми часам вечера доставить в дом председателя горсовета двадцать килограммов балыка, десять килограммов рыбы - цоцхали, тридцать литров «Манави» и тридцать хлебов-шоти! И без всяких там фокусов, узнаю что-нибудь — убью! Понял?! К вину чтобы не прикасался, не то шкуру с тебя спущу!..

Эдишер молча взялся за шапку, собираясь уходить.

— Куда ты? И почему не отвечаешь? Тебе что, собственных детей не жаль? Наплодить наплодил, а кормить кто будет?..

— Эх, Дарчо-джан, что поделаешь, времена такие... Я вот говорил тебе, теперь не то... — невразумительно отвечал тот. — Они требуют — мол, работать начинай, как все люди...

— Что ты плетешь! Или ты не работаешь?.. У детишек мозгов пока что кот наплакал! «Как все люди»... А ты как работаешь, не так разве?

— Э-э, ничего я в этой жизни не смыслю. Все им тащу, а они еще недовольны, носом крутят, мы, мол, комсомольцы, не хотим отца-бездельника. Это я-то бездельник?! Убиваюсь, на все иду, чтобы шесть ртов накормить, и я же еще и бездельник, так-то, Дарчо-джан! — стукнул себя по лбу натренированными ранее на воровстве «золотыми пальцами» Эдишер.

Понурился, Эдишер теревил свою поношенную шапку.

— Кончай болтовню и оставь шапку в покое! — прикрикнул на него Дарчо. Тот только пожал плечами.

— Темными делами занимаемся, Дарчо-джан, грязными, — пробормотал Эдишер. — Брошу я в конце концов это, детей голодных побросаю и все дела!.. Позавчера один из милиции приперся, вчера другой — я, говорит, из редакции. Вот так-то...

— Чего они хотели? — вскинулся Дарчо.

— В газете, говорят, должны прописать.

— Не дури, какая еще к чертям газета?!

— О девочке той спрашивали, ну, помнишь, которую тогда машинной сбило.

— Ну и что же ты, ишачий сын, сколько воды с тех пор утекло! Кому вдруг эта история припомнилась и зачем? — Дарчо растерянно смотрел на Эдишера.

— Ты-то что им сказал?

— А что я мог сказать?

— Я твою безмозглую башку знаю, наверняка все напутал!

— Да ничего я им не сказал. Стоял на своем, ничего, мол, не знаю, и все, а они ко мне с ножом к горлу пристали, говори, мол, правду, а не хочешь, пеняй на себя.

— Не бойся, дурья голова, тебя никто пальцем не тронет. Но вообще знай, для тебя же лучше, если язык за зубами будешь держать.

Неожиданное известие чрезвычайно обеспокоило Дарчо. На секунду он глубоко задумался, потом бодро обратился к Эдишеру:

— Делай, что я тебе приказал, а о том не думай, положишься на меня, я ведь тоже в этом деле участвую. Рот на замке — и баста!

Неожиданно зазвенел звонок. Сердце у Дарчо чуть из груди не выскочило. Эдишер кивнул ему на дверь. Снова позвонили. Дарчо пошел открывать. На пороге стояла красивая девушка и смотрела на него с робкой улыбкой.

— Вы ко мне?

— Да, если можно...

— Пожалуйста, пожалуйста, проходите, — в голосе Дарчо послышалась несвойственная ему теплота.

Эдишер ловко воспользовался тем, что внимание Дарчо переключилось на посетительницу, выскользнул в дверь и был таков.

Маквала робко ступила на устланный коврами пол. Она вспомнила, что этого, похожего на шар, человека она встречала на том самом памятном вечере у Баделидзе.

Закрыв дверь, Дарчо поспешил к госте:

— Садитесь, почему вы стоите?— Взяв своими

короткими волосатыми пальцами тоненькую молочно-белую руку девушки, он подвел ее к обитому кизиловым бархатом венгерскому дивану.

— Чем могу служить? — осведомился он и бесшумно открыл бар, уставленный множеством бутылок с яркими наклейками.

— Что будем пить? Коньяк, шампанское, ликер? — не давая девушке ответить, он откупорил «Энисели». Потом разлил коньяк в хрустальные рюмки.

— За знакомство! — он залпом осушил рюмку. — Почему вы не пьете?

— Я вообще не пью, — смущаясь, сказала девушка. — Мы встречались с вами у Баделидзе, если помните.

— А-а, — он ударил себя по лбу. — Конечно, конечно, разве можно забыть такую красавицу! Тем более, выпьем за встречу!

Маквала взяла рюмку и тоже выпила до дна.

— Закусите чем-нибудь. Икра... или, может, предпочитаете шоколад?

После второй рюмки Маквала развеселилась, а от третьей все закружилось у нее перед глазами.

— Великолепная, чудесная! — восхищалась она квартирой Дарчо. — Такая квартира, наверное, стоит целый миллион.

— Ты только пожелай, я тебе хоть сейчас целый дом выстрою! — Дарчо ликовал. Такого счастья в течение трех лет он не удаивался. Это ли не везение — рядом с ним такая красавица! Не только квартиру, он жизни для нее не пожалеет! Его охватило нетерпение.

Неожиданно зазвенел звонок. Улыбка погасла на губах Дарчо.

— Маквала, — он впервые обратился к ней по имени, — выйди в другую комнату. Не хочу, чтобы тебя тут видели.

Маквалой овладело полное безразличие, она послушно встала и вышла в соседнюю комнату.

Дарчо провел посетителей в гостиную. Он вспомнил, что назначил этим людям прийти к нему в три часа.

— Пожалуйста сюда. Садитесь.

— Нет, спасибо, мы торопимся узнать, как обстоят дела? — спросила женщина, все еще стоя на ногах.

— Все в порядке, — успокоил ее Дарчо. — Считайте, что сын ваш уже студент мединститута.

Сидя в другой комнате, Маквала невольно слышала весь разговор.

— Эх, в прошлом году мы пережили такое невезение, что теперь я уже ни во что не верю, — нерешительно проговорил мужчина.

— Ну, если вы не верите слову честного человека, тогда можете уходить! — Недоверчивость гостей разозлила Дарчо.

— Помилуйте! Не слушайте его. Мы принесли сколько полагается. — Женщина сняла шаль, повязанную вокруг талии, и извлекла несколько пачек денег, положив их перед Дарчо.

Тот потянулся к телефонной трубке и набрал нужный номер.

— Мне Бено Бибилури! Бено, это ты? Не узнал голоса. Помнишь, о чем мы тогда с тобой говорили? Тебе ведь нужно было кое-что для лекарства? Я достал четверть лимона. Недавно. Только полчаса назад... Ну, будь здоров! Надеюсь, к восьми ты будешь дома? Ладно, ладно, буду вовремя, как обещал!

Он положил трубку и спрятал пачки. Выпроводив посетителей, Дарчо тотчас же вернулся к Маквале.

— Слава богу, убрались, — с удовольствием потирая руки, сказал он. — Теперь мы можем перейти в гостиную. Тебе нехорошо? — Он подошел к девушке и дотронулся до ее щеки ладонью. Тепло от щеки девушки, как электрическим током, пронзило все его тело.

— В прошлом году я тоже сдавала в медицинский, но у меня ничего не вышло. Не хватило всего очка.

— Почему ты мне об этом не сказала? — он взял ее руки обеими руками.

— Я надеялась на себя.

— Так ты хочешь, чтобы я устроил тебя в медицинский? — Дарчо дотронулся рукой до груди девушки.

— Не надо!.. — прошептала она.

— Ты ведь хочешь, чтобы я помог тебе с квартирой? И в институт я тебя обязательно устрою, все для тебя сделаю, что захочешь, — Дарчо, дрожа всем телом, схватил ее в объятия.

— Отпустите меня! Что вы делаете! — Она упала на тахту.

Дарчо бросился к ней. Маквала была без чувств. Он испугался не на шутку. Долго старался привести ее в чувство, и когда Маквала открыла глаза, Дарчо, стоя на коленях у тахты, потрясенно шептал ей:

— Не делай, не делай таких вещей! В течение месяца ты получишь квартиру, в августе я устрою тебя в институт... А это тебе в залог нашей любви,— он сунул ей усыпанный бриллиантами портсигар.

Ровно в восемь часов Дарчо нажал мизинцем кнопку звонка у дома Бибилури. Ему открыл сам Бено.

— Сначала дело, а потом уже сплетни, — сказал он, улыбаясь и проходя вместе с гостем в комнату.

— Я принес все честно, — Дарчо передал Бено объемистый сверток. — Ну, теперь твой черед: обещанное надо выполнять. Смотри, чтобы эти люди нас не засадили.

Наступили сумерки, и в комнатах было темновато.

— Пей, — Бено протянул другу стакан с вином. — Ты единственный, кому я еще доверяю.

Дарчо осушил три стакана подряд.

— Да-а, — обернулся к нему Бено. — Ну-ка, мясник, ты, кажется, упомянул о каких-то новых сплетнях, давай-ка, выкладывай!

— Почему ты позволяешь себе подобное?! — вскипел вдруг Дарчо. — Значит, Дарчо Удзгебадзе — мясник? Тогда, выходит, и ты мясник, только тот, что людей убивает. Вот хотя бы на это погляди! — Дарчо указал на принесенные им пачки денег. — Люди ведь всю жизнь трудились, работали, и все ими заработанное в конечном счете присвоил ты, Бено Бибилури. Разве эти деньги, взятки и всякая там протекция или еще какая чертовщина лучше, чем профессия мясника?! Разве продавать мясо хуже, чем заниматься всем этим? Хочешь знать правду? Я предпочитаю

таю то время, когда ел кусок черного хлеба, заработанный честным трудом! Как я живу сейчас? Для чего я живу? Кто я теперь?..

Бено был поражен и напуган. Ведь дорогой друг Дарчо знал почти всю его, Бено, подноготную. Мало ли как могло обернуться дело.

— Что с тобой, Дарчо! Что ты говоришь, почему обижаешься? Разве я когда-нибудь отнесся к тебе неуважительно? Оставим квартиру. А все, что я для тебя сделал, неужели ты это забыл?!

— Нет, на память я, слава богу, не жалуюсь, — поморщился Дарчо. — Но и ты, дорогой Бено, не забывай, что если бы не я, Дарчо Удзгебадзе, не было бы в живых сейчас ни тебя, ни сына твоего! Мертвецами были бы вы теперь, мертвецами, понятно? А знаешь ли ты, что милиция на ваш след напала, Эдишера снова допрашивали? Так-то, милый мой!

— Сядь, Дарчо, успокойся, расскажи мне все по порядку, — елейным голосом начал Бено.

— Вот пойду-ка я и открою кому следует эту тайну, сейчас пойду, не откладывая, — Дарчо двинулся к дверям.

Бено испытующе поглядел на бывшего мясника.

— Дарчо, я еще раньше решил не брать у тебя эти деньги. — Бено снова завернул в газету принесенные пачки. — Что же касается того парня, не беспокойся, в институт он будет зачислен. — Теперь старые друзья смотрели друг на друга с улыбкой.

— Не сболтнул ли чего лишнего этот верзила? — спросил Бено.

— Не посмеет, он меня до смерти боится! — возразил Дарчо, рассовывая пачки по карманам пиджака и брюк...

В жаркий июльский вечер за городом, в Авчала, в маленьком духане сидели за столиком трое мужчин.

— Да-а, — задумчиво протянул Бено. — Дрянь дело.

— Не знаю, — пожал плечами верзила Эдишер. — Так мне сказали, да еще предупредили: принесешь двадцать тысяч, а нет — тюрьма!

— Двадцать тысяч? — повторил Бено.

— А какая гарантия, что если отдашь двадцать тысяч, они свои номера прекратят?! — возмутился Дарчо.

— Ва-а, Бено-джан! Чем я виноват! Мне-то что делать остается? Там милиция, тут редакция... — пожал плечами Эдишер.

, — Ладно, я на все согласен!

Бено почувствовал, что ему становится трудно дышать.

— Договоримся так: завтра ровно в это время, — Бено взглянул на часы. — Я жду вас завтра в это время, за этим столиком.

Бено рассказал сыну обо всем, что произошло.

На следующий день в назначенное время никто из них не явился на свидание. В час дня Сабурталинский базар облетела печальная весть о неожиданной кончине Дарчо и его верного Эдишера.

Рамаз выглядел утомленным, хотя дела у него и шли успешно. Недавно он защитил докторскую диссертацию, но на душе у него словно камень лежал. С того достопамятного дня, когда Баделидзе позвал его к себе, прошло довольно много времени. После приемных экзаменов Манучар стал особенно благоволивать к нему. Поговаривали, что он вообще покровительствует Рамазу, а в частности помог ему защитить диссертацию. Хотя ходили и такие слухи, будто в начале карьеры Рамаза Бибилури ему помогла какая-то женщина, однако Манучар считал, что Бибилури — его собственное открытие. В душе он даже гордился этим. После того как Рамаз стал директором, Манучар Баделидзе начал думать о том, как лучше использовать его.

Однажды, будучи в гостях у Рамаза, Манучар спросил его как бы невзначай, как идут дела, — по обыкновению, он сидел, непринужденно заложив ногу за ногу и дымя сигаретой.

— Привыкаю постепенно, — обернулся к нему Рамаз. — Долгое время у меня было такое ощущение, словно я сижу в чужом кресле и вот-вот откроется дверь, войдет какой-нибудь солидный человек, ста-

нет надо мной и скажет: — Поднимитесь, молодой человек, это кресло принадлежит не вам.

Баделидзе расхохотался.

— Пока мы с тобой одни, я хочу открыть тебе одну тайну, — сказал ему Манучар.

Рамаз приготовился слушать.

— Если я не ошибаюсь, у тебя наберется около двух книг и брошюра?

Лицо Рамаза осветилось улыбкой:

— У меня опубликованы две книги и три брошюры, а в журнале напечатаны четыре статьи.

— Думаю, достаточно не только для нас, но и в общесоюзном масштабе. Профессором тебя назначат без всяких загвоздок, — он испытующе посмотрел на Бибилури.

Рамаз остолбенел от неожиданности.

— Надеюсь, ты не против? Тогда я займусь этим.

Последующие события убедили Рамаза в том, что Манучар Баделидзе всемогущ.

На выборах никто не подал голоса против — за исключением одного почтенного академика.

Самолюбие Рамаза было удовлетворено полностью, ни одному из его товарищей не удалось достичь таких высот.

* * *

Дверь кабинета открылась, на пороге появился плотный бледнолицый молодой мужчина и попросил разрешения войти. Прокурор районной прокуратуры поднял голову.

— О, Отару привет! — удивился прокурор. — Изменился ты, да так, что на улице я бы тебя и не узнал.

— И на тебя, товарищ прокурор, годы свой отпечаток наложили, — засмеялся Отар.

— Эх, милый мой, я уже четвертый десяток разменял, — улыбнулся прокурор, предлагая гостю стул.

— У меня к тебе серьезное служебное дело, не знаю даже, каким чудом наш редактор доверил мне такую тайну, — сказал Отар.

— А в чем состоит это дело?

— Не пойму, была это или сказка. Когда я прочитал материал, у меня волосы дыбом встали.

Прокурор взял у Отара бумаги и углубился в чтение. Прочитав все, он долгое время сидел молча в задумчивости.

— Да, любопытная история...

— Ты думаешь, все это правда?

— Легко допустимо. Тут упоминаются такие люди, от них всего можно ожидать.

— Вероятно, без скандала со мной не обойдется. А впрочем, что они могут сделать?

— Ну что... Снимут с работы, например.

— Чего бы это мне ни стоило, я не отступлю! Ты ведь знаешь, я не испугаюсь их!

— Не горячись, Отар. Дело серьезное. Это и вправду потрясающее беззаконие! Гм, отбывать срок вместо другого человека, каково, а? — покачал головой прокурор.

— Ну, в общем, прежде всего необходимо уточнить факты. Ты же видишь, факты эти свидетельствуют о том, что неминуемы коренные преобразования и что, слава богу, есть руководители, вернее, есть люди, с помощью и вместе с которыми мы можем бороться за осуществление этих сдвигов.

— Именно это придает мне силы переносить все несправедливости и унижения, которым меня подвергают.

— Как, и до тебя добрались?!

— Всем, кто не льет воду на их мельницу, достается, — сказал прокурор, вспоминая свой последний разговор с начальством.

* * *

Рабочий день еще не кончился, когда редактор вызвал к себе Отара.

Поправив галстук, Отар поспешил в редакторский кабинет. Редактор был в хорошем настроении. Он указал Отару на кресло и внимательно расспросил его о делах, а напоследок, двусмысленно улыбаясь, сказал:

— Ну что ж, хорошо... тебя, милый мой, ждет повышение, ты уж не забудь о нас. Иди теперь, тебя вызывают....

— Куда?.. Кто меня вызывает?

— Манучар Баделидзе! — редактор встал и зашагал по кабинету. — Смотри не опаздывай: пропуск тебе спустят к шести часам.

Ровно в шесть Отар сидел в кабинете Баделидзе.

— Я давно хочу вас видеть, — радушно начал Манучар, — но неотложные дела не дают возможности.

Зазвонил телефон. Баделидзе снял трубку.

— Слушаю. Да, да, это согласовано с руководством, но давайте немного позже, сейчас я занят, — положив трубку, он снова обратился к Отару: — Что скажешь, если я возьму тебя к себе? — глядя в упор на Отара, проговорил он.

— Меня? — удивился Отар.

Баделидзе не успел ничего ответить, как в кабинет вошел Бибилири.

— Ты откуда? — удивился Манучар. — Садись, вот тут как раз твой друг, — он кивнул головой в сторону Отара.

— О, привет, Отар, — Рамаз протянул ему руку. — Как поживаешь?

Настроение у Отара испортилось. Ему вдруг подумалось, что все то, что сейчас тут происходит, — не что иное, как хорошо разыгранная комедия.

— Я хочу перевести твоего друга к себе. Что ты на это скажешь, Рамаз? В тот вечер у вас дома мне очень понравилась прямота этого парня.

«Если я соглашусь, то должен поставить крест на том деле», — пронеслось в голове у Отара.

— Товарищ Манучар, разрешите мне остаться на прежнем месте, буду очень вам благодарен.

— Коммунисту не подобает идти против воли партии, — нахмутив брови, сказал Баделидзе.

— Я не считаю себя достойным такого доверия. — Отар встал: — Очень признателен, но так будет лучше, до свиданья! — сказал он и вышел из кабинета.

Через неделю Отар Чхиквадзе попал в сокращение штатов.

Касарели был немало удивлен, получив приглашение от самого главного инженера.

— Может, ты просто не хочешь идти? Сегодня мы тебя приглашаем, в следующий раз ты нас пригласишь.

— Хорошо.

Инженер повесил трубку.

Через минуту к нему вошел заведующий складом готовой продукции.

— Привет, Касарели! Пошли, машина ждет во дворе.

Они поднялись в пригородное село Табахмела, помимо шофера, Касарели насчитал еще двенадцать человек. В маленьком залеце тотчас накрыли стол.

— А кто у нас тамада? — спросил кто-то из сотрудников.

Все взоры обратились на человека в очках, сидевшего во главе стола.

— Да здравствует Лаша! — воскликнули все вместе.

Человек в очках поднял руку в знак благодарности.

Касарели сидел рядом с главным инженером. Ему было непривычно такое щедрое застолье — всю свою жизнь Касарели провел в нужде. Потом он представил себя в роли хозяина будущего стола, и по телу его прошла легкая дрожь.

— Этим стаканом я славлю надежду нашу, наш завтрашний день, нашего дорогого Лашу! — воскликнул невысокий человек с припухшими веками и поднял бокал.

Все загалдели, поднялся страшный шум.

Тамада поднял руку, и все смолкли.

— Если разрешите, — поправив очки, сказал он, — я тоже скажу пару слов. — Он многозначительно помолчал, обвел взглядом стол и, не торопясь, продолжил: — Мы здесь все свои, так что можно об всем говорить откровенно, но... — в голосе его неожиданно зазвенел металл, — помните, что трудиться надо с умом, особенно это касается новичков: некоторые из них еще не совсем разбираются в наших делах, поэтому я бы хотел остановиться на мелочах.

Все присутствующие слушали его с подобострастием и вниманием.

— До сих пор мы работали значительно свободнее, в последнее время положение несколько осложнилось... Вы знаете — работать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, невозможно, я еще раз напоминаю: ошибок нам не простят! Следует хорошенько задуматься над создавшимся положением!

— Пусть каждый отвечает за себя! Мне бояться нечего, пусть волнуются те, кто не знает, куда свои миллионы девать, я только на хлеб зарабатываю и все! — выкрикнул молодой человек лет тридцати.

— Пока не поздно, друзья, советую вам подумать о деле, — продолжал Лаша. — Вот такие, как вы, — указал он на молодого человека, — своей трепотней нам все портят. Ну, ребята, да здравствуют и процветают наши дела!

Выпили все единодушно. Потом пили еще за что-то. Неожиданно появился директор фабрики Варлам Бурчуладзе.

— Приветствую друга моего Лашу! — Варлам подошел к тамаде и расцеловался с ним.

За столом стало еще веселее. Шумно выпили за здоровье директора. Касарели никто даже не замечал, казалось, все забыли о том, что он находился среди них.

Вдруг раздался шум машины и крики.

— Вах, какой мерзавец это сделал!..

Какой-то коротышка кружил вокруг духана на синей машине. Одной рукой — вторая на баранке — он изо всех сил дергал дверную ручку, безуспешно стараясь открыть дверцу.

— До смерти изобью, на куски разорву! Слышно ли такое свинство! Вчера двадцать пять тысяч наличными за нее отдал! Нехристь ты, Лаша! — высываясь из машины, кричал он тамаде.

— Какой бес в твою дурью башку вселился! — отозвался тамада, и на лице его заиграла довольная улыбка.

— Лаша-джан, неужели ты эту шутку придумал? — стукнул себя по лбу коротышка. — Что я тебе ху-

дого сделал, почему ты надо мной так издеваешься, слыханное ли дело, совсем новенькую машину... Столько денег понапрасну выкинул...

Тамада встал, насмешливо улыбаясь.

— На, бери! — крикнул он, бросая коротышке ключи. — Вот тебе пешкеш — «Волга»! Краска на ней еще не просохла!

Стол заходил ходуном. Снова подняли тосты за здоровье тамады, превознося его мудрость и великодушие. Касарели показалось, что он во сне. Подумать только, «сварили», испортили машину, и все только для того, чтобы разок посмеяться. Он был совершенно потрясен всем увиденным и услышанным.

— Поди-ка сюда, Касарели, — вдруг вспомнил о нем инженер. — Ну как, не скучаешь? Славно провели время, а? Давненько я так не смеялся...

Гурама Ломия сняли с занимаемой должности. Среди сотрудников прошел слух, что сам министр уличил его в каком-то проступке. На следующий день вместо него в его кабинете сидел какой-то энергичный, средних лет мужчина. В управлении сразу почувствовали, что новый начальник — человек строгий и требовательный.

* * *

В кабинете заместителя министра внутренних дел находилось трое мужчин.

— В вашем докладе, товарищ полковник, не нашло полного, всестороннего отражения положение, создавшееся в республике в последнее время, — ровным, спокойным голосом начал заместитель министра.

— Это действительно так, но смею вам напомнить, что у нас не хватает оперативных сотрудников, — унылым надтреснутым голосом оправдывался пожилой полковник.

— Позвольте на минутку прервать вас... Если вы будете стоять на такой позиции, разговора у нас не получится. Мне думается, что причину нужно искать совершенно в другом. И вообще нас не должно пугать выявление причин создавшегося положения.

Полковник молчал.

— Попрошу вашего внимания, товарищ генерал,—

Обратился к заместителю министра начальник управления по борьбе с хищениями государственной собственности и спекуляцией. — По оперативным данным, в последнее время получили широкое распространение нарушения социалистической законности, а контролирующие органы почему-то не принимают во внимание этого факта. Наша задача — не откладывая, встать на путь выявления истоков этих нарушений, причин происхождения преступлений. Если, конечно, смотреть на вещи трезво, это связано с большим риском, поскольку у преступников достаточно покровителей, и, вероятней всего, они доставят нам множество хлопот и неприятностей, но...

— Ваши соображения, товарищ полковник, заслуживают самого пристального внимания, может, у вас уже разработаны по этому вопросу определенные мероприятия? — улыбаясь спросил его генерал.

Полковник покраснел:

— На некоторых предприятиях, мелких производствах и базах окопались темные дельцы. В силу каких-то непонятных причин они безнаказанно чувствуют себя там некоронованными царьками; а то обстоятельство, что в целом ряде высших учебных заведений республики процветает беззастенчивое взяточничество и протекционизм?!

— Мы уже арестовали несколько человек, — вступил в разговор пожилой полковник.

— Позвольте прервать вас снова, — грозно нахмурил брови генерал. — Несколько человек!.. Дело в том, что подобными действиями мы создаем иллюзию того, что что-то делаем. На самом же деле мы увлекаемся мелочами, главное же остается в стороне.

— Понятно, товарищ генерал. Раз уж вопрос ставится так откровенно, будем откровенны и мы. То есть подойдем к этому наболевшему вопросу со всей прямотой.

— И я готов к этому! — отчеканил начальник отдела по борьбе с хищениями и спекуляцией.

Начальник управления милиции беседовал по телефону. По выражению его лица можно было догадаться, какого содержания была эта беседа.

— Понятно, товарищ генерал, — сказал начальник управления и, повесив трубку, глубоко задумался. Потом вызвал к себе в кабинет своего заместителя, начальника отдела по борьбе с хищениями государственной собственности и спекуляцией и инспектора уголовного розыска Джуаншера.

— Генерал очень недоволен, — обратился к ним начальник.

— Преступники так обнаглели, что ничего и никого не боятся. Народ озадачен их беззастенчивостью. Порой такое приходится слышать, что волосы становятся дыбом, — со злостью проговорил Джуаншер.

— Не сгущай, пожалуйста, краски, — остановил его заместитель.

— Нет, Джуаншер прав, — встал начальник управления. — Мы не имеем права не прислушиваться к голосу народа. Народ видит все.

— Тогда почему же сам народ не помогает нам, разве не является обязанностью всех честных граждан защищать порядок? — возразил заместитель.

— Конечно, честные граждане обязаны, но в подобных обстоятельствах многие теряются. Разве вы сами не видите, кто оказывается среди злоумышленников? Поэтому не обвиняйте честных граждан. Народ только тогда поверит в нас, когда именно мы объявим решительный бой всем поклонникам темных дел.

— Разрешите и мне высказать кое-какие соображения, — встал Джуаншер.

— Говорите, — кивнул начальник.

— Дела обстоят не так, как тут хочет изобразить кое-кто, правда, кое в чем порой мы еще натываемся на помехи и острое сопротивление, но работать нам теперь стало значительно легче, тем более, что руководитель у нас твердый, справедливый и принципиальный. Что же касается меня, в частности, то должен вам сказать, что у меня имеются самые исчерпывающие материалы о тех людях, что совершили тяжчайшие преступления против своего народа. У этих подонков

нет ничего святого, им все с рук сходит — они могут похоронить человека заживо, послать в тюрьму одного вместо другого и еще многое, многое другое. Вот вы только что говорили, что люди нам не верят. А я возражаю — неправда это, просто болит у них душа, когда такое видят. Пришел, к примеру, ко мне на днях человек и рассказал историю, как переложили вину с одного на другого. Настоящий виновник благополучно пребывает на свободе, живет себе под маской заслуженного, уважаемого человека, а другой несет на себе всю вину и отбывает наказание в исправительно-трудовой колонии. Я дал слово — не успокоюсь до тех пор, пока не выволоку эту историю на белый свет и пока виновные не получают по заслугам!.. — Джуаншер сел.

— Мне это известно, у нас с Джуаншером уже была на эту тему беседа. Представьте, тут замешана целая банда. Накануне я получил один сигнал: работники фабрики обслуживают частные семьи, а зарплату получают на фабрике. Я вызвал их к себе, но никто из них сюда не пришел.

--- Отчего же они не явились на ваш вызов?

-- Сначала, товарищ полковник, я думал, что смогу навести какой-то порядок без вашего участия, но... Вы, конечно, знаете Баделидзе. Вот он-то и просил меня прекратить это дело.

-- Баделидзе? Манучар? Почему вы до сих пор не поставили меня в известность?

— Видите ли, я даже не представлял сперва, что столкнусь с ним.

— Ладно, этот вопрос мы обсудим отдельно. Вот, кстати, в отношении фабрики. Это и есть основная тема нашего сегодняшнего совещания. На этой фабрике не все в порядке. Вопрос ее оперативной разработки осложняет протекционизм! — начальник управления обернулся к своему заму: — Оперативную разработку фабрики я поручаю вам, оперативную разработку медицинского института — Джуаншеру. Возражений нет? Кто-нибудь против?

Никто не возражал.

Как-то вечером Рамаз Бибилури брел в одиночестве по проспекту Чавчавадзе. Вдруг манящая женская улыбка заставила его замереть на месте. Незнакомка прошла мимо. С того злополучного вечера прогулки стали для него потребностью. Каждый раз с нетерпением ждал он появления столь поразившей его женщины.

Однажды, когда он, по окончании лекций, как обычно, шел по проспекту, она прошла совсем рядом. Голова у Рамаза закружилась, и он тотчас последовал за ней. Его охватило жгучее желание коснуться рукой ее оголенных рук, почувствовать теплоту тела. Надо отдать ему справедливость, женщина, действительно, была необыкновенно красива. Невольно ему вспомнилась жена. В последние месяцы он не сказал ей ни одного ласкового слова. Во всем виноват этот отвратительный старик, его тесть, ненависть и неприязнь к нему Рамаз теперь переносил на его дочь. Старый профессор едва достаивал его взглядом и относился к нему с таким пренебрежением, словно он, Рамаз, был ему не зятем, а совершенно посторонним человеком. Разве не мог он в свое время протянуть зятю руку помощи? Почему было ему не написать какую-нибудь статью для Рамаза, ведь опубликованная вовремя, она могла оказаться для соискания докторской степени огромной подмогой?!

Размышляя об этом, Рамаз шел за женщиной по пятам. Вдруг она уронила платок.

-- Девушка, — негромко окликнул ее Рамаз. — Вы обронили это... — он опередил ее и подал ей платок. На него повеяло каким-то таинственным ароматом.

.... Спасибо, — улыбнулась она.

— Я часто вижу вас здесь, на проспекте, — попытался он продолжить разговор. — Простите, был бы счастлив узнать ваше имя...

-- Маквала.

— А меня Рамазом зовут, я работаю в мединституте...

— Я вас знаю, батоно Рамаз! И даже имела честь познакомиться с вами однажды...

-- Неужели? Но где?!

— Простите, я спешу, — опустив голову, она то-ропливо удалилась.

На следующий день, идя на работу, он снова уви-дел ее, замедлив шаг, приблизился к ней.

-- Здравствуйте!

— Здравствуйте, батано Рамаз...

— Вы, вероятно, догадываетесь, что я ищу встре-чи с вами?

— Такой уважаемый человек, как вы, не должен говорить этого. Кроме того, у вас ведь есть жена?!

— Прошу вас, не говорите мне о жене.

— Судя по вашему тону, вы человек суровый. Я слышала, что и на экзаменах вы самый строгий экза-менатор. А в повседневной жизни?..

— Человек, моя милая, не везде бывает одинаков, а уж в особенности во время экзаменов.

— Должно быть, вы правы, экзамены заставляют человека забыть о себе. В пору экзаменов вам, веро-ятно, и выспаться по-человечески не дают, — в голосе ее прозвучала ирония. — Однако я спешу, прощайте.

— А мне не хочется с вами расставаться.

— Опять вы забываете, что вы человек женатый.

— С тех пор как я увидел вас, Маквала, я за-был все на свете.

— Пройдет совсем не много времени, и вы так же забудете и меня, — улыбнулась она.

— Нет, жену свою я никогда не любил. Наша свадьба произошла так неожиданно, — солгал Рамаз.

— До свидания, батано Рамаз.

* * *

Рамаз решил не глядеть в сторону университета. Вот уже десять дней он не видел Маквалу. Все это время он напряженно думал о том, стоит или нет разрушать семью из-за этой женщины. Но когда как-то вечером он снова увидел ее на улице, то убедился, что жить без нее не может. Приблизившись к ней, он поздоровался и первым протянул руку. Маквала дру-жески улыбнулась ему.

— Мне так не хватало вас!

— Сомневаюсь.

— Невозможно, чтобы женщина интуитивно не понимала, искренен с нею мужчина или нет.

Рамаз взял ее под руку.

— Я на машине, давайте прокатимся куда-нибудь за город, такой чудесный вечер!.. — предложил он, не надеясь на успех.

— Хорошо, — неожиданно согласилась она. — Только не дольше, чем на два часа, мне необходимо вернуться домой пораньше.

Они свернули за угол, где стояла его машина.

— Поедем где-нибудь поужинаем.

— Я не против.

Машина покатила. Вскоре они оказались в Мцхета и свернули к ресторану.

Им предложили свободный кабинет.

Когда стол был накрыт, Рамаз разлил шампанское по фужерам.

— Сегодня я непременно выпью, — сказала Маквала и, пожелав Рамазу исполнения желаний, выпила до дна.

Оба сразу повеселели.

Через некоторое время Маквала вдруг перестала улыбаться. Допив свое шампанское, она сказала:

— Не могу больше, я совсем пьяна.

— Ну и что же, ведь мы с тобой друзья, тебе нечего бояться.

— Но ведь вы женаты?

— Женат? Если хочешь знать правду, нет у меня никакой жены.

— Не ждите от меня сочувствия, батона Рамаз.

— Но ведь мы вместе?

— Этого слишком мало.

— А что нам может помешать быть вместе всегда?

— Чего ты от меня хочешь?..

— Сочувствия.

— А что обещаешь взамен?

— Искренность.

Девушка искоса поглядела на него.

— Ты говоришь, словно торгуешься: я тебе — столько, а ты за это — столько. А потом я еще и буду виновата. Тебе все сойдет с рук. Вспомни хотя бы ту несчастную, которая по твоей милости лежит в зем-

ле... или парня, который принял на себя твою вину и сидит в тюрьме?..

Рамаз вскочил.

— Скажи мне, кто ты? Откуда ты все это знаешь?

Все, что произошло с Маквалой в предшествующее ее встрече с Рамазом время, — визит к председателю горсовета и то, что случилось с ней на квартире Дарчо, — оставило неизгладимый след в ее жизни. Девушка едва не лишилась рассудка.

Однажды Маквала встретила с Отаром Чхиквадзе. От него она узнала о всех злодеяниях, совершенных Рамазом Бибилури. Было ли то судьбою или стечением обстоятельств? Рамаз сам стал преследовать ее. Вот тогда-то и возникло у нее желание отомстить за свою поруганную честь.

— Раньше тебя увлекали профессорские дочки, — насмешливо сказала она Рамазу. — Что же теперь ты изменяешь своим привычкам?

— До сегодняшнего дня я не знал любви.

— О, какое чистосердечное признание! Но скажи, разве ты никогда не боялся мести?

— Я и теперь не боюсь мести. Меня смутило лишь то, как ты приняла мое признание.

— Ах, ты не ожидал? А разве я ждала того злодеяния, какое сотворили со мной ты и тебе подобные?!

Маквала торжествовала. Нет, совсем не хотела она быть женой этого человека! Не желала ни его любви, ни его дружбы. Она просто наслаждалась его унижением.

— Не знаю, чего вы хотите от меня?

— Всего! Все, что вы имеете, — дом, имущество и вы лично должны принадлежать мне!

— О, о, теперь я понял — от жаждущего до насильника всего один шаг, — засмеялся Рамаз и встал. — Ладно. Пойдем, поглядим, какова моя фортуна.

Они сели в машину.

— Я все для вас сделаю... — горячо говорил он. — Ведь раньше я просто не знал вас... Вы удивительная женщина.

— Удивительная? Нет, я обыкновенная, просто я поняла, что без борьбы в этом мире нельзя.

— Но почему же для осуществления своих целей вы избрали меня?..

— Нет, о вас я не думала. Эта мысль родилась у меня в тот день, когда вы стали преследовать меня.

— Ну а сейчас? Что вы намерены делать сейчас?

— Сейчас? — она усмехнулась. — Мы будем друзьями, хотя между нами большая разница в возрасте.

— Вы шутите, Маквала?

— Мне незачем шутить, — она отрицательно помотала головой.

Машина остановилась рядом с университетом.

— Когда вы уладите дело о разводе, позвоните мне, — улыбнувшись на прощание, она вышла из машины.

* * *

Несмотря на все усилия Касарели, квартальный план был провален. Начальник цеха вынужден был обратиться к главному инженеру. Тот принял его приветливо. Выслушав доклад Касарели, инженер задумался, прикинул что-то в уме и, двусмысленно улыбаясь, одобрительно похлопал его по плечу. Камнем легла на душу Касарели эта улыбка.

При подведении итогов, однако, выяснилось, что цех выполнил квартальный план с превышением и рабочие помимо зарплаты получили еще премию. Касарели это обстоятельство страшно удивило, он недоуменно пожимал плечами. В первой пятидневке месяца начальник цеха снова побывал у главного инженера и снова познакомил его с обстоятельствами дела, убеждая его, что получилось какое-то недоразумение, ведь план по всем кварталам не был выполнен и наполовину.

— Хорошо, товарищ Касарели, все понятно. Успокойся, а что касается выполнения плана, все выправится, и ты в накладе не останешься, премию получишь.

«На что он надеется? — недоумевал Касарели. — Как возможно выполнить задание трех месяцев не то что за месяц, а всего за несколько дней? На что он надеется? И еще обещает мне премию?» — пожимал плечами начальник цеха.

— Мила на работе? — спросил он у учетчицы.

— Была, некоторое время поработала и ушла, — ответила учетчица.

— Почему эта женщина пропускает?

— Товарищ Касарели, — возразила учетчица, — у нас помимо вас есть еще начальство, ему лучше знать, кого и когда отпускать!

Касарели закусил губу.

— А Лиза Замтарадзе не появлялась?

— Ее вызвал директор.

— Ладно, а теперь скажи, ты снова нарушаешь учет выработки?

— Нет, сейчас все делается так, как требуете вы.

Когда к концу месяца Касарели потребовал у учетчицы ежедневные сводки выполнения работ, к его удивлению она ответила ему, что сводки переданы в бухгалтерию. Он промолчал, но неожиданно обнаружил, что вместо того, чтобы находиться в бухгалтерии, они лежат неподписанные на складе. Это заставило его призадуматься, он взял одну из сводок и запер ее в свой сейф. Теперь Касарели уже не сомневался, что дело тут нечисто.

Через несколько дней его вызвал к себе главный инженер.

— Радуйся, Касарели, кончился квартал, фабрика перевыполнила план, мы заслужили премию министерства. За это дело и тебе причитается доля. Вот, пожалуйста, — главный инженер передал ему запечатанный пакет. — Думаю, что ты наконец доволен. Мы умеем держать слово.

Касарели машинально протянул руку и взял пакет.

* * *

Не ожидал Джуаншер, что письмо, переданное ему Отаром, может содержать столько интересных тайн. Он внимательно изучил дорожно-транспортное происшествие, и оно вызвало у него множество разных подозрений.

Инспектор убедился, что при рассмотрении этого дела было допущено большое количество неточностей. Настораживало и то, что дело в суде было разобрано с излишней поспешностью. Хотя, — думал он, — что,

собственно, мог сделать суд, если обвиняемый с самого начала следствия признавал свою вину? Как же так, парень не смог указать места аварии? Позже он оправдывался тем, что был очень взволнован. Конечно, случается и так, инспектор знал по опыту, что допрашиваемый каждый раз по-разному описывает тот или иной факт.

Погруженный в собственные мысли Джуаншер не заметил, как к нему подошел Темури.

— Сядь, — указал Джуаншер ему на стул. — Ну, какие у тебя успехи?

— Два дня — срок немалый, кое-что я, действительно, успел: парень этот отбывает наказание в исправительно-трудовой колонии, и справедливости ради следует сказать, чувствует себя там как рыба в воде.

— Кажется, он там впервые, — Джуаншер перелистал дела. — Это все?

— Он переведен на усиленное питание и настроен весьма оптимистически, хвастается, меня, мол, скорости выпустят. Я пытался узнать, кто его так щедро снабжает, но все мои попытки оказались тщетными.

— Естественно, они осторожны.

— Я волнуюсь за жизнь обвиняемого.

Джуаншер не ответил. Он снова углубился в дело и принялся внимательно изучать его.

— Возможно, ты и прав. Как думаешь, что могло заставить этого человека своими ногами отправиться в тюрьму?

— Трудно сказать что-либо определенное. Не исключен, разумеется, и момент самопожертвования. А может, он сделал это, чтобы скрыть другое, более тяжкое преступление, которое совершил? Может, тут денежная заинтересованность. Ну а если исключить все эти причины, тогда выходит, что тип этот просто-напросто психически неполноценен.

— Нам остается проверить все эти версии. В письме указывалось на тот факт, что преступление, совершенное Бибилури, было укрыто прокурором, начальником милиции и их приспешниками, а Дарчо и Эдишер играли в этом деле роль посредников.

Джуаншер обратил внимание на то, что Дарчо и Эдишер умерли оба в один и тот же день при загадочных обстоятельствах. Подозрения тем более ус-

тублялись, что смерть Эдишера совпала с временем, когда его вызвали на допрос в качестве свидетеля по делу о том дорожно-транспортном происшествии.

— С этим Эдишером сначала побеседовал журналист, а потом уже его допросил я. Во время допроса он очень волновался. И, вероятно, очень скоро во всем признался бы. Думаю, от него и стало известно Дарчо и Бено Бибилури, что он был у нас.

— А Бибилури — орешек твердый, нам с ним будет нелегко.

— Голыми руками, как говорится, этих мерзавцев не возьмешь. Сколько они всего натворили, река не смое!

— Чего же тогда мы ждем? Знаем ведь прекрасно, что это преступники. И надо с ними кончать!

— Однако, мой друг, ты забываешь о презумпции виновности.

Окончание следует

Леван МАЧАИДЗЕ

ПРИРОДА ЖДЕТ ВЗАИМНОСТИ

СОВРЕМЕННЫЙ населенный пункт — большой или маленький — в эпоху научно-технического прогресса живет особенно бурной, кипучей жизнью.

Он, как и живой организм, что-то создает и перерабатывает, отбрасывая отходы. Это — непрекращающийся, все возрастающий по объему и ускорению, закономерный процесс.

Когда в нем с самого начала наведен четкий порядок и отработана гармоничная последовательность, развитие идет по восходящей без сучка и задоринки, но стоит произойти нарушению ритма в одном из звеньев этого сложного процесса, как отрицательные воздействия немедленно начинают сказываться на состоянии окружающей среды.

Есть непреложная истина, возведенная в закон: каждое промышленное предприятие должно иметь свое очистное сооружение, чтобы загрязненные отходы производства, неочищенные промышленные стоки не отравляли наши реки, моря, озера...

Это не прихоть природоохранных служб, а настоятельная необходимость: очистное сооружение — обязательное звено всего технологического процесса, его логическое завершение!

И от того, как работает это очистное сооружение, всегда зависит судьба реки, куда устремляются очищенные или неочищенные сбросы.

Сейчас эти сбросы — далеко не всегда используемые отходы. Мы научились улавливать в них весьма ценные элементы, которые в свою очередь становятся ценным сырьем для самой разнообразной продукции, очень полезной и нужной народному хозяйству.

Когда это условие выполняется, то двойная выгода — налицо. А когда очистное сооружение... не работает?..

Все мы привыкли восторгаться красотами природы нашей республики, употреблять знакомые эпитеты, привычно сочетающиеся со словом природа. Это — испокон веков.

Великий русский писатель Антон Павлович Чехов, путешествовавший летом 1888 года по Черноморскому побережью Грузии, писал: «Природа удивительная до бешенства и отчаяния... Если бы пожил в Абхазии хотя бы месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и неба глядят тысячи сюжетов». И такими восторгами овеяно творчество буквально всех писателей, поэтов, композиторов, художников, хоть раз посетивших Грузию.

Но жизнь не стояла на месте.

Из республики аграрной, затем аграрно-индустриальной Грузия уверенно становится индустриально-аграрной.

И если еще в начале века мы бездумно, как казалось тогда, «побеждали» природу, безвозмездно забирая у нее все, что можно взять, ничего не отдавая взамен, то в середине века мы были вынуждены остановиться и призадуматься.

Ведь все добываемые у природы богатства не восстанавливаются, а мы берем у наших внуков природные ресурсы в долг, хотя должны жить не только сегодняшним днем. Ведь еще Карл Маркс говорил о том, что мы должны оставить внукам природу улучшенной, обогащенной. Это серьезный наказ-предупреждение!

А мы, непрерывно созидая, строя, реконструируя, бессердечно ее грабим, портим, засоряем...

Ученые сегодня уже категорически предупреждают, что нынешнее поколение, пожалуй, и есть то самое, последнее, которое может еще что-то исправить, помочь природе подлечить свои раны — самовосстановиться, найти разумное решение проблемы.

Вот об этом, о том, как мы сегодня это делаем, как ис-

пользуем и не используем достижения научно-технической революции, нарастающую мощь гигантского прогресса во всех областях народного хозяйства страны, мы и должны говорить, поднимая гражданскую ответственность населения за состояние природы.

Выступая на совещании партийно-хозяйственного актива г. Тюмени и Томской области, тов. М. С. Горбачев говорил: «...И еще об одном вопросе, который прямо относится к превращению Сибири в край, где жизнь должна радовать человека. Я имею в виду необходимость бережного отношения к природе. Мы в Сибири должны действовать, как подлинные хозяйева, должны заботиться не только о сиюминутной выгоде, но о том, чтобы сохранить богатство и красоту сибирской земли для грядущих поколений».

Надо ли говорить, что это положение целиком и полностью относится ко всем нам и должно стать путеводным во всей нашей хозяйственной деятельности, напоминая о том, что экономика хозяйствования тогда приносит реальную пользу, когда она экологична.

Пару десятилетий тому назад мы, пожалуй, впервые услышали слово «экология». Уверенно пробивая себе дорогу, оно не только вошло в наш лексикон, но сейчас без всего, что стоит за понятием — экология, — просто невозможно обойтись. Мы говорим, что вся наша экономика должна быть экологичной, и делаем все возможное для того, чтобы хозяйственная деятельность не вредила природе, а помогала ей выстоять, стать еще краше, еще богаче.

Мы ратуем за экологическое мышление руководителей потому, что оно необходимо каждому — от рабочего до министра, поскольку это одно из звеньев нового мышления эпохи НТР.

Мы будим в людях экологическую совесть потому, что когда она дремлет, это неизбежно плачевно сказывается на результатах.

Мы будем и впредь делать все от нас зависящее, чтобы нести в массы экологические знания, поднимать уровень экологической образованности населения.

Мы действительно богаты. У нас есть огромные природные ресурсы. Однако совершенно недопустимо, чтобы богатства эти нас расслабляли, экономически и экологически развращали.

Ведь речь идет не только о решении грандиозных задач

нашего сегодня, но и о том, что наше могущество еще предстоит передать в наследство нашим детям и внукам.

А потому мы обязаны позаботиться сегодня о том, чтобы изжить из сознания, из практики вместе с экономической и экологическую беспечность во всех звеньях, на всех этапах нашего хозяйствования.

«Усиление режима экономии, — говорил на совещании в Тюмени М. С. Горбачев, — мы должны поставить на прочную плановую и организационную основу, сделать важнейшей составляющей частью всей нашей хозяйственной деятельности».

Возрастание роли эколого-экономического воспитания со всей необходимостью требует его совершенствования на всех участках хозяйствования. Предстоит решительно освободиться от присущего ему академизма.

Только тесная, зримая связь с насущными задачами общества, с практикой нашего хозяйственного развития позволит стать каждому труженику экономически, экологически воспитанным, стать хозяином не на словах, а на деле.

Правильные взаимоотношения природы и общества состоят не в том, чтобы затормозить использование природных ресурсов для нужд производства, т. е. остановить процесс развития производства, а следовательно, и общества. Необходимо организовать рациональное природопользование, при котором общество ставит перед собой задачу с максимальной бережливостью и экономией относиться к природным ресурсам, забирать у природы не более того, что нужно в качестве сырья для развития производства.

Надо, во-первых, не переступать тех границ изъятия возобновимых природных ресурсов, за которыми теряется способность природы к самовосстановлению, во-вторых, комплексно использовать все элементы добытых ресурсов, в особенности невозобновимых, в-третьих, свести к минимуму отходы и отбросы и, тем самым, уменьшить загрязнение среды.

Классики марксизма-ленинизма раскрыли сущность экологических основ общественного производства. В своих трудах они указывали на необходимость экологической обоснованности экономического развития.

К. Маркс писал: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны, до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга».

Неконтролируемый рост суммарной нагрузки на природные комплексы в условиях исключительно высоких масштабов производства приводит к тому, что эта нагрузка начинает существенно превышать самовосстановительный потенциал природных систем. Ухудшение качественного состояния природных систем отражается и на экономических показателях (падение продуктивности природных факторов и рост издержек производства), и на социальных (возрастающие трудности поддержания здоровья населения).

Поэтому важно преодолеть фрагментарный подход к использованию природных ресурсов, когда запросы каждого производственного подразделения в отношении эксплуатации природных комплексов рассматриваются без учета совокупной нагрузки на эти системы. Следовательно, задача состоит в том, чтобы мобилизовать ресурсы и творческие способности людей, обеспечить достижение вполне реальной цели — перейти к природопользованию в рамках строго контролируемой нагрузки на экологические системы. Другими словами, необходимо осуществить экологизацию производства.

Все более высокое, с каждым днем все более результативное место в природоохранной деятельности занимает наша наука.

Сегодня трудно найти в Грузии в системе Академии наук научно - исследовательский институт, который прямо или косвенно, а чаще — непосредственно не решал бы научные проблемы, связанные с охраной природы республики.

Вот недавние сообщения ученых:

В Тбилисском госуниверситете создан новый биостимулятор, повышающий жизненный «тонус» зеленого организма за счет его внутренних резервов: энергии интенсивного дыхания, активной деятельности ферментов, ускорения обмена веществ.

Этот «эликсир» урожайности почти на 70% ускоряет появление всходов, способствует значительному росту и в птицеводстве — этот биостимулятор на 20% увеличивает привес цыплят.

Благодаря успешным разработкам Батумского отдела НИИ пластмасс создана экономичная опреснительная установка «Родник» для получения питьевой воды. На производственном объединении уже приступили к выпуску опытной промышленной установки.

Важнейшие достижения в деле ускорения научно-техни-

ческого прогресса получены проблемной лабораторией подготовки и переработки рудного сырья ГПИ имени В. И. Ленина. Совместно с производственным объединением «Чиатурмарганец» разработана и в промышленных условиях апробирована новая технология обогащения чиатурских карбонатных гравитационных концентратов. Широкое промышленное внедрение новой технологии позволит вовлечь ранее не используемые в производстве ферромарганца низкосортные руды вместо марганцевого концентрата первого сорта, что продлит срок эксплуатации марганцевых месторождений Чиатурского бассейна и позволит отказаться от импорта марганцевого концентрата. Вопрос рассмотрен на заседании Республиканского координационного совета по науке и научно-техническому прогрессу при ЦК КП Грузии, решено начать строительство новой фабрики в городе Чиатура с учетом предложенной технологии.

Как известно, в процессе изготовления древесностружечных плит выделяется сточная метанольная вода, которая отравляет водоемы, реки, окружающую среду. Такие воды содержат клеевые растворы, образующиеся после промывания оборудования. Для обезвреживания таких вод приходится сооружать новые производственные корпуса со специальными печами и установками, стоимость которых превышает 400 тысяч рублей, а их эксплуатация также обходится слишком дорого. Сотрудники Закавказского монтажно - наладочного управления Всесоюзного объединения «Союзорглестехмонтаж» предложили метод термического обезвреживания в действующих топках промышленных котлов с применением при этом специальных акустических форсунок новой конструкции. Новый метод внедрен на мебельных предприятиях Майкопа, Грозного, Жешартском фанерном комбинате, Велико-Бычковском лесокомбинате (Карпаты) и на других объектах системы. Значительно улучшились условия труда, не требуются большие материальные затраты, экономится большое количество топлива.

И таких примеров прямого выхода науки в производство сегодня можно привести множество.

Важным условием повышения действенности науки, научных исследований и разработок является укрепление связи науки с производством, в частности академических учреждений с отраслевыми организациями, с производственными предприятиями.

Многочисленный опыт показывает, что при таком сотрудничестве и внедрение происходит быстрее. За годы одиннадца-

той пятилетки по стране стало достоянием практики около 1400 результатов исследований и разработок ученых Академии наук СССР. Цифра впечатляющая, однако она не должна быть поводом к успокоению.

Сроки внедрения в среднем остаются еще очень большими. Сейчас, пожалуй, самое время добиваться действительно конкретной и деловой координации научных исследований и, в первую очередь, между непосредственными участниками работ.

Нужно поставить действенные преграды мягкотелости, ложным вкусам и интересам в определении тематики научных работ, их неоправданному дублированию. Необходима четкая координация всех научных разработок в деле охраны природы.

Есть еще немало резервов в организации природоохранной работы, в предотвращении загрязнения воздушного бассейна, вод, почв, лесов.

Необходимо также всемерно совершенствовать экологическое воспитание населения, включая в это благородное патриотическое дело буквально всех от мала до велика.

Существовала теория так называемого самоочищения в природе, на которое мы уповали долгое время. Герой Социалистического труда, академик И. В. Петрянов-Соколов сделал заключение, что «это мнение является одним из ярких примеров самого страшного вида загрязнения — загрязнения человеческого сознания. Это не метафора. Человек — часть биосферы, притом та ее часть, которая уже сегодня оказывает определяющее воздействие на процессы, происходящие на поверхности планеты. Ну, а сознание — это то, что делает человека человеком. Поэтому загрязнение сознания я считаю, — говорит он, — суперглобальной проблемой окружающей нас среды».

Об использовании органических удобрений в сельском хозяйстве, казалось бы, знает каждый школьник. О том, что навоз — отличное удобрение, было известно с незапамятных времен. И люди всегда знали цену этому виду удобрений, так как из поколения в поколение получали богатый урожай.

Известно, что потребность сельского хозяйства республики в органических удобрениях составляет 2,5 млн. тонн. Поступает же в сельское хозяйство всего 450 тыс. тонн.

Как видно из этих данных, сельское хозяйство республики систематически недополучает более 2 млн. тонн органических удобрений. Этот дефицит же прямо отражается на урожайности кормовых культур и обеспеченности кормами животных. А

у нас такое ценное удобрение превращено в вещество загрязнения окружающей среды. Убедиться в этом нетрудно. Стоит лишь заглянуть сегодня на любой животноводческий комплекс, на любую птицефабрику. Картина всюду одна и та же.

В Барнабианткарском свиноводческом комплексе построено навозохранилище, но с 1980 года оно не функционирует, и все то, что могло принести прибавку к урожаю, накапливается, гниет, отдает зловонием, грозит вызвать заболевания.

Ведь известно, например, что такой возбудитель болезней, как кишечная палочка, способен проникать в землю на 50 см., а на этой глубине грунтовые воды быстро разносят эту заразу, которая попадает в артезианские скважины.

Директор этого комплекса Вахтаг Хаташвили живет спокойно и, видимо, спит спокойно.

Ведь всем, кто читает инструкции, специальную литературу, газеты и журналы, хорошо известен опыт аналогичных подмосковных хозяйств, Белгородской области, Краснодарского края, где термически обработанные отходы много лет превращают в компост и транспортируют его на поля, получая уверенную прибавку к урожаю в 25%!

Этот опыт, видимо, в Барнабианткарском комплексе еще не известен. А ведь пора!

При таком бесхозяйственном отношении навоз стал бедствием.

Итак: ущерб от загрязнения навозом и куриным пометом окружающей среды — очевиден. А вместе с этим идет огромная затрата средств на добычу минеральных удобрений, при этом одновременно производится большое количество вредных для окружающей среды отходов.

Видимо, наиболее экономически выгодно предложение ученых — в проектах же предусматривать установки по переработке навоза в биогаз, а полученное удобрение транспортировать на поля или в брикетах и гранулах пустить в реализацию. Потребители найдутся сразу, каждый разумный, рачительный хозяин будет скупать эту ценную продукцию прямо на корню.

А вот какое положение создалось на малых речках в черте города Тбилиси.

Частично речка Верэ сегодня спрятана в бетон.

Не будем спорить со вкусами архитекторов. Хотя можно привести немало фактов, когда сегодня живую природу не закрывают, а открывают для показа ее нерукотворной красоты,

чтобы люди не теряли и в городе контакта с природой, но... это другой вопрос.

Давайте пройдем прямо к берегам реки, посмотрим, как же сегодня живет-поживает речка Верэ, а точнее, ее бо́льшая, еще не забетонированная часть.

У самого устья она сильно загрязнена. Вышедший из строя коллектор давно бездействует. По воде тянутся нефтяные пленки, полосы мазута—это следы расположенной здесь Теплоэлектроцентрали. Вокруг нее земля в мазуте, из-за чего гибнут молодые сосны, которые еще живы, но уже обречены.

Здание на горе — общежитие Тбилисского госуниверситета, а коллектор от него прямо, без очистки, направлен в реку. Ржавыми красками расцвечена скала на противоположной стороне — это сбросы промышленных предприятий другого района, левобережного. А огромные мусорные свалки родились за последние годы. Постарались тут строители и... жители окрестных домов. Через речку переброшен странный мостик. Да ведь это не мост, а старый, приспособленный под мост, коллектор. Из прорванного коллекторного чрева все нечистоты стекают тоже прямо в речку.

Чем выше, тем хуже. Куда ни глянь, всюду предприятия-загрязнители, руководители которых не раз уже штрафовались. Но платить штрафы из государственного кармана, видимо, не так уж трудно...

В речку Верэ сбрасывается ежегодно свыше двух миллионов тонн неочищенных сточных вод Орджоникидзевского и Калининского районов гор. Тбилиси и поселка Цхнети.

Научно-производственное объединение «Элва» ежегодно сбрасывает в ее воды около 1 тонны железа, полутонна тонн цинка, тонны меди и т. д. Нефтью пополняют этот грязный «коктейль» объекты теплового хозяйства города.

Именно из-за этого запрещено использование в рекреационных целях уникальной зоны Черепашьего озера, которое получает подпитку из реки Верэ.

А ведь речка Верэ протекает в густонаселенном районе города. Сколько же нужно ждать ее оздоровления?

В другую, тоже маленькую речушку — Лочино, не где-нибудь, а в черте города, на глазах у всех, ежегодно сбрасывается около полутонна миллионов кубометров неочищенных сточных вод.

«Авторы» этих сбросов — завод «Грузсельмаш», опытно-

механический завод Министерства легкой промышленности ГССР, автотранспортное предприятие № 4 Министерства автомобильного транспорта ГССР, Тбилисская нефтебаза, Лилыйский комбинат отделочных материалов, завод железобетонных конструкций № 3 и другие, сливающие более 10 тонн нефтепродуктов, десятки тонн т. н. взвешенных веществ, органических загрязнителей.

Свою антисанитарную «лепту» в загрязнение реки вносят птицефабрика Госкомсельхозпроизводства ГССР, Лилыйская плодоовощная база Минплодоовощхоза ГССР и поселок завода «Грузсельмаш», канализация которого очистных сооружений не имеет.

Здесь, на берегах речки Лочино, за последнее десятилетие скопились тысячи тонн обломков железобетонных конструкций заводов железобетонных изделий № 2 и № 3, домостроительного комбината, превративших берега реки в кладбище нерожденных домов.

Тут же тонны и тонны различного рода промышленного и бытового мусора, тысячи старых автопокрышек, ржавых останков автотранспортных средств, строительных механизмов, почему-то не замеченных работниками «Вторчермета».

В таком же плачевном состоянии находится и речка Дигмула.

В нее ежегодно сбрасывается более одного миллиона неочищенных промышленных сточных вод села Вашлиджвари, а сама Дигмула каждый год сбрасывает непосредственно в Куру около 40 тонн нефтепродуктов, 50 тонн т. н. взвешенных частиц и других вредных ингредиентов.

«Творцы» этих безобразий — объекты Министерства строительства ГССР — автобаза № 1 управления механизации № 1, парки механизации управления башенных кранов и свай, а также комбината отделочных материалов Министерства промстройматериалов ГССР.

Отсюда же эту загрязненную воду без всякого разрешения жители поселка Дигоми забирают для орошения приусадебных участков, в частности собственных парников.

Живут тут люди, выбрасывают мусор, и его горы растут и растут.

Вот комбинат отделочных материалов. За 30 лет своего существования он накопил такое огромное количество — тысячи тонн обломков резаного камня, которое грозит вовсе пе-

рекрыть реку. А ведь это не просто отходы — это ценное сырье для строителей, которые постоянно ищут новые карьеры, издалека возят инертный материал, несут огромные расходы по его транспортировке, а рядом — целые горы, которые никому не нужны. «Золотые горы»! Сюда нужно только заглянуть и... организовать вывоз, да некому... пока! Кому-то такая идея не по душе. Лучше — по старинке. Но лучше ли? Сама жизнь дает резко отрицательный ответ. В аналогичном же положении такие мелкие тбилисские реки, как Глданула, Хевдзмара, не говоря уже о Дампало, которая окончательно погибла на глазах одного поколения тбилисцев.

На промышленно-транспортных предприятиях, расположенных в бассейне таких рек, из года в год затягиваются работы по внедрению систем повторно-оборотного водоснабжения, строительство высокоэффективных водоочистных сооружений, отсутствует культура эксплуатации существующих сооружений.

На заводе железобетонных изделий № 3 в 1984 году завершена система оборотного водоснабжения арматурных цехов стоимостью в 110 тыс. рублей, однако она не эксплуатируется.

На комбинате отделочных материалов в 1983 году должна была войти в эксплуатацию система оборотного водоснабжения, но работы и сегодня не завершены.

На автобазе № 1 треста «Стройтранс» завершение работ по реконструкции предприятия предусматривалось в 1984 году, а они пока еще — в начальной стадии.

На научно-производственном объединении «Элва» несколько лет бездействует система нейтрализации сточных вод.

Примеров аналогичного характера, к сожалению, много. Виновники таких преступных нарушений неоднократно наказывались. 23 ответственных руководителя за неблагополучие на их объектах оштрафованы Госкомитетом ГССР по охране природы, т. е. почти ни один руководитель перечисленных объектов не избежал штрафа за нарушение требований законодательства. Эти вопросы обсуждались на заседаниях районных и городского Совета народных депутатов, материалы о состоянии малых рек поднимались в прессе, однако «воз и ныне там».

По принципу, изложенному в докладе М. С. Горбачева на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-тех-

нического прогресса, совершенно очевидно, что «...Предстоящая работа — это не латание дыр, не простое соединение или дробление организаций, перестановка работников из кресла в кресло. Решать вопросы совершенствования организационной структуры надо смело, обоснованно, а главное — комплексно и только комплексно — от высших до низовых звеньев, как по вертикали, так и по горизонтали».

Исходя из этого, в настоящее время Государственный комитет Грузинской ССР по охране природы взял на себя важную организационную миссию. Заключается она в том, чтобы привлечь все население республики в глубоко патриотическое движение под девизом «Малым рекам — большую жизнь». А это значит, что на протяжении семи-восьми месяцев все трудовые коллективы предприятий, загрязняющих малые реки, сами, своими силами будут расчищать образовавшиеся завалы отходов. Работники этих предприятий должны вернуть к жизни реки, которым они нанесли вред. Итоги этой огромной работы будут подведены в июне 1986 года, когда обычно в Грузии проводится традиционный месячник охраны природы, а этот, по счету уже седьмой, — целиком будет занят проблемами малых рек республики. Словом, работы предстоит много. Но эта деятельность на пользу природе будет одновременно играть и другую, не менее важную, воспитательную роль, поднимая сознание людей, прививая им любовь к родной природе.

На многие вопросы мы получили ответы в выступлении депутатов на проходившей в июне с. г. третьей сессии Верховного Совета СССР.

Ведь совершенно очевидно сегодня, что не может быть четко организованной, действенной охраны природы без утверждения нового типа мышления — широкого, дальновидного, честного, что само собой подразумевает хозяйский, государственный подход к проблеме.

В эпоху все возрастающих темпов научно-технического прогресса необходимо понять, усвоить, что окружающая нас природа сегодня вовсе не та, что была во времена наших отцов и дедов, хотя все это было совсем недавно, на нашей с вами памяти. Природа уже не так богата и вовсе не так неисчерпаема, как казалось хотя бы в начале и даже в середине века. И наша обязанность сейчас уже не столько бороться с ней, сколько защищать, оберегать, помогать.

Особое внимание должно быть сосредоточено на пропа-

ганде природоведческих знаний потому, что трудно любить то, что не знаешь, и тем более невозможно защищать, не зная, что именно защищаешь.

* * *

Горы золы, огромные отвалы, большая заболоченная территория, от которой рыжие ручейки стекают в реку Губисцкали и активно загрязняют ее, а горы золы растут. Их увеличивают самосвалы, доставляющие новые десятки тонн ежедневно.

Такую неприглядную картину на 14 гектарах земли можно увидеть рядом с Кутаисским автозаводом. Этой золы накопилось уже около одного миллиона тонн, и она все прибывает, основательно припудривая и ближние и дальние подступы, загрязняя на много километров воздушный бассейн.

Не первый год существует эта нигде не зарегистрированная копилка отходов Кутаисского автозавода, который ежегодно пополняет ее не менее, чем на 40 тысяч тонн.

Применяемый, но явно не оправдавший себя метод гидротранспортировки золы, в свою очередь, заболачивает местность от 20 до 100 метров и образует грязные стоки, непосредственно сбрасываемые в реку Губисцкали, которая уносит их далеко... в море.

Разработанная методика гидротранспортировки не оправдала себя. Очевидно, что лучше всего использовать эти отходы как сырье для промышленности стройматериалов в качестве добавок в цементной промышленности.

Но почему же оно не используется? Ведь горы золы растут. 40 тысяч тонн выбрасывается ежегодно, засоряется окружающая среда.

Итак, есть отходы, которые загрязняют окружающую среду, есть и настоящая необходимость с выгодой использовать их в качестве вторичного сырья, что решит и главную проблему — проблему оздоровления окружающей среды.

Кого тут ни спроси, все знают, что из этих отходов можно делать и кирпичи, и строительные, облицовочные плиты, которые находят широкое применение в народном хозяйстве. Но на автозаводе, видимо, забыли, что экологичное рождается из экономичного. И наоборот. А оба эти понятия связаны неразрывно.

Наверное, трудно представить себе законченный строительством мост, на который затрачены большие средства, а автомашины и люди обходят его и по старинке преодолевают реку вброд... А вот реальные, по всем документам сданные в

эксплуатацию, но фактически не работающие очистные сооружения, на которые затрачены огромные средства, материалы, время, нервы... И это — на поверку, оказывается, факт не единичный.

Да, появились у нас даже такие специалисты: построил, не довел дело до конца, пообещал исправить недостатки и... пошел строить по тому же принципу следующий объект, второй, третий, десятый: благо никто не интересуется—работает сооружение или нет, а зарплата идет...

В биографии треста № 2 бывшего Минсельстроя таких, с позволения сказать, объектов даже при выборочной проверке оказалось множество — почти все. И специализируется на таком хроническом браке управляющий трестом № 2 А. Дахундаридзе, которому все нипочем: наломал дров и пошел дальше...

Еще в 1977 году очистные сооружения Маглакского винзавода Госкомвинпрома ГССР стоимостью 381 тыс. рублей должны были вступить в строй. Однако государственная приемочная комиссия составила акт о недостатках и установила срок их устранения — III квартал 1978 года.

Но строители ушли, а недостатки остались. Очистные сооружения до сих пор бездействуют, сбросы винзавода отравляют окружающую среду, а трест № 2 и его управляющий преспокойно занимаются созданием новых неработающих объектов.

Ни решения Цхалтубского горисполкома, которые выносились дважды, в 1980 и в 1982 годах, ни обсуждение органами народного контроля, ни обсуждение вопроса на бюро Цхалтубского горкома партии, ни проверка республиканского Комитета народного контроля, Госкомприроды и Минздрава ГССР в июне 1984 года результатов не дали. Управляющий трестом № 2 А. Дахундаридзе занял круговую оборону.

Стоимость очистных сооружений Самтредского птицеводческого совхоза—280 тыс. руб. Год их рождения—1979. Автор—трест № 2. До сегодняшнего дня сооружения не работают. Стоимость очистных сооружений Шромской (1974 г.) и Бахвской (1981 г.) чайных фабрик—128 тыс. руб. Между тем сооружения не работали ни одного дня.

В нерабочем же состоянии находятся очистные сооружения Ланчхутской чайной фабрики № 2, стоимость их—110 тыс. руб., а неработающей Махарадзевской чайной фабрики — 160 тыс. рублей и т. д. Тысячи, сотни тысяч рублей складываются в миллионы, затраченные государством по милости

треста № 2 и его управляющего впустую, а предприятия, для которых строились эти объекты, на протяжении ряда лет по вине А. Дахундаридзе наносят все возрастающий ущерб рекам республики, загрязняя их неочищенными сточными водами.

За такие «художества» придется ответить перед государством сполна.

Перед партией, государством, всем народом встает сегодня целый комплекс важных задач. Это переход на рельсы интенсивного развития экономики, осуществление структурной перестройки производства, внедрение эффективных форм управления, организации и стимулирования труда, дальнейшее повышение благосостояния людей, укрепление обороноспособности страны.

А природоохранные службы должны постоянно идти впереди событий, опираясь на научные прогнозы, уметь видеть всю экологическую ситуацию в неразрывном, как сама природа, комплексе, в единой диалектической взаимосвязи, рассматривать вопросы охраны природы через призму общенародного, государственного интереса.

И всегда помнить: природа, щедро отдавая людям свои богатства, ждет от них взаимности.

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ

ШТРИХИ К ДВУМ ПОРТРЕТАМ

МРАВАЛЖАМИЕР, АННА,

МНОГИЕ ЛЕТА!

1946 год: естественный энтузиазм и всеобщий подъем отвоёванной страны, несмотря на незажившие еще раны и неутихшую боль, вопреки ограбленному войной облику окружающей яви. Но не возьмем греха на душу и не станем утверждать, что советская, в том числе грузинская поэзия не выразила должным образом эти настроения и этот подъем, это удивительное сочетание ликования, надежд и реальной действительности с ее тысячами тысяч задач и проблем. Но читательский слух улавливал большей частью справедливую и громкую славу героям и полководцам, а одам и гимнам вряд ли было под силу со всею глубиной и естественной раскованностью передать счастливый тот выдох и вольный напев

хотя бы одного малого заповедного края великой страны, напев, в котором с непосредственностью пробудившейся природы были бы явлены в лад человеческим душам зазвучавшие многоголосье тысячелетних скал, столетних дубов, зеленых побегов, симфония корней и детская радость «чиамарии» — божьей коровки. И если день и час истории, в честь которых у нас, в Грузии, со времен Руставели провозглашали руставелевское же — «зло повержено извечно торжествующим добром», если, повторяем, такой час истории достоин был, как говорили естари, явленного свыше дара — к этому как раз дню, к этому часу приуроченного, — то таким именно даром и оказалось внезапное появление на небосклоне грузинской поэзии весной 1946 года новой ярчайшей звезды, имя которой Анна Каландадзе.

Крестным отцом её по праву считается Симон Чиковани — тогдашний руководитель грузинской писательской организации, устроивший читку стихов никому не ведомого поэта. Неоценима и первооткрывательская миссия Георгия Натрошвили и Дмитрия Бенашвили. Очевидцы и свидетели того чудесного дня в зале заседаний Союза писателей Грузии и поныне, как легенду, передают рассказ о впечатлении, произведенном выступлением девушки, которой тогда едва исполнился двадцать один год.. В благоговейно затаившемся зале звучал ее тихий, скромный, благородный голос. И в раскрытые настѣжки окна будто залетели ветры радостных сторон, неся с собою и напевы колыбельной, и сердечный сказ, поведаанный чинарой, и ароматы лугов Картли... Проникли сюда и хрупкие лилии, и виноградные плети, и даже олени с большими рогами, а то и сиянье больших снегов Тетнульда... И вновь все напоминало и призывало, как бы являло еще раз чудо рождения «Сулико» и полета Мерани, воскрешало дыханье важапшавеловских Алуды и Лелы, и отовсюду, со всех сторон, а главное, из глубины сердец и душ зазвучала рефреном к каждому видению строка Григола Орбелиани, полтора столетия лелеемая грузином — «Где же еще Грузия другая?» Эти стихи Анны — «Грузия прекрасная» — в тот же день будут подхвачены тбилисцами и не просто заучены наизусть, а, переложенные на дивный мотив — не композиторами, нет, — просто молодыми тогда ребятами Темико Чиргадзе и Темо Нацвлишвили, — станут распеваться по всему городу и дальше — по всей Грузии. И так же, как сказка, которую прошелестела чинара, или навеянная ветром колыбельная привели нас к обли-

ку и образу родимой Грузии, — доверительный разговор поэта с божьей коровкой обернулся лирической исповедью о великой радости Победы. Так родилось одно из лучших и человечнейших поэтических творений, посвященных Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне:

**О, медлительная побелка
этих яблоневых лепестков!
Так здравствуй, победа,
победа,
победа во веки веков!
Выходи, чиамария, празднуй,
тонко крылышками трубя.
Мои руки совсем не опасны —
мои руки ласкают тебя.
Возмужавшей земле обожженной
не управиться с новой травой.
Где наш враг? Он лежит, пораженный
справедливой и меткой стрелой.
Чиамария, как мы тужили,
как мы плакали, горе терпя,
но смеется герой Цицишвили,
защитивший меня и тебя.
Чиамария, мир, а не горе!
И, вступая в привычки труда,
тут степенно пройдетя Никора,
и воскреснет за ним борозда.**

Это стихотворение позже было переведено Беллой Ахмадулиной, сделавшей достоянием миллионов первую книгу Анны Каландадзе. Я помню восхищение подвижничеством русского поэта, наперебой выражаемое Симоном Чиковани и Павле Ингороква при виде сияния звезды Анны на иноязычной орбите. Говорю же я об этом, так как хочу предоставить слово именно ей, Белле Ахмадулиной, не только в своих стихах и переводах, но и в благодарственной прозе постигшей натуру и облик своего грузинского друга и любимого поэта — Анны Каландадзе:

«Люди, оснащенные высшим даром, имеют свойство дарить нам себя и других. Сиял день весны, Симон был жив и здоров, но подарки еще не иссякли, и Симон восклицал: «Кацо, ты не знаешь Анны, но ты узнаешь: Анна — прекрасна!». К вечеру я уже знала, что Анна — прекрасный,

Большой поэт, и ее язык, собственный, ведомый только ей, не меньше всего грузинского языка по объему и прелести звучания. На крайнем исходе дня пришла маленькая Анна, маленькая, говорю, потому, что облик ее поразил и растрогал меня хрупкостью очертаний, серьезнейшей скромностью и тишиной — о, такие не суетятся, мыслят и говорят лишь впопад и не совершают лишних поступков. Потом, в Москве, в счастливом уединении, я переводила стихотворения Анны Каландадзе... Спасибо, Анна, — я наслаждалась. В тесной комнате с зелеными обоями плыли облака Хетты, Мидии, Урарту, боярышник шелестел, витали имена земли: Бетания, Шиомгвие, Орцхали... Анна была очевидна и воздушно чиста, и сколько Грузии сосредоточено и свободно помещено в Анне!.. Анна, когда живет и пишет, часто принимает себя за растения земли: за травинку, за веточку чинары, за соцветие магнолии, за безымянный стебелек. Что ж, она, видимо, из них, из чистейших земных прорастаний, не знающих зла и корысти, имеющих в виду лишь зеленеть на благо глазам, даже под небрежной ногой незоркого прохожего, — лишь зеленеть победно и милосердно...»

Удивительна цельность мира и мировосприятия Анны Каландадзе, вмещающих, обнимающих и ветку сирени в своем городе и Злату улочку в Праге, и картину Пахитонова «Вечер в Нормандии» и древнегрузинские фрески, и облик татарки-девушки в Тбилиси и судьбу кровно близкого поэта Ладно Асатиани, и эпитафию Давида Строителя и звуки «Прощальной симфонии» Гайдна, и заботу о беспомощной фиалке и радость первого дня свободы Назыма Хикмета, вырвавшегося из тюремных застенков, и грустную тень Никалы Пиросмани, и синие горы мексиканского художника Ромеро Ороско, увиденные на выставке в Праге, и мельницу на речке Губазоули, а над нею, за горизонтом, снег аджаро-гурийских гор, и безграничную неохватность просторов всей нашей страны, в честь которой поэт провозглашает свою поэтическую здравицу:

Горам и ущельям, низу и долу,
каждому деревцу во дворе,
Волге твоей, и Днепру, и Дону,
Сыр-Дарье и Аму-Дарье...
Твоим строителям неутомимым,
реке, и речке, и каждой струе,
тебе, овейной светом и миром,

**тебе, моей дорогой стране, —
мравалжамиер, многие лета!**

(Перевод Б. Ахмадулиной).

Юрий Суровцев — один из лучших в русской критике знатоков и ценителей грузинской поэзии — так охарактеризовал душевный и духовный диапазон лирики Анны Каландадзе в своем эссе, посвященном ей: «Единство этих двух стремлений человеческой, женской души — счастье принять от друга заботу о себе и радость помочь другу — пронизывает все лучшее, что написано поэтессой, составляет главную этическую «тайну» обаяния ее лирики».

Этика поэзии Анны Каландадзе, при всем неотразимом обаянии ее лиризма, бескомпромиссна и мужественна. Так, на исходе пятидесятих годов, в пору наступившего прилива благотворных преобразований, она обратилась к теме, казалось бы, исторической, но до предела, до трепета, до боли насыщенной страстями и раздумьями этой поры. Она вспомнила суровую эпитафию, написанную себе же одним из самых гуманных и мудрых правителей средневековья, суровый приговор, вполне несправедливый по тем временам, но звучащий мудро и благородно в своей исторической и философской провиденциальности, и прокомментировала этот приговор с зеркой оглядкой на «истинно грешных, утративших трезвость ума и спокойствие сердца, мятущихся тщетно». Стихи эти были озаглавлены начальной же их строкой — «Молю вас, поприте безжалостно грудь самодержца!» В первой и последней строфах стихотворения был перефразирован монолог царя-поэта, а между ними было заключено обращение к нему:

**Молю вас, поприте безжалостно грудь самодержца!
Даруйте мне милость!
Внемлите веленью Давидова сердца —
Оно истомилось!
Могильные плиты топчите, корчуйте
С лозой виноградной!..**

**— О царь! За какие грехи и причуды
Ты требуешь кары и просишь награды?
С родною землею ты сросся и свыкся
И в счастье, и в бедах,**

Раздвинув пределы ее от дубрав Никопсийских
До высей Дербента.
Иль это смиренье властей предержавших,
Что хуже гордыни?
И если ты грешен, мой царственный прашур,
Что делать отныне
Всем истинно грешным, утратившим трезвость ума
и спокойствие сердца,
Мятущимся тщетно?

— Молю вас, поприте безжалостно грудь самодержца,
Молю вас об этом....

(Перевод мой. — Г. М.)

Это были мужественные стихи. И, конечно же, бесконечно прав был наш Гурам Асатиани, когда позднее, имея в виду затянувшуюся полосу засилья в нашей республике негативных явлений и справедливо расширяя круг перечисляемых обычно произведений, противостоявших этому засилью, указывал на особую роль большой и истинной поэзии и подчеркивал, что в годы, когда «культ стяжательства и наживы принял особо омерзительные формы, Анна Каландадзе своей поэзией олицетворяла идеал духовной высоты, чистоты и бескорыстия. Самими нормами своего творческого и жизненного поведения она была живым укором тем, кто не смог противостоять низким и порочным соблазнам». Это тоже было мужество — мужество благого примера. Но Анна Каландадзе (мне уже приходилось раньше об этом писать) никогда не прикрывалась заимствованным цитом мужской мужественности. Ее бесстрашие всегда оставалось женственным. Поэтому оно сказалось во всех ее, самых женских и обнаженно-исповедальных, незащитных в своей доверительности, стихах. Ведь это ее же строки:

Не загоряся слишком близко,
Передрассветная звезда,
Чтоб жарким взглядом василиска
Не обожгла меня беда.
Ты видишь, в страхе и смятенье
К тебе я руки подняла,
И пали на воду две тени,
Как два подрезанных крыла.
Не говори, что он исполнен

Особых таинств — этот час,
И светлое мое безволие
Не попирай, ожесточась.
Не завлекай меня надеждой,
Не обволакивай мечтой,
Оставь меня опять невеждой,
Не ведающей тайны той.

(Перевод мой. — Г. М.)

Откуда она пришла? Какова ее поэтическая родословная? Сразу же оговоримся, что изначальная, с первых же строк литературного дебюта явленная самобытность и оригинальность поэтического мира и самого стиха Анны Каландадзе, его строя и лада исключали и исключают разговор о каких-либо, хотя бы самых благородных и благотворных влияниях. Речь может идти лишь о почве и атмосфере, вскормивших и воспитавших ее уникальный дар. И тут, конечно, можно говорить об избирательном сродстве с теми или иными участками этой родимой почвы, о тех или иных «климатических участках» этой родной атмосферы. Я, естественно, не буду говорить об универсальных руставелевских истоках, питающих все жизнестойкое и высокое духом в грузинской культуре, но, сокращая историческую дистанцию, назову Давида Гурамишвили и грузинских романтиков, Акакия Церетели и Важа Пшавела, Якоба Гогешвили с его «Деда эна» («Родная речь») и «Бунбис кари» («Врата природы»), знаменитые детские журналы начала века — «Джеджили» и «Накадули», поэзию Шио Мгвимели, «вечное присутствие» Галактиона Табидзе и — совсем уже близко — родное дыхание Ладо Асатиани. Если же говорить об общих культурных истоках, то нельзя обойти ни древнегрузинскую, в том числе духовную и летописную, литературу, ни фольклор, а в пределах нашего времени — миссию Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе и Симона Чиковани.

Анна Каландадзе явилась еще одним подтверждением неиссякаемости, неисчерпаемости, бессмертия грузинского феномена, грузинской культуры, грузинской поэзии и их генерального субстрата-первоосновы — грузинского языка, грузинской речи. Более того, само чудо явления Анны не может быть объяснено без своего рода невидимого глаза, подспудного, сокровенного «соавторства» породившего ее народа и его многовековой культуры.

Анна Каландадзе сразу заявила о себе как о зрелом поэте. Долго даже бытовало мнение, что ее изначальные цельность и совершенство исключали якобы дальнейшее поэтическое, что ли, развитие ее стиха. Но, разумеется, это не так. Уже пшавский цикл середины пятидесятых годов обозначил резко очерченную особую сферу ее новых возможностей и пристрастий, а философская (условно говоря) лирика шестидесятых-семидесятых годов (с присущей ей умеренной и благородной архаизацией стиля) открыла неизведанные для новой грузинской поэзии, хотя подкрепленные глубокими генетическими корнями, глубины нравственных раздумий. Совершенно особого поэтического решения требовала и область, выводящая за собственно грузинские и даже общесоюзные рубежи, на мировые просторы — и в географическом, и в историческом смысле этого понятия. Кристальная простота и прозрачность одного (особенно раннего) потока лирики Анны Каландадзе нерасторжима с течением более сложной образной и языковой стихии иных (чаще — более поздних) свершений в ее поэзии. Но главное — везде и всегда торжествуют в ней, у нее высшая человечность, доброта и натуральность, милосердие и стойкость, сердечность и мужественность. И опять-таки, раз мой голос возвысился до тона неприкрытого восторга и почитания, я вновь передам слово Белле Ахмадулиной, чтоб она, на этот раз Анне посвященными стихами, выразила нашу всеобщую и неизбывную к ней любовь, а значит, и понимание:

Вот мы — соучастники сборищ.

**Вот Анна — сообщник природы,
всего, с чем вовеки не споришь,
лишь смотришь — мгновенья и годы.**

**У трав, у луны, у тумана
и малого нет недостатка.**

**И я понимаю, что Анна —
явление того же порядка...**

**...Позвольте спросить вас: а разве
ваш стих — не такая ж загадка,
как встреча Куры и Арагви
близ Мцхета во время заката?
Как эти прекрасные реки
слились для иного значенья,
так вашей единственной речи
нерасторжимы теченья.**

В ней чудно слова уцелели,
сколь есть их у Грузии милой,
и раньше — до Свети-Цховели,
и дальше — за нашей могилой...
...Слагала душа потаенно
свой шелест, в награду за это
присутствие Галактиона
равнялось избытку рассвета...
...И я помышляла: покуда
соседом той тени не стану,
дай, жизнь, отслужить твое чудо,
ту ночь, и то утро, и Анну...

ВЕЧНЫЙ ДУХ

ЛЮБВИ

И МЯТЕЖА

Одну из своих книг Шота Нишнианидзе озаглавил весьма знаменательно — «Зеленый год». Зеленый цвет — это извечный символ цветения и обновления, но он указывает нам и на образ дороги, открытой для движения — отсюда ведь само понятие так называемой «зеленой улицы». И оба этих символических смысла как нельзя больше соответствуют самой сути поэзии Шота Нишнианидзе, которой свойственны и страсть к постоянному обновлению, и жажда стремительного, неуклонного движения вперед.

И следует подчеркнуть, что обновление поэзии или поэтическое обновление дано здесь нам не как самодовлеющее и замкнутое в себе явление, а как отражение или выражение, даже порождение, а порою и предвосхищение того процесса обновления и перестройки, нового расцвета и продвижения вперед, которым была охвачена родина поэта, его родная земля на одном из важнейших этапов ее современного исторического бытия.

Разумеется, и до этого грузинская советская поэзия с честью выполняла свой гражданский и моральный долг перед Родиной и народом. Более того, именно она, вместе с

другими искусствами, сберегла тот нравственный запас и гражданский запал, которые оказались столь к месту в условиях обновляющегося общественного климата в нашей республике. Но закономерно и то, что новый этап нашей жизни со всей категоричностью потребовал особого напряжения всех духовных, в том числе и поэтических, сил народа. И Шота Нишнианидзе был одним из тех, кто первым откликнулся на этот зов времени и без колебаний занял свое место в его поэтическом авангарде.

А у него, как у художника, как у поэта, были для этого, прямо можно сказать, наготове душа и сердце, разум и талант, совесть и мастерство. Это те свойства самой поэтической природы, которые сразу же обеспечили Шота Нишнианидзе особое, лишь ему предназначенное место в новой грузинской поэзии, как только он в нее вошел. Это были и есть твердость характера, цельность и четкая, почти скульптурная зримость и очерченность его внутренней природы, это — редкий дар воплощения в рамках лирического произведения эпического по сути мировосприятия и вообще редкий для лирика талант пластического живописания в сочетании с мощью, щедростью и естественностью речевой, языково-музыкальной стихии стиха. Эти качества роднят его не только с народно-поэтическими истоками, но и с некоторыми чертами и традициями ряда избранных предшественников в грузинской советской поэзии. И тут пора, наверное, называть имена тех грузинских поэтов, достойным и блистательным продолжателем поэтической линии которых стал Шота Нишнианидзе при всей оригинальности и неповторимости своего личного поэтического феномена. Это такие разные поэты, как Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе и в известной мере Ладос Асатиани. Роднит их обнаженность лирической струны, даже незащищенность ее и, главное, мощный эпический заряд лирического монолога, которому вовсе не обязательно обрести жанровую форму эпической поэмы — образ мира настолько слит с душою поэта, что его исповедь уже становится и отражением этого мира. И тут поражает широта, многоохватность, многомерность этого вмещенного глазом и сердцем поэта мира. В душе поэта как бы мобилизованы времена и эпохи, история и современность, даже будущее призвано для участия в решении насущных задач. Это — вертикаль глубинная, а ширь — народы и страны, поэты и герои разных стран и времен — от Гомера до Уитмена, от Сервантеса до Гарсиа Лорки, от Байрона до Му-

сы Джалиля, от Ильи Муромца до Гавроша, от грузинского предтечи Сусанина — Тевдорэ до самоотверженного профессора Жордания, от «Моисея» Микеланджело до Яноша Корчака, отдавшего свою жизнь за детей и погибшего вместе с ними в газовой камере фашистского лагеря. И все это — выстрадано, с кровью сердца, как сугубо личное, как собственная судьба, и с широтой истинно грузинского духа, вмещающего в малое пространство отведенной ему земли бесконечность всечеловеческого бытия, его радости и боли, создавшего как самых любимых своих национальных героев арабов Автандила и Тинатин, персов Таризла и Нестан-Дареджан, армянку Шушаник и многих других сыновей и дочерей планеты Земля. А иноплеменные герои Важа Пшавела и Александра Казбеги, не говоря о традициях грузинской советской литературы? Вот на какую благодатную и благородную почву опирается Шота Нишнианидзе. Не удивительно, что его стихи с такой охотой переводят на языки братских народов Союза и за рубежом. И читатель, постигший эту высшую интернациональную правду поэзии любимого поэта, не удивляется, а радуется, как старому знакомому, скажем, Дон Кихоту, который на страницах книги Шота Нишнианидзе оказывается не гостем, а старожилом имеретинского края, родного и близкого нам по повестям Давида Клдиашвили Симонети:

**В рассветной Имеретии —
Чудесная картина.
Там Дон Кихот в берете
Возник в дыму камина.**

**Ламанча, ваша, ваша!
И вива Симонети!
Ведь ты, Ламанча, наша,
И на одном мы свете!**

**Совсем здесь на Испанию
Похоже: вива, вива!
И радость и страдание
Здесь одного пошиба.**

**И радость машет крыльями,
И сердцу легок груз ее,
Ламанча Клдиашвилива,
Сервантесова Грузия!**

(Перевод Д. Самойлова).

Это удивительное умение — давать вечную прописку в своей грузинской душе и в своем грузинском стихе явлениям и событиям, героям и персонажам иных времен и иных земель — с особой силой сказалось на материале не-

измеримо более близком поэту, но все же совпавшем с его детством и отрочеством. Я имею в виду Великую Отечественную войну советского народа. Он был двенадцатилетним мальчишкой, когда она началась. А в стихах поэта война встает так, как могла бы явиться лишь под пером поэта-фронтовика. И верно писал об этом чуде Лев Озеров: «Война запеклась на теле поэзии Шота Нишнианидзе. Подчас его строки напоминают рваные линии окопов и блиндажей. Он чувствует время. И передает его в воспаленных строках своих. Это не мрамор, а боль...» И критик перефразирует применительно к Шота Нишнианидзе слова Маяковского: «Поэт пишет не о войне, а войною, не о мире, а миром. Это скорее даже не тема, а пафос творчества, его атмосфера».

Но продолжим. Так же, как естествен у него переход от всйны к миру, на таком же едином дыхании возникает в поэзии Шота Нишнианидзе мотив защиты мира от возможной войны, мотив необходимости сделать ее невозможной:

**О мое поколение! Ты — виноградник бессмертный.
Мы: не просто стареем, взирая на мир из окна.
Мы, наверно, затем и живем, чтобы стала последней
Та минувшая, не забытая нами война.**

(Перевод Б. Окуджава).

«Взирать на мир из окна» — вст на что не способен Шота Нишнианидзе нигде и никогда. Равнодушие и пассивность — это не только его антиподы, они заклятые его враги. И о чем бы ни шла речь — будь это «безномерные» собачки, которых вылавливают для смертоубийства собачники-«мефистофели», или атомные маньяки, готовые обречь на гибель чуть ли не всю планету или неугодную им ее половину — поэт везде и всегда возвышает свой гневный голос, голос любви к жизни, голос ненависти ко всему, что подавляет жизнь:

**Пусть тебя не сломит недруг дерзкий.
Ни измена друга,
Ни навет.
С верою —
Да-да, почти что детской! —
Нет! — скажи.**

**И снова: — Нет и нет!
Подымись в жестокую атаку,
Совестью движенье укрепив,
И свою великую отвагу
Еоплоти в действительность и миф.
Вот твой стол — иди без проволочки
И, от нетерпения дрожа,
Возроди в летучей вольной строчке
Вечный дух любви и мятежа!**

(Перевод Ю. Ряшенцева).

Вот передо мною лежит книга избранных стихотворений Шота Нишнианидзе, удостоенная ныне Государственной премии СССР. Это уже третье лауреатство поэта: ведь за минувшее десятилетие он был увенчан также лаврами премий имени Шота Руставели и Галактиона Табидзе. Это трехкратное подтверждение именно того, что поэту воистину удалось «возродить в летучей вольной строчке вечный дух любви и мятежа» — любви к Родине, к высшим человеческим идеалам, призванным оберегать все истинно живое на земле, и дух мятежа против всего бесчеловечного, бездарного, жестокого, фальшивого, лицемерного, деспотического, бездуховного. О, он по праву мог бы повторить от своего имени слова Маяковского:

**Ненавижу всяческую мертвечину!
Обожаю всяческую жизнь!**

Елена ЮДКОВСКАЯ

В ЧАС ОЖИДАНИЯ АТАКИ...

Н АКАНУНЕ 30-летия Победы над фашизмом мне поручили написать очерк о бывшей регулировщице военно - автомобильной дороги, младшем сержанте Лидии Сливак. Зрительно припомнился знакомый с детства снимок военного фотокорреспондента Якова Рюмкина... Юная регулировщица в туго стянутой ремнем гимнастерке, маленький беретик кокетливо сдвинут набок, и, как остановившееся мгновение — изящный взмах флажками. За спиной у девушки — Бранденбургские ворота и... нелегкий путь к ним — от родного черниговского села по дорогам Крыма, Восточной Пруссии и Польши, бессонные дежурства на перекрестках под шквальным обстрелом фашистской авиации. Знакомый снимок с лаконичной, даже какой-то романтично-символической надписью — «Хозяйка Бранденбургских ворот».

К своему удивлению и стыду, я узнала, что «хозяйка» уже тридцать лет живет в моем родном городе Донецке, в пяти троллейбусных остановках от дома моего детства. Впрочем, стоит ли удивляться? Для нас, детворы послевоенных

городное, самое светлое чувство, на которое способен человек, любовь — венец человечества и вершина жизни. В любви, как в фокусе, высвечиваются эпохи, народы, общества. И облик участников Великой Отечественной войны, их внутренний мир, их характеры ярче всего высветились и проявились в любви», — напишет спустя сорок лет после Победы грузинский писатель - фронтовик Георгий Цицишвили. Его последняя книга, выпущенная в издательстве «Советский писатель», называется «Любовь поры кровавых дождей» и посвящается женщинам, участницам войны. Наверно, писатель чувствовал не только долг перед теми, кому посвящал книгу, но и ответственность современника и участника «поры кровавых дождей».

...На бронепоезд, стоявший у прифронтовой станции, прибыли две девушки-дальномерщицы, закончившие краткосрочные курсы в блокадном Ленинграде («...И тебя настигнет пора сожаления!»). Командование бронепоезда не скрывает своего недовольства таким пополнением. Женщина на фронте, а тем более на бронепоезде — в первые дни войны это казалось противоестественным. Не удивляет и недоверие бойцов к «артиллеристам в юбках», и одновременно волнение из-за появления девушек, единственных на бронепоезде. Не удивительно, если бы девушки растерялись в первом бою. И тогда не стали бы они «хозяйками бронепоезда и верными товарищами», не вызывали бы ни у бойцов, ни у командования чуткости, уважения и восторга. Тогда бы и не стоило о них писать? Стоило, потому что человек рождается для мира и к войне он не готовится. Но поколение Марины Нелидовой и Тони Еремеевой готовилось к войне с детства.

...Они еще сидели за школьными партами, когда фашизм приговорил к смертной казни Эрнста Тельмана и Георгия Димитрова. Строчили конспекты в институтских аудиториях, когда инквизиция человеческого духа охватила Польшу и Чехословакию, а на Бранденбургской площади, где спустя много лет взмахнет флажками их сверстница Лидия Сливак, фашисты сжигали книги их любимых писателей. Избрав мирные профессии, они готовились к войне в кружках Осовиахи-ма, когда их отцы и старшие братья сражались в Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии. Они готовились, зная, что им предстоит участвовать в самом невиданном и кровопролитном поединке двух идеологий и психологий. Об этом ни слова не сказано в книге Цицишвили. Но именно такая биография стра-

ны была биографией Марины Нелидовой и Тони Еремеевой накануне их первого боя.

Действительно, прекрасная физическая, духовная и профессиональная подготовленность помогала девушкам справляться с неженскими обязанностями на бронепоезде. Недаром, глядя на четкую работу дальномерщиц в первом бою, Хведурели «проникался уважением, каким-то добрым чувством к этим девушкам и к тем, кто их так хорошо подготовил, да, наверное, не только их, а еще многих и многих». Но человек — прежде всего индивидуальность. И особенно ярко проявляется она перед лицом опасности, где, казалось, мы все равны. Страх свойственен живому существу. Абсолютное бесстрашие — патологично. Страшно было Марине Нелидовой идти на последнее задание, заранее зная, что ей предстоит ценой жизни спасти бронепоезд. Страшно было умирать в блокадном Ленинграде Лиде Кавериной («Дольше всего живет надежда»). И у Марины, и у Лиды был выход: Марине — отправить вместо себя наспех обученного бойца. Лиде — оставить в Ленинграде старых родителей. Ни та, ни другая не сделали этого. Конечно, уместно вспомнить о долге. Но ведь и понимание долга — тоже индивидуально. И Марина, и Лида выполнили свой долг, как свойственно было их индивидуальности и в жизни, и на краю ее.

Наверно, здесь можно возразить емкой, все объясняющей истиной — «на войне, как на войне». Но как раз от фронтовиков мы знаем, что на войне не все бывает, как на войне. Между боями случаются короткие передышки. И тогда человека одолевают мысли о доме, о семье, мечты о будущем, о неосуществленном. Но Марина Нелидова и на войне постоянно мечтает, мечтает о своей будущей профессии, о непознанной любви, обо всем, чем богата мирная жизнь. Это, скорей, свойство ее натуры.

«На войне» Хведурели, узнав, что в Ленинграде осталась любимая женщина, пробирается к ней через дорогу жизни, которая есть и дорога смерти. «На войне» выступают перед бойцами изможденные ленинградские артисты. Выступают, чтобы доставить им удовольствие. Доведенные до крайнего истощения, артисты отказываются от угощения, предложенного им перед концертом. И во всем этом — благородство, интеллигентность человека, не сломленного ни голодом, ни неотвратимостью гибели.

На войне (как не должно быть на войне) «устраивает» свое благополучие подполковник Яхонтов, морально разлагая

подчиненных («Преображение»). На войне, наряду с независимостью и бескорыстием, уживается чиновничество, соблюдение «табеля о рангах». Не против воинской дисциплины восстает капитан Колосков («Невезучий капитан»). Опытный военный, поражавший всех безукоризненным чутьем артиллериста, он в любых обстоятельствах военной службы требует человечности и от себя, и от подчиненных. Только подчиненные для него не безликая масса, а люди, личности, каждый в силу своих возможностей и умения выполняющий обязанности солдата. Колосков не утверждает своего превосходства, не стремится к начальственной неприступности, но все единодушно признают его вожаком. Когда вражеская артиллерия обрушилась на его батарею град снарядов, он приказал всем бежать в укрытие и сам первый бросился к блиндажам. Позорно прятаться в укрытие командиру. Но Колосков побежал первым, подавая пример остальным, а они знали, «что в его отважном сердце не было позорного страха». Победа не любой ценой, а ценой как можно меньшего числа жертв. Это одно из следствий его морального принципа, в основе которого — любовь и преданность товарищам по оружию. Шуткой и беспечностью старается он снять с бойцов напряжение после боя, чтобы вернуть их в обыденное состояние, самое естественное для человека, по его мнению. А на войне это состояние возвращалось не только шуткой, но и водкой, на сей раз с позволения командира. Прав или не прав Колосков, дерзко отстаивающий свои действия и принципы перед генералом, — однозначно не ответишь. Беспринципно то, что в течение всех лет войны Колоскова «отмечали» не за храбрость и профессиональное ведение боя, а за подобные «дерзости». Ни орденов, ни повышений в чине. И при этом капитан ни разу не изменил своим моральным установкам.

Предваряя свои новеллы, автор устами своего соавтора и лирического героя Хведурели предупреждает: «Не вздумайте искать в моих рассказах картин, написанных кистью художника, — нет! Это фотографии, да еще отснятые фотографом-любителем». С уверенностью, от имени многих читателей и зрителей могу сказать, что ничто так не оказывает эмоционального воздействия, как документальный факт, запечатленный в литературе или кинолентах о войне. Не все рождаются храбрецами, не все приходили на фронт обученными военному делу. И верный фактам, Цицишвили создает безукоризненные в своей достоверности художественные образы стар-

шего лейтенанта Жирасова («Невеста, волки и я...») и рядового Фрадкина («Дамский парикмахер»).

Надменный, бравирующий военной удалью старший лейтенант Жирасов в первом же бою проявил непростительную для фронтовика трусость. У солдат это вызвало презрение. И когда весь бронепоезд узнал о «недуге» Жирасова, его решили отстранить от командования взводом и отправить в резерв. Такое отчисление равносильно позору и духовной гибели. А Жирасов незаменим как педагог и наставник солдат во время учения. Тонко и ненавязчиво, скрупулезно выстраивает автор цепь психологического перерождения Жирасова. Постепенно исчезает показная лихость и надменность. Великодушные солдат и командования заставляют его пересилить страх, точка отсчета которого, по-видимому, — первый бой. Уже позже, после неудачной женитьбы, Жирасов признался другу, какие трагические последствия принес ему первый вражеский обстрел. «Все война, браток, скольких ребят она сгубила! Одних жизни лишила, а других подточила на корню — как меня. Ты думаешь, я один такой? Если бы!». Жирасов не один, кому геройство далось нелегкой ценой. Ведь не цельнометаллические великаны, а обычные люди, наделенные человеческими слабостями, встали на защиту Родины. И сочувствие не умаляет уважения к ним. Напротив, усиливается ненависть к войне, безжалостно разрушающей человеческую природу.

Крутым замесом симпатии, юмора, граничащего с гротеском, «лепит» Цицишвили обаятельный образ самого невоенного человека Хайма Фрадкина. Образ, который по праву может занять достойное место в плеяде лучших литературных героев войны. Дамский парикмахер Фрадкин в пятьдесят лет добровольно ушел на фронт. Он не был рожден героем, но стал им, незаметно, неприметно, не утратив самобытности. Цицишвили нигде впрямую не говорит об интернациональной сплоченности нашей армии. Само собой разумеется, что она была решающим фактором победы.

Трудно, а порой и невозможно писать о тех людях, о которых более сорока лет назад поведала муза блокадного Ленинграда — Ольга Берггольц:

**О, наша месть — она еще в начале,
мы длинный счет врагам приберегли:
мы отомстим за все, о чем молчали,
за все, что скрыли от Большой Земли!**

Защитники Ленинграда, герои новелл Цицишвили, не знали еще тогда этих стихов. Но смысл их был известен каждому. И не было действенной приказа для них, чем взывающие к мести слезы и страдания непокоренного города. Бесстрастное физическое уничтожение противника — это лишь следствие мести. Истоки ее — в любви к родной стране, к родному очагу, в верности общественным идеалам, товарищам... Война не иссушила любви ко всему вечно прекрасному, что сопутствует человеку в мирной жизни («Пальма на севере»). Для южанина Хведурели эта пальма — импульс к воспоминаниям. Но и для солдат она не только повод обрадовать и утешить своего командира. Пальма — это символ прочного довоенного быта, разрушенного войной семейного уклада. И даже узнав, что пальма искусственная, бойцы ухаживают за ней, как за настоящей. И это поистине «нас возвышающий обман»!

На маленькой железнодорожной станции Пупышево Хведурели случайно попадает в усадьбу княгини Багратиони. «Со стен смотрели на меня святая Нина, просветительница Грузии, и царица Тамар». Это была встреча наяву с прошлым своего народа. И накануне боя, который может оказаться для него последним, Хведурели пытается узнать подробности о владельцах усадьбы, собирает все оставшиеся реликвии, чтобы сохранить их для будущего («Обрети, что ищешь!»). Смертоносный огонь вражеских бомбардировщиков разрушил и усадьбу, и вокзал. Под одним из обломков погибла любимая девушка, которой он не успел сказать о любви. Как завещание, как благословение на будущее, осталась ее фраза из записки — «Обрети, что ищешь!»

Природу человеческих страстей анализировать значительно сложнее, чем закономерность исторических событий, особенно если эта природа проявляется со всеми ее пиками и падениями в самых экстремальных обстоятельствах. Но будем называть вещи своими именами. Война — не просто экстремальные обстоятельства. Это антизакон, античеловечность, антиестественность. И даже она не в силах вытравить все, что присуще человеку. И если молодость поколения Георгия Цицишвили, ее будни выпали на «час ожидания атаки», то оно вправе сказать словами майора Хведурели: «...для любви не требуется какого-то особого, высвобожденного, что ли, времени и места — она всегда с нами, вернее, в нас. Любовь в нас точно так же, как мозг и сердце».

ЧТО греха таить — при малейшем сходстве двух художественных феноменов возникает соблазн вскрыть нечто более общее, внутренне объединяющее их. При этом, разумеется, надо устоять против соблазна искусственного уподобления.

«Семьдесят лет тому назад Д. С. Мережковский в известной своей книге «Л. Толстой и Достоевский» писал: «Если бы в литературе всех веков и народов пожелали мы найти художника наиболее противоположного Л. Н. Толстому, то нам пришлось бы указать на Достоевского». Толстой и Достоевский были для Мережковского и как художники, и как мыслители, и даже просто как люди в своем повседневном существовании во всем противоположны друг другу. Один из них, Достоевский, представлял собой, в понимании Мережковского, «тезис», а другой, Толстой, — «антитезис» русской культуры»¹.

В понятия «сходство» и «противоположность» при сравнении художественных феноменов довольно часто вкладывается разное со-

Вахтанг ГОГУАДЗЕ

СТАРЕЦ ЗОСИМА И ОТЕЦ СЕРГИЙ

¹ Г. Фридендер. Достоевский и мировая литература. М., «Художественная литература», 1979 г., стр. 158.

держание. Кстати, и противоположность в определенном смысле может послужить поводом для сопоставительного анализа. При этом сопоставляемые величины обязательно должны иметь точки соприкосновения, единую плоскость сравнения. И разве случайно то обстоятельство, что имена Толстого и Достоевского в сознании современного читателя ассоциативно связаны между собой?

В данной статье мы попытались дать типологическое сопоставление двух образов — старца Зосимы и отца Сергия, до сих пор, насколько нам известно, не встречавшееся в нашем литературоведении.

Сравнение целого произведения («Отец Сергий» Л. Толстого) с частью другого произведения («Братья Карамазовы» Ф. Достоевского), конечно, должно иметь свое оправдание. В данном случае оно обусловлено тем, что эти образы четко запечатлелись в сознании мирового читателя и по своей классической завершенности приобрели право как бы на самостоятельную художественную жизнь.

Философское сопоставление художественных образов отца Сергия и старца Зосимы представляется нам весьма важным для освещения такого кардинального вопроса, как отношение великих русских реалистов XIX века к проблеме сущности и назначения человека.

«Братья Карамазовы» были опубликованы в 1879-80 гг. Окончательный вариант «Отца Сергия» — в 1887 году. Здесь не может быть речи о взаимовлиянии. Сходство, родство данных образов свидетельствует о самом духе русской культуры, ее исторической реальности. Образы отца Сергия и старца Зосимы неповторимы, они представляют собой совершенно разные стилевые художественные феномены.

Обращение к духовной жизни, отречение от светского образа жизни — мотив известный в литературе XIX века. Но редко, когда в монашескую рясу облачались представители военной аристократии. В русской литературе, в искусстве жизнь военной аристократии нашла свое романтическое отражение. В закрытых учебных заведениях сыновья дворян обучались не только военному искусству, здесь они получали блестящее образование. Жизнь военных была увлекательна, исполнена романтических приключений.

Однако не следует идеализировать обстановку, в которой воспитывались будущие военные. Вот что пишет о ней Достоевский: в кадетском корпусе будущий старец Зосима (Зиновий) провел «почти восемь лет, и с новым воспитанием

многое заглушил из впечатлений детских, хотя и не забыл ничего. Взамен того принял столько новых привычек и даже мнений, что преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое. Лоск учтивости и светского обращения вместе с французским языком приобрел, а служивших там в корпусе солдат считали мы все как за совершенных скотов, и я тоже».

Военная деятельность и монастырское уединение — две крайности, какие только можно представить, и резкий переход от одной к другой действительно необычен. Эта экстраординарность, необычайность отличает образы старца Зосимы и отца Сергия от других литературных героев, принявших духовный сан. Монахами становятся люди, более всего далекие от духовной жизни! Правда, в корпусе они читают евангелие, но их жизненная практика и психология далеки от аскетизма. С одной стороны, бурная молодость, женщины, шампанское, с другой — старость при молодости. И этот переход из одной крайности в другую позволяет заглянуть в душу человека, узнать пределы его страстей и возможностей. А может быть, это искусная игра возможного с невозможным... То, что отличает этих двоих от остальных — уподобляет их друг другу.

С самого же начала в биографиях Касатского и Зиновия прослеживаются сходные моменты. Оба в детстве лишились отцов, их воспитывали матери. Социальная жизнь наших героев начинается так:

«Как ни жаль было матери отдавать сына из дома, она не решилась не исполнить воли покойного мужа, который в случае своей смерти завещал не держать сына дома, а отдать в корпус, и отдала в корпус. Сама же вдова с дочерью Варварой переехала в Петербург, чтобы жить там же, где он, и брать его на праздники» («Отец Сергей»).

«Остались мы тогда одни с матушкой. Посоветовали ей скоро добрые знакомые, что вот, дескать, остался всего один у вас сынок, и не бедные вы, капитал имеете, так по примеру прочих почему бы сына вашего не отправить вам в Петербург, а оставшись здесь, знатной, может быть, участи его лишите. И надумили матушку меня в Петербург в кадетский корпус свезти, чтобы в императорскую гвардию потом поступить. Матушка долго колебалась: как это с последним сыном расстаться, но однако решилась, хотя и не без многих слез...» («Братья Карамазовы»).

Еще больше сходства — в описании монастырской жизни. Картины церковного быта нашли достойное отражение в

русской художественной литературе, однако здесь речь идет о старчестве, притом в плане исторического обозрения этого духовного сана.

Что такое старчество, кто такие старцы? Этот вопрос в литературе (за исключением церковной литературы или специальных исторических очерков) фактически впервые ставится и рассматривается в упомянутых произведениях. Достоевский в «Братьях Карамазовых» предлагает целый трактат на эту тему, Толстой в «Отце Сергии» говорит об этом более коротко.

Давая изображение иконописных образов старца Зосимы и отца Сергия, писатели, естественно, в первую очередь обращались к житиям святых отцов. Это еще раз свидетельствует об их глубоком знании великой культуры России, глубочайшем интеллекте и научности мышления. Поэтому слова Ф. Достоевского о его некомпетентности в вопросах старчества следует объяснить его великой скромностью: «...надо бы здесь сказать несколько слов и о том, что такое вообще «старцы» в наших монастырях, и вот жаль, что чувствую себя на этой дороге не довольно компетентным и твердым. Попробую, однако, сообщить малыми словами и в поверхностном изложении»...

Сопоставив сведения, которые предлагаются о старчестве в «Отце Сергии» и в «Братьях Карамазовых», мы склонны думать, что одним из возможных источников для обоих писателей послужило «Сказание о жизни и подвигах блаженные памяти старцев Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария» (М., 1861), рассказывающее об одном из прославленных подвижниках Михаиле Николаевиче Иванове, отце Макарии.

«Отец Сергий»: «Игумен монастыря был дворянин, ученый писатель и старец, то есть принадлежал к той преемственности, ведущейся из Валахии, монахов, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игумен был ученик известного старца Амвросия, ученика Макария, ученика старца Леонида, ученика Паисия Величковского. Этому игумену подчинился, как своему старцу, Касатский».

«Братья Карамазовы»: «...Утверждают, что старцы и старчество появилось у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно, даже нет и ста лет, тогда как на Афоне существуют далеко за тысячу лет. Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие или непременно должно было существовать... Возрождено же оно у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и ученика-

ми его, но и доселе, даже через сто почти лет, подвергалось почти что гонениям, как неслыханное по России новшество».

Для сравнения приведем строки из «Сказания...»: «...после упразднения многих малых монастырей и пустынь, вследствие учреждений о духовных штатах 1764 года, многие из иноков и мирян, отрекшихся, ради спасения душевного мира и яже в мир, странствуя в Палестине, Афонской горе и Молдовлахийских княжествах, и собирая, подобно пчелам с цветов, мед спасительных учений от обитавших в тамошних местах подвижников, находим особенно в обители великого старца Паисия, настоятеля Молдовлахийского Немецкого монастыря (нашего соотечественника по своему происхождению), величайшую душевную пользу, научаясь примером высокой его жизни и методичными его наставлениями подвигам монашеским и внутреннему делению. Старец Паисий скончался 15 ноября 1794 года, на 72 году от рождения. Его ученики (и бывшие с ним в духовном общении русские иноки), одни еще при жизни старца, вследствие благоприятных для возвращения на родину политических обстоятельств, а другие, по кончине своего духовного наставника и отца, лишась с ним своей вещественной и нравственной опоры, — одновременно возвратились в отечество, поселились в русских иноческих обителях, передавали независтно приобретенное ими духовное сокровище...»

Отец Сергей не был старцем. Но иногда народ называет его так. Оба старца прославились на всю Русь. Они исцеляют больных. К ним «со всей России» стекается народ («Братья Карамазовы»). Здесь не только портретное сходство, но и ситуационное. Они исцеляют молитвой, внушением, без религиозного надрыва.

«Отец Сергей имел вид старца, борода у него была длинная и седая». «Старец Зосима был лет шестидесяти пяти». «Старец среднего роста, весь седой...» (Сказание...) Умудренные, изнуренные строгой и праведной жизнью старцы окружены любовью. От них ждут чудес. Картины благословения в обоих произведениях как бы повторяют друг друга.

«Отец Сергей служил всю ночь в своей пещерной церкви. Народу было столько, сколько могло поместиться, человек двадцать... Толпа народа, человек в восемьдесят странников, в особенности баб, толпилась наружи, ожидая выхода отца Сергия и его благословения».

Одна из глав «Братьев Карамазовых» так и называется: «Верующие бабы». «Внизу у деревянной галерейки, приде-

ланной к наружной стене ограды, толпились на этот раз всё женщины, баб около двадцати».

«Там по скитской дорожке, у ворот в гостинных кельях, ожидали его нередко целые сотни народа всех сословий, обоих полов и возрастов из разных городов и селений...» («Сказание...»)

Старцы выходят к народу почти иссохшими. «Отец Сергей служил и, когда он вышел, славя... к гробу своего предшественника, он пошатнулся и упал бы, если бы стоявший за ним купец и за ним монах, служивший за дьякона, не подхватили его».

— Что с вами? Батюшка! Старец Сергей!..»

Почти так же изнурен и старец Зосима: «Знаем, что старец почти уже не может вовсе никого принимать, и настоятельно умоляя, просили еще раз «счастья узреть великого исцелителя».

«При всей своей немощи, он никогда не оставлял келейного правила и церкви» («Сказание...»)

«Отец Сергей»: «Слава про отца Сергия, как всегда, преувеличивая его подвиги, шла все дальше и дальше. Стали стекаться к нему издалека и стали приводить к нему болящих, утверждая, что он исцеляет их».

«Братья Карамазовы»: монастырь отца Зосимы «...прославился на всю Россию именно из-за старцев, чтобы видеть и послушать которых стекались к ним богомольцы толпами со всей России из-за тысяч верст».

«И рассказы об исцелениях, истекавших от сего простого действия, не малочисленны» («Сказание...»).

Чертами характера, темпераментом Касатский и Зиновий как-то еще походят друг на друга. А вот психология отца Сергия и отца Зосимы совершенно различна. Их можно противопоставить друг другу. Толстой знакомит нас не только с дарованием Касатского, а «...с тем недостатком неудержимой вспыльчивости, которая на службе вовлекла его в дурные и вредные для успеха поступки». Старец Зосима рассказывает о своей вспыльчивости: «Я изо всех товарищей был на все восприимчивее... пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились. Не скажу чтобы были скверные; все эти молодые люди были хорошие, да вели-то себя скверно, а пуще всех я».

Согласно традициям агиографической литературы, аскет всегда побеждает внутреннее зло — плотские вожделения. Дьявол — это не нечто внешнее, независимое от субъекта, а

его внутренне-драматическая сущность. Молитва и неустанное бдение изгоняют дьявола, только чистая душа независима от него — так решает проблему церковная литература. С совершенно другой позиции рассматривает человека светская литература. Критический прозорливый взор художника проникает в потаенные уголки человеческой души. Художник — реалист ищет правду — может ли человек преодолеть свою природу, может ли душа обрести полную самостоятельность... В художественной литературе аскетизм можно считать философско-экспериментальной проблемой. Почти всегда человек оказывается неспособным снять с себя телесные оковы, как правило, аскеты кончают свою жизнь трагически, напутствуемые загадочной улыбкой автора, его ироническими рассуждениями о тщете человеческих устремлений. Именно так можно осмыслить картину всей жизни отца Сергия. Совершенно иная трактовка образа старца у Достоевского. Во всей мировой литературе, наверно, трудно найти другое такое произведение, которое так верно следовало бы принципам церковной литературы в этом вопросе. Старец Зосима — иконописный образ, несмотря на довольно вольное его отношение к жизни. Он умирает во всем величии и спокойствии, но без трагизма и драматизма. В «Отце Сергии» выявлена трагичность жизни аскета. Автор этого произведения — верующий христианин. Однако жизнеописание отца Сергия не отвечает церковным канонам. А «Братья Карамазовы», в целом, можно представить как двухплановое произведение, в котором сочетаются изображение церковной и светской жизни, агиографический и светский изящный стиль. Поэтому образ Зосимы, столь напоминающий исторические церковные лица, сравним с ними как однотипное явление. Однако иконописный его характер исключает ту статичность, которая вкладывается в это понятие. Говорят (и не без оснований) даже о пластичности образа Зосимы.

Небезынтересно отметить некоторые сходные детали образа Зосимы с образом старца Макария. Национальный характер каждого народа, его признаки, психологические черты раскрываются в культуре. Это относится и к таким чертам русского характера, как благородство, снисходительность, терпимость к грешникам. Разумеется, нравственно-психологические критерии, человеческие отношения в истории духовной жизни во многом сформированы христианской верой. Но писатель в образе старца изображает именно русское сердце в страдании и сострадании. Здесь еще раз вспоминаются слова Ф. Энгель-

са о том, что религия обожествила земное, превратив его в неземное. Народная, земная, русская психология в процессе синтеза с религиозной нравственностью сохранила свою историко-антропологическую самобытность. Поэтому здесь человечность ощущается не как привнесенная евангельская схема, она исходит из реальной человеческой психологии — в данном случае психологии старца Зосимы. В его образе читатель созерцает не отвлеченный, книжный характер, а человека, который со всей непосредственностью воспринимает мир. Заповеди Христа в нем не опосредованы церковными догматами — они изначально присущи его натуре, у него нет нужды задумываться, что скажет по такому-то поводу церковь, поэтому и нет в нем внутреннего разногласия, внутреннего драматизма; с позиции писателя он сам — своего рода церковь, куда приезжают и приходят «из-за тысяч верст». Частые указания на нравственно-психологические моменты нужно понимать не как индивидуально-личностную характеристику, а как выявление свойств, присущих русской душе. Известно, что русское церковное искусство никогда не отличалось крайней религиозностью и инквизиционной ревностью по отношению к человеку.

В русской агиографической литературе без стеснения показывается человеческая слабость и то, как подвижники любовно оберегают грешников от дьявола. Старец Макарий «с таким смирением и любовью говорил, что умилительно было на его лицо смотреть, и слова его касались многих сердец, а особенно кто приходил с верою. Также немало соблезновал он о раскольниках, многих молил и уговаривал, чтобы оставили свое заблуждение» («Сказание...»).

«Алешу необыкновенно поражало и то, что старец был вовсе не строг; напротив, был всегда почти весел в обхождении. Монахи про него говорили, что он именно привязывается душой к тому, кто грешнее, и кто более грешен, того он всех более возлюбит» («Братья Карамазовы»).

Отцовская любовь показана в своем человеческом великолепии: сын от природы, сын от бога — вот такая скрытая теза и антитеза прослеживается в драматической структуре романа Достоевского: с одной стороны, отношения Федора Павловича со своими сыновьями, с другой — отношения старца со своим учеником, с духовным сыном Алешей. «Алеша жил в самой келье старца, который очень полюбил его и допустил к себе». «С Алешей был приятелем». Так же любит старец отца Макария: «...А между тем любвеобильный старец

не только отечески глубоко любил, но и сердечно уважал о. Макария, как своего духовного друга и сотайника» («Сказание...»).

О старчестве, о власти — человеческой и божественной — над человеком много спорили и сами церковные мыслители. Старец не только учитель, духовный отец, но и чуть ли не идол. Такой особый вид власти над послушником с точки зрения ортодоксальной веры стал спорным, видимо, из-за своей человечности. О безграничном человеческом праве учителя на своего послушника говорится и в церковной литературе, и у Достоевского. Писатель рассказывает прекрасную легенду: послушник ушел по своей воле от учителя, совершил чудеса, стал святым, наконец принял и мученическую смерть за веру. Когда его хоронили, «...гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был низвергнут из храма, и так до трех раз. И, наконец, лишь узнали, что этот святой страстотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже несмотря на свои великие подвиги. Старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою».

Того же мнения и церковная литература: «...послушнику нет иного падения, как отдавшись в послушание старцу, творить свою волю» («Сказание...»).

Сравнивая образ старца Зосимы с образом старца Макария, мы опирались на принцип сходства. Более сложные отношения выявляются при сопоставлении образа отца Сергия со старцем Зосимой. Здесь при наличии оговоренного формального сходства гораздо больший интерес вызывает их противоположность.

Как отмечалось, сходство некоторых ситуаций и характерных черт двух образов обусловлено не какими-либо заимствованиями из художественных приемов, а объективными причинами, подсказанными исторической действительностью и тематически общими интересами. Несмотря на определенное родство между Касатским (отцом Сергием) и Зиновием (старцем Зосимой) по психологическим чертам, эти образы, на наш взгляд, можно рассматривать и как резко противоположные. Это не парадокс, а логика диалектики — единство противоположностей. Различие характеров — это уже дело рук гениев, их глубокого своеобразия и творческой самобытности. Но мы говорим о различии, о противопоставлении, главным образом, отца Сергия и старца Зосимы.

Эволюция от Касатского — к отцу Сергию представляет

собой глубоко философский эксперимент, открывающий непостижимые бездны человеческой души, психики, соотношения природного и духовного. Отец Сергей — рефлексивный характер, на каждом шагу проверяющий свою духовную истинность. Его внутренний драматизм, трагизм — в том, что он не знает внутреннего примирения. Он начинает и заканчивает свою деятельность борьбой — ему неведомы смирение и тот блаженный покой, которые необходимы для единения с богом. Бог у отца Сергея пребывает в разуме, а сердце остается неукротимым. Трагическая раздвоенность, сомнение грызут его, он не находит духовного пристанища (какое-то смирение достигается лишь после падения, когда мы видим его в лохмотьях нищего):

«Боже мой! Боже мой! — думал он, — за что не даешь ты мне веры. Да, похоть, да с нею боролись святой Антоний и другие, но вера? Они имели ее, а у меня вот минуты, часы, дни, когда нет ее. Зачем весь мир, вся прелесть его, если он греховен и надо отречься от него? Зачем ты сделал этот соблазн? Соблазн? Но не соблазн ли то, что я хочу уйти от радостей мира и что-то готовлю там, где ничего нет. Может быть, — сказал он себе и ужаснулся, омерзился на самого себя. — Гадина! Гадина! Хочешь быть святым», — начал он бранить себя. И стал на молитву...»

А старцу Зосиме неведом этот внутренний драматизм. Старец чувствует себя в боге, в нем самом бог. Здесь показана любовь к богу, а не борьба за любовь, как у отца Сергея.

«Отец Сергей» поднимает глубоко философскую проблему бесконечности духовной субстанциональности, неизведанности, неисчерпаемости человеческой природы.

Отец Сергей — это плод разума. Старец Зосима — герой сердца и любви.

Старец Зосима, Алеша — добрые до глубины, благородные русские интеллигенты, — на наш взгляд, действительно безупречные характеры. Идеализировать их на уровне идеального героя в современном понимании, разумеется, нельзя. Однако старец — это нравственная чистота и добро. Дело в том, что в самовыражении, самоопределении своей высокой нравственности старец исходит из того, что это дар и обязанность, данные ему от бога.

ПОЯВЛЕНИЕ сонета в грузинской поэзии связывают с именем известного писателя и общественно-го деятеля Георгия Эристави. После раскрытия заговора 1832 года Георгий Эристави был выслан в город Вильно, где изучил польский язык и перевел на грузинский язык шесть сонетов А. Мицкевича. Пять из них относятся к циклу «Крымские сонеты», а один — к «Любовным сонетам». Достоинства и недостатки перевода Г. Эристави должным образом оценены грузинской литературной критикой (исследования Г. Абашидзе, Л. Барнавели, Г. Микадзе).

В течение второй половины XIX века в грузинской периодической печати время от времени появляются переводные сонеты. В 1881 году в журнале «Имеди» № 9-10, с. 59 в переводе Антона Пурцеладзе публикуется стихотворение, которое переводчик называет «Сонетом», а в 1897 году в журнале «Мицкеси» печатается вольный перевод одного из сонетов Уильяма Шекспира, принадлежащий Шалве Дадиани. Таким образом, сонет в грузинской поэзии XIX века — явление еще новое и необычное, поэтому в статьях исследователей того времени нет никаких суждений о нем. Впрочем, следует отметить также, что

Тамара БАРБАКАДЗЕ

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОНЕТА В ГРУЗИИ

термин «сонет» впервые появляется в грузинской литературной критике около 170 лет назад. Он встречается в учебнике поэтики А. Никольской (1755—1834 гг.), перевод которого на грузинский язык был выполнен не ранее 1816 года. Личность переводчика не установлена¹.

Термиц «сонет» в книге упоминается без каких-либо пояснений по поводу специфических признаков и особенностей этой формы. Перечисляя виды лирической поэзии в газете «Театри» за 1886 год, Ив. Кавтели также называет сонет.

Оригинальные грузинские сонеты появляются в 10-х годах XX столетия; постепенно эта форма стиха получает распространение и становится одной из излюбленных в творчестве представителей грузинского символизма — «голубороговцев».

Грузинская литературная критика 10—20-х годов XX века, в особенности периодическая печать, содержит обильный материал о становлении сонета в национальной поэзии.

В декабре 1918 года на страницах газет «Сакартвело» и «Сахалхо сакме» разгорелась дискуссия по целому ряду интересных вопросов, связанных с сонетом: кто ввел сонет в грузинскую поэзию? Какое стихотворение можно назвать сонетом? Какими должны быть метр и рифма грузинского сонета? Допустимо ли изменение специфических черт сонета?

Поводом для полемики послужило высказанное в монографии «Саят-Нова» (1918 г.) мнение И. Гришашвили о том, что классический сонет, навеянный сонетами Петрарки, ввел в грузинскую поэзию в 1909 году Котэ Макашвили.

На страницах газеты «Сакартвело» обсуждались сонеты С. Шаншишвили, К. Макашвили, М. Гобечия, И. Гришашвили: их содержание, форма, рифма, метр, строфика... В заключение отмечалось, что написанные до «голубороговцев» сонеты — это не канонические сонеты, что в них нарушена обязательная для этой устойчивой формы гармония².

Т. Табидзе не считал, что надо обязательно отдавать предпочтение каноническому, правильному сонету: «Правильные сонеты ведь целыми столетиями писали в Италии и Франции, и что было в них стоящего подражания?! У меня самого были и собственные, и переводные «неправильные» сонеты. По словам Иннокентия Анненского и Андрея Белого, по-

¹ Г. Микадзе. О грузинском сонете. В кн.: Очерки по истории грузинской поэтики. Тбилиси, 1974, с. 124 (на груз. яз.).

² Газ. «Сакартвело», 1918, № 214, с. 3 (на груз. яз.).

эт не должен бояться исправления прежних ошибок, и я с нежностью вспоминаю свои юношеские заблуждения».

Знаменательно, что в 10—20-х годах XX века процесс обновления национальной поэзии анализировали сами поэты, которые отмечали изменения, происходившие при разработке новых форм и тем.

Как мы уже отмечали, одним из вопросов, вокруг которого в 10-х годах нынешнего столетия разгорелась полемика, был вопрос, существовал ли в то время в грузинской поэзии совершенный сонет, написанный с соблюдением классических канонов. И. Гришашвили отвечал на него отрицательно.

Противники этого мнения утверждали, что в грузинской поэзии уже были созданы блистательные образцы классического сонета, авторами которых являлись «голубороговцы».

Перу Паоло Яшвили принадлежит написанный в 1915 году «Сонет к Элли»:

Мое чувство в сонете к тебе посылаю я, Элли,
И деревню, где встретил впервые тебя, вспоминаю,
Веселилась долина, цветы в ней, как звезды, горели,
И была ты нежна, словно лань иль голубка лесная.

Полюбил я тебя... и люблю... и любить не устану,
О тебе я мечтаю, тебя прославляю сонетом.
Мне нужна твоя близость, аромат твой, до боли желанный,
Мне, ровеснику солнца, твоим озаренному светом.

Расцветают цветы, и цветами сады веселятся,
Наступает тот день, когда можно с тобой повстречаться,
Только мая хочу я, живу лишь для светлого мая.

Пусть любовью и радостью дышат деревья и люди,
И душа моя с ними всегда нераздельною будет,
Раз надежда сулит, что когда-нибудь встречу тебя я.

Совершенство сонета обусловлено не только формальными признаками, оно достигается также за счет поразительной отточенности развития сюжетной линии.

Как мы видим, еще задолго до полемики по поводу сонета в грузинской поэзии уже были канонические сонеты. Некоторые из них посвящались классической для сонета теме:

выражению веры в светлые идеалы, чувства божественного восторга, благоговения перед любимой, как в вышеприведенном сонете Паоло Яшвили. С другой стороны, грузинским символистам удалось выразить в форме сонета и новое содержание — показать разрыв между мечтой и бытием, душевный трагизм личности. Для выражения неизвестных ранее грузинской поэзии мотивов «голубороговцы» искусно прибегали к форме классического, канонического сонета, а нередко и нарушали эту устойчивую форму стиха, использовали ее неканонический вид, и притом небезуспешно.

«Ни в одной поэзии нет столько разновидностей сонета, как в нашей поэзии», — писал В. Гаприндашвили. Исследователь Гиви Микадзе классифицировал эти видоизмененные сонеты, выделив 15 видов неканонических сонетов (опрокинутый, хромой, половинчатый, с начальной рифмой, с общей рифмой, без рифмы, сонет, вышедший из берегов, сонет в прозе и др.)³. Отклонения, как мы видим, касаются рифмы, метра, строфики.

Грузинские символисты осмыслили сонет как универсальную форму поэтического творчества, как маску для прикрития мнимой упорядоченности жизни. Лучшим средством для показа определяемого жизнью трагического единства бодлеровских «сплина» и «идеала», их взаимоотношения и взаимобусловленности оказался видоизмененный сонет, в котором блестяще выразились относительность гармонии и необходимость дисгармонии. Теоретический взгляд символистов на уродливую, хаотичную основу «дионисова начала» мира нашел выражение в неканонических сонетах с распадом формы, в настойчивых творческих поисках в этой области. Если в классическом сонете неосознанное нарушение канонических правил отрицательно сказывалось на его содержании, то в символистской поэзии умышленно видоизмененные сонеты значительно расширили потенциальные возможности этой устойчивой формы.

Предметом споров для современных грузинских исследователей сонета послужил написанный в 1921 году «Сонет в прозе» Сандро Цирекидзе. Гиви Микадзе считает его разновидностью сонета. А по мнению Акакия Хинтибидзе, это — авторский эксперимент, который неправомерно включать в основную группу видоизмененных сонетов. Молодой исследова-

³ Г. Микадзе. О грузинском сонете. В кн.: Очерки по истории грузинской поэтики, Тбилиси, 1974 (на груз. языке).

тель Тинано Тевзадзе по-своему подытоживает начатую в 1963 году полемику по этому вопросу: «Произведение Сандро Цирекидзе «Сонет в прозе», написанное в форме сонета, отвечает требованиям, предъявляемым к традиционному сонету, как с точки зрения сюжетной, так и композиционной, а Сандро Цирекидзе выступает в качестве создателя одной из новых разновидностей сонета».

Предметом особого внимания авторов полемических статей, написанных о сонете в 10-х годах XX века, являлся метр сонета — каким он должен быть: 10-сложным, как это было на первом этапе проникновения сонета в грузинскую поэзию (сонеты М. Гобечия, И. Гришашвили, Г. Табидзе, Р. Гветадзе), или же 14-сложным, который в конечном счете и утвердился как единственный размер грузинского сонета.

И. Гришашвили считал, что 10-сложный размер для грузинского сонета столь же приемлем, как и 14-сложный, другие же отдавали предпочтение последнему, ибо «он создает в грузинском медленный и тяжелый ритм, что так характерно для сонета (ему должна быть присуща чеканность металла)». В конце концов в грузинской поэзии возобладал 14-сложный размер сонета, встречаются лишь единичные, написанные иным метром (10-сложным размером написаны «Сонет певца» Т. Табидзе; «У оперного театра» Г. Табидзе и др.). В 1920 году в журнале «Швилдосани» был напечатан «Сонет, вышедший из берегов» («Лонда-амазонка»). Нарушая равенство слогов, автор создает новую разновидность сонета.

Впоследствии в грузинском литературоведении требование «голубороговцев» утвердить в сонете исключительно 14-сложный размер было подвергнуто критике. «Символисты выдвинули на передний план 14- и 10-сложные стихи. Особенно участились первые. В спорах, разгоревшихся вокруг классического сонета, в вихре триолетов и рондо традиционный богатый шаири был предан забвению.

Сложился своего рода стандарт, и стали утверждать, будто сонетной форме соответствует лишь 14-сложный стих.

Модернисты, разумеется, внесли в грузинское стихосложение много нового, но, пытаясь насаждать метрико-ритмические стандарты, они тем самым способствовали метрическому (и ритмическому) обеднению грузинского стиха»⁴.

⁴ Гр. А б а ш и д з е. По поводу шаири. — журн. «Чвени таоба» («Наше поколение»), 1937, № 28, с. 56 (на груз. яз.).

Подобный упрек по поводу выбора метра сонета представляется несправедливым, ибо сонет — это устойчивая, каноническая форма лирической поэзии, безусловно требовавшая установления определенного стихотворного размера. Именно этим и диктовалось соблюдение грузинскими поэтами того времени особого метрического строя. После долгих споров «выбор остановили на 14-сложном логаядическом триметре, --5/4/5, т. е. на «мциребесикури» (или на стихе Мустазади). 14 строк во всем произведении и 14 слогов в каждом стихе. Вот такой вид принял сонет в грузинской литературе»⁵.

Значительное место в структуре сонета занимает рифма, тоже ставшая предметом споров.

В своей монографии «Саят-Нова» И. Гришашвили отмечал: «В последнее время у русских поэтов наблюдается т. н. «игра в рифмы» сонета, т. е. только смена рифм. Эта «смена» выражается в том, что восемь строк первой половины сонета выстроены не с помощью четырех видов рифм, как это было встарь, — а с двумя видами рифм».

Автор статьи, помещенной в газете «Сакартвело» (1918, № 221), полемизируя с И. Гришашвили, утверждает, что первая часть сонета никогда не строилась с помощью четырех рифм и что русский перевод знаменитого сонета Г. Гейне, выполненный П. Вейнбергом, в этом отношении не верен и опираться на него нельзя.

Грузинский сонет в дальнейшем следовал классической схеме рифмовки.

Как показывают наблюдения над сонетами грузинских поэтов, в них нет чередования женских и мужских рифм, что является одним из обязательных требований классического сонета. Это, вероятно, происходит потому, что для грузинского стихосложения вообще малохарактерна мужская, односложная рифма. Чаще чередуются двух- и трехсложные рифмы. В газете «Сакартвело» читаем: «В сонете нет согласования мужских и женских рифм. Согласование женских и мужских рифм в звучании грузинских стихов пока еще проблематично, и отсутствие последних отнюдь не умаляет достоинства грузинского стиха: в итальянской поэзии, например, встречаются только женские рифмы».

⁵ С. Горгадзе. Грузинский стих. — Тбилиси, 1930, с. 119 (на груз. яз.).

В «Глухом сонете» В. Гаприндашвили полностью игнорирует рифму. Нарушение установленных правил построения сонета, отрицание «закона звучности» и подобноевольное обращение с рифмой были, конечно, не случайностью. В. Гаприндашвили стремится специфическое содержание «Глухого сонета» облечь в новую, своеобразную форму. Рифму же сознательно, намеренно отвергает, за что даже приносит извинение: «О тень Готье, прости мне эту смелость», — обращается он к известному теоретику и рьяному приверженцу французского канонического сонета Теофилю Готье.

В сонете, согласно каноническим правилам, слово повторить нельзя. И в самом деле, в сонетах «голубороговцев» повторы слов редки, а если порой все-таки встречаются, то на них возложена определенная функция (например, с целью создания какого-либо настроения).

«Сонет — это чаще всего ода, преимущественно обращенная взорами в прошлое. Сонет, как и ода, редко касается будничного, предметом его является нечто особенное: любовь, революция, история с ее героями», — писал В. Гаприндашвили. Ту же мысль развивает исследователь М. Киквадзе, рассматривая специфические признаки классического сонета. По его мнению, главное действующее лицо сонета, основной персонаж обязательно должен быть человеком большой души, светлого ума.

Таким образом, в ходе споров, развернувшихся вокруг сонета, исследователи изучают его, анализируют правила, соблюдение которых считалось необходимым при создании этой устойчивой поэтической формы, принимая во внимание природу родного, национального стихосложения.

Некоторые из видоизменений сонета, освоенные грузинской поэзией, наблюдаем и у современных поэтов. В этом смысле заслуживает внимания опрокинутый сонет Иосифа Нонешвили «Шах-Аббас». А вообще сонет, с точки зрения современного литературоведения, представляет собой пройденный этап в развитии лирического стиха. То же самое и в грузинской поэзии: разве что кое-где промелькнет сонет, притом скорее из почтения к самой поэтической форме, чем по велению внутренней потребности художника (впрочем, и сегодня не так уж редко в грузинской поэзии встречаются совершенные по форме «венки сонетов». В качестве примера можно привести «Венок сонетов, принесенный на могилу Неизвестного солдата» Анзора Салуквадзе, а также «Венок сонетов моему потомку» Отара Челидзе.

Перевод поэтических шедевров зарубежных сонетистов имеет в Грузии свои традиции. Фактически, как уже отмечалось, сонет к нам впервые проник посредством перевода. Позднее, в 1936 году, на грузинском языке вышел сборник сонетов Хосе Мариа де Эредиа «Трофеи», переведенный поэтом Микелом Патаридзе.

Современный грузинский писатель и переводчик Тамаз Чхенкели отмечает: «Книги имеют свои судьбы», — гласит латинская пословица. Необычная судьба объединяет порой их авторов. «Трофеи» — единственный поэтический сборник Х. М. Эредиа, и примечательно, что переводчик этой книги на русский язык Олерон всю свою жизнь посвятил работе над переводом «Трофеев». То же самое можно сказать и о Микеле Патаридзе. Несмотря на то, что его перу принадлежат значительные переводы из Есенина, Маяковского, Рембо и немало собственных прекрасных стихов, венцом его поэтического творчества следует признать грузинский перевод «Трофеев» Эредиа».

Зазвучали на грузинском языке также сонеты Шекспира благодаря превосходным переводам Гиви Гаччиладзе и Реваза Табукашвили. А поэт Григол Абашидзе воссоздал на грузинском языке сборник сонетов Ронсара. Совсем недавно вышел в свет перевод «Кровавых сонетов» словацкого писателя Гвездослава, выполненный Морисом Поцхишвили.

Как видим, интерес к утвердившейся в начале нашего столетия устойчивой стихотворной форме — сонету — не угасает.

Грузинская тема в творчестве Карло Гольдони

ИСТОРИЯ итальянского театра не знает более великого имени, чем Карло Гольдони. Его перу принадлежит около трехсот пьес. Гольдони знает и любит вся Европа. Высокую оценку его произведениям давали Метастазιο, Лессинг, Гете, Гоголь, Островский, поклонником его таланта был Вольтер. Об огромной популярности Гольдони говорит хотя бы тот факт, что при жизни писателя помимо многочисленных изданий отдельных его пьес двадцать три раза вышел сборник его комедий. Во Франции Гольдони называли «итальянским Мольером».

По происхождению Карло Гольдони (1707-1793) принадлежал к третьему сословию — отец его был врачом, мать — бывшей актрисой. Первой его игрушкой был детский кукольный театр, а любимым чтивом — пьесы. Еще ребенком он присутствовал на спектаклях в доме своего деда. В одиннадцать лет написал свою первую пьесу, в двенадцать — сыграл роль женщины в пьесе Джироламо Джили «Дон Пилоне». Несмотря на сильное увлечение Гольдони театром, по настоянию отца он получил юридическое образование. В 1731 году Гольдони был зачислен в Венецианскую адвокатскую коллегия. Впоследствии он очень гордился своей профессией и свои пьесы подписывал: «Венецианский адвокат». У молодого юриста было мало клиентов и достаточно времени для занятий драматургией. Он ознакомился с историей английского, французского, испанского театров, но не нашел истории итальянского театра. По поводу этого Гольдони позже писал в своих «Мемуарах»: «Я понял, что чего-то большого, существенного недоставало моей родине. Мне очень захотелось, чтобы моя родина в драма-

тургии поднялась до уровня этих стран, и я дал себе слово способствовать этому...»¹.

И действительно, всю свою жизнь Гольдони посвятил реформе театра, блестяще выполнив эту историческую миссию.

В Париже, где Гольдони провел последние годы своей жизни, он написал трагикомедию «Прекрасная грузинка». Впервые она была издана в Венеции в 1792 году, а через год вошла в 31-й том пьес Гольдони.

Один экземпляр этой пьесы хранится как раритет в Государственной республиканской библиотеке им. К. Маркса. Это пьеса в пяти действиях, написана белым стихом. Впоследствии она не раз печаталась и в XIX, и в XX веках, есть и иллюстрированное издание.

Трагикомедия «Прекрасная грузинка» почему-то не упомянута Гольдони в его «Мемуарах». Из восточных пьес он упоминает только «Персидскую невесту».

Действие в «Прекрасной грузинке» происходит в самый мрачный период истории Грузии, когда страна была раздираема феодальными распряями, войнами. Фабула произведения не отображает реальной действительности, она целиком — плод фантазии писателя. Драматургу нужен был материал для интриги, на которой он строил бы пьесу, с этой целью он обратился к грузинскому материалу.

Естественно, у читателя может возникнуть вопрос: откуда мог знать Гольдони о происходивших в Грузии событиях, где мог почерпнуть материал о нашей стране?

Известно, что итальянцы раньше других европейцев заинтересовались Грузией. Интерес этот, с одной стороны, был вызван поисками торговых путей с Востоком, а с другой — желанием Рима распространить влияние католической церкви на восточные христианские страны. В этот период уже были известны сочинения путешественников-европейцев — Марко Поло, Контарина, Пьетро делла Валле. И Гольдони, разумеется, в первую очередь обратился к сочинениям своих соотечественников, например, того же Пьетро делла Валле. Тем более, что в этот период европейцы с большим интересом знакомились с занимательными описаниями восточных стран, данными Пьетро делла Валле.

В Риме была напечатана его реляция о Грузии, обращенная к его святейшему папе Урбану VIII. Повидавший множество чуже-

¹ Мемуары Карло Гольдони, содержащие историю его жизни и театра. Перевод, введение и примечания С. С. Мокульского, 1933, Москва, т. I, с. 78.

земных стран, итальянский путешественник с особой любовью и теплотой пишет о грузинах и Грузии, которую он хоть и не видел сам, но по рассказам высланных в Иран грузин узнал и полюбил.

В обращенной к папе реляции Пьетро делла Валле отмечал, что самые злейшие враги христианства — османы и персы — не раз терпели поражение от грузин, кои достойны посему всяческого содействия со стороны его святейшества.

В Грузии долгое время жили и работали итальянские миссионеры: Кристофоро Кастелли, Джудиче Миланезе, Арканджело Ламберти, Джозеф-Мария Дзампи, Пьетро Авитабиле, Джусто Прато, Джакомо ди Стефано и другие. Они слали многочисленные реляции в Св. Конгрегацию пропаганды Фиде, подробно описывая положение Грузии в тот период. Часто именно через посредство этих миссионеров осуществлялись дипломатические связи и переписка с монархами европейских стран и римским папой.

Интерес для Гольдони, очевидно, представляла и книга известного итальянского историка Бартоломео Ферро «История театинских миссионеров», которая была напечатана в Риме в 1704 году. И если прибавить к этому источники, на которые ссылается Гольдони в своих «Мемуарах», станет ясно, какой обильный материал о Востоке мог быть у автора «Прекрасной грузинки».

В своих «Мемуарах» Карло Гольдони отмечает, что с материалами по Востоку, с обычаями, привычками живущих там людей он ознакомился по книге английского путешественника Томаса Сальмона «Новая история, или нынешнее положение народов». Книга эта появилась в Италии уже в 1736-38 годах. Примечательно, что в английское издание не была внесена та глава книги, которая касалась Грузии — по сочинению Жана Шардена. В итальянское же издание эта часть вошла. Глава называлась: «Нынешнее положение Западной Грузии, в которую входят Мингрельское и Гурийское княжества и Имеретинское царство».

Таким образом, сочинение Жана Шардена сослужило Гольдони хорошую службу. В него полностью вошла реляция папе Джозеф-Марии Дзампи о положении в Грузии, переведенная им с итальянского языка.

Благодаря этим источникам Гольдони, разумеется, имел некоторое представление о далекой восточной стране — Грузии. Естественно, что представление это не могло быть верным, поэтому современному читателю многое в пьесе покажется непонятным.

Как миссионеры, так и Жан Шарден описывали в основном Западную Грузию, поэтому неудивительно, что в представлении Гольдони Грузия ограничивается Мингрельским, Гурийским княжествами и Имеретинским царством. Главными героями его пьесы явля-

дотся: Дадзиани — царь Имерети (а поскольку он Дадзиани, то, само собой, он владетель Мингрелии), Баграт Гуриели, Тамар — прекрасная грузинка, дочь Гуриели, Абкар—визирь Дадзиани, Макур—подданный из низкого сословия, Вахтанг — друг Баграта, Отиана—сестра Дадзиани, Кекаиц — вельможа при дворе Дадзиани.

Карло Гольдони пользовался сочинением Жана Шардена, в котором сказано: «Правитель Имерети именуется царем. Царь и Дадзиани, оба считают себя потомками царя и прорицателя Давида. Цари Имерети носят высочайший титул «Царь царей».¹ Поэтому Гольдони и вывел Дадзиани царем Имерети, тем более, что для интриги ему нужен был царь. Персонаж со странным именем Кекаиц — у Шардена «Chesaice» — на наш взгляд, не более как Чхеидзе. Имена — Баграт, Вахтанг, Тамар — также взяты из этой книги. Тамар существовала в самом деле, она была дочерью Мамии II Гуриели, женой имеретинского царя Александра III. Но за исключением того, что настоящая Тамар была красива, как и героиня Гольдони, другие факты ее биографии не совпадают с фактами биографии героини пьесы. У Гольдони в пьесе есть персонажи с именами отнюдь не грузинскими — Абкар, Отиана и Макур.

Отиана — женское имя, думается, произведенное Гольдони от мужского имени Отиа (у Шардена упомянут Отиа Чхеидзе). Абкар I — так звали халифа, и Гольдони дал это имя первому визирю. Что же касается Макура, и Гольдони дал это имя героине пьесы таково: знакомясь с историей обращения в христианство грузин (и у Шардена, и в реляциях итальянских миссионеров), Гольдони читал о царе Бакуре. Возможно, он решил дать это имя своему герою, но так как тот был представителем низкого сословия, писатель заменил первую букву, и получилось «Макур»...

Знакомясь с трагикомедией, читатель заметит, что многое в ней условно, есть ряд несоответствий. Но нам она интересна своей главной целью — воспеть хвалу красоте и уму грузинки. Главная героиня пьесы — Тамар выделяется не только своей красотой, но и умом. По всей видимости, Карло Гольдони было известно письмо Пьетро делла Валле к близкому его другу врачу Марио Скипано: «Самые красивые женщины в Азии — грузинки. Смуглые персиянки не сравнятся с ними. Грузинки настолько высоки, что высокий рост моей тетки госпожи Фаустины Альберини—самый обычный среди них. Почти у всех у них черные волосы и черные же глаза — огромные и прекрасные, лицо — белое, а ланиты — розовые...

¹ Путешествие Шардена в Персию и восточные страны. Сведения о Грузии. Изд-во «Мецниереба», Тбилиси, 1975, с. 205.

Я считаю грузинок одними из самых красивых женщин в мире».¹

Вот что писал Шарден в своих «Путешествиях»:

«Женщины в Грузии очень красивы. У женщин высшего круга какие-то своеобразные черты лица и нежность, весьма пленительные. Я встречал среди них изумительного сложения женщин с величественной осанкой, удивительным лицом и фигурой. Кроме всего, у них такой приветливый и ласковый взгляд, что они требуют от смотрящего нежности»².

Там же он пишет, что «грузинки обладают острым и ясным умом, любезны, воспитаны, вежливы, степенны и доброжелательны, но в то же время горды, высокомерны, безжалостны, непримиримы».

Префект ордена театинцев в Мингрелии Джозеф-Мария Дзампи в своей реляции писал: «Большинство женщин природа наградила такой красотой, которую нигде не встретишь. Думаю, невозможно мельком увидеть и не полюбить. Невозможно даже нарисовать женщину лицом и станом прекраснее грузинки. Они высокие, стройные, с удивительно красивым и тонким станом»³.

После всего этого понятно и название пьесы «Прекрасная грузинка», и то, что главное лицо в пьесе—женщина. В то время в Европе женщины-грузинки были известны не только своей красотой и умом, но и храбростью, самоотверженностью. Возможно даже, Гольдони слышал или читал о Гულчаре Багратиони, женщине-дипломате, бывшей посредницей при заключении мира между Турцией и Ираном.

Главная мысль пьесы — это установление мира, спокойствия, избежание войны, но не насильственными методами, а путем мирных реформ. В этом выразились просветительские взгляды Гольдони. Главным для него была общественная значимость пьес, они должны не только развлекать, считал Гольдони, но и учить.

В начале XVIII века Италия была отсталой страной, порабощенной и своими и чужеземными деспотами. Разделенная на мелкие княжества, она вела беспрестанные войны. Карло Гольдони был свидетелем двух войн, известных под названием «Поход Дона Карлоса 1733 г.» и «Поход Дона Филиппа 1748 г.». Писатель хорошо помнил ужасы этих войн. И заветной мечтой его было объединение раздробленной родины. И даже если в своих пьесах он рассказывал не об Италии, он тем не менее постоянно думал о

¹ Т. Натрошвили. От Машрика до Магриба. Из-во «Сабчота Сакартвело», 1978, с. 166.

² Путешествие Шардена, с 116-117.

³ Путешествие Шардена, Реляция Дзампи, с. 257.

ней, мечтал о ее объединении и переносил эти мечты на другие страны. Он увидел несомненное сходство между судьбой своей несчастной страны и Грузии. Может, это и заставило его взять в руки перо и создать трагикомедию «Прекрасная грузинка».

В пьесе Гольдони побеждают добро, разум, справедливость, мир. Страна объединяется благодаря уму, проницательности главной героини. В пьесе Тамар говорит своему отцу:

Более всего на этом свете ценен мир,
И не идет ни в какое сравнение с ним
самое обширное княжество.

(Подстрочный перевод).

Слова эти, написанные два с половиной столетия назад, и сегодня продолжают звучать актуально.

Надо думать, что эта пьеса не была знакома переводчикам XIX века, только в 60-е годы XX века на нее обратила внимание профессор Тбилисского государственного университета Н. Орловская¹.

Впервые пьеса «Прекрасная грузинка» была поставлена в Венеции в 1761 году самим Гольдони на сцене театра Сан Лука. Был дан всего один спектакль. Через 220 лет состоялась премьера второй постановки пьесы в Тбилиси на сцене академического театра имени Руставели. Постановку осуществили режиссеры Р. Стуруа и А. Варсимашвили. Этим спектаклем театр отметил 275-летие со дня рождения К. Гольдони.

¹ Орловская Н. Грузия в литературе Западной Европы XVII — XVIII вв., Тбилиси, 1965.

«CON AMORE!»

ПАМЯТИ БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

В ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ плеяде русских переводчиков грузинской поэзии — плеяде, не скудеющей и поныне, — есть один поэт, стоящий несколько особняком. Это Бенедикт Константинович Лившиц (1887—1939) — большой и сложный поэт, непревзойденный переводчик французской поэзии, автор «Полутораглазого стрельца» — превосходной мемуарной книги о русском футуризме, в которой, в частности, не без горькой иронии признавался:

...Литературный неудачник, я не знаю, как рождается слава.
Постепенным ли намывом, как Анадиомена из пены морской?
Или вулканическим извержением, как Афина из головы Зевса?
Бог ее ведает, как это происходит.
Я не видел ее возникновения даже вблизи.
Не избирал неудачничества как профессию...

Да, действительно, Бенедикт Лившиц не знал той славы, которая выпала на долю иных поэтов — его современников, но он, однако, завоевал нечто не менее ценное и долговечное, чем иная слава, — высочайшую репутацию литературного мастера.

В целом роль Б. Лившица в литературном движении в России 1910—1930-х гг. представляется весьма значительной, а его творческий путь — на редкость своеобразным. Вступив в литературу в 1909 году как вполне сложившийся символист (причем скорее французского, нежели русского «толка»), он, попав в водоворот живописных и поэтических экспериментов Давида Бурлюка и других, переходит на эстетические позиции русского футуризма (1912—1914) с тем, чтобы впоследствии найти себя в наиболее созвучной его духу неоклассицистской поэтике акмеизма.

Каждый из этих этапов запечатлелся в поэтических книгах Б. Лившица: «символистский» — во «Флейте Марсия» (Киев, 1911), «футуристический» — в «Волчьем солнце» (Петербург—Херсон, 1914), «акмеистический» — в сборниках «Из топи блат» (Киев, 1922, но то была лишь часть более обширной книги «Болотная медуза. Стихи 1918—1922 гг.», так и не вышедшей отдельно) и «Патмос» (Москва, 1926). Все эти книги, заново отредактированные, вошли в качестве разделов в итоговую книгу Лившица-поэта «Кротонский

полдень» (Москва, 1928). Кроме «Полутораглазого стрельца», в 30-е годы вышли две антологии французской поэзии в переводе Б. Лившица — «От романтиков до сюрреалистов» (1934) и «Французские лирики XIX и XX веков» (1937). Стихи же, написанные в 30-е годы, — а из них складывается небольшая, но цельная книга «Картвельские оды» — при жизни Б. Лившица появлялись лишь в периодике.

Стихи эти почти сплошь были посвящены Грузии, которая неожиданно вошла в его жизнь и многое в ней переиначила, осветила по-новому.

Впрочем, еще в июне 1929 года Бенедикт Лившиц писал из Кисловодска Корнею Чуковскому: «С Эльбрусом мы не сошлись и я еду... по Грузинской дороге в Тифлис: может быть, с Казбегом у нас установятся лучшие отношения. Хочу проехать на лошадях, а не на авто, которое мчится бешеным темпом».

Возможно, именно тогда Б. Лившиц и оказался впервые в Грузии (впрочем, Г. Леонидзе в своем «Слове о друге» указывает на 1930 год).

Другая его поездка в Грузию, судя по письму к Т. Табидзе от 20 января 1932 г., состоялась осенью 1931 года. Тогда-то, по всей видимости, и завязались те дружеские, а впоследствии — братские отношения со многими грузинскими поэтами, но прежде всего с «голубороговцами» — Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили и Гоглой Леонидзе.

«...Не с целью поторопить Вас я взялся за перо. Нет! Мне просто хотелось в ответном письме услышать Ваш голос, почувствовать немного того братского тепла, которое сделало дни моего пребывания в Тифлисе счастливейшими днями моей жизни, а Грузию — моей второй поэтической родиной», — писал он 21 декабря 1935 года Тициану Табидзе. Осенью 1935 года Б. Лившиц вместе с друзьями-поэтами участвовал в перенесении праха Важа Пшавела с Дидубийского пантеона на Мтацминду и тогда были созданы многие стихотворения из «Картвельских од».

11 ноября, еще с дороги, возвращаясь из Грузии домой, в Ленинград, Б. Лившиц пишет Г. Леонидзе: «Я еще весь полон Грузией, нашими встречами и беседами, тоскую по Тифлису, по друзьям...». Прошло менее полугода — и Бенедикт Лившиц снова в Грузии, снова в Тбилиси, среди друзей. В начале апреля он побывал в Кахети, куда занесла его печальная необходимость присутствовать на похоронах матери друга. В посвященном Г. Леонидзе стихотворении «Смерть в Патардзеули» удивительно точно уловлен и тонко передан жизнерадостный от природы дух грузин, умеющих сочетать скорбь об ушедших с жизнелюбивыми чув-

ствами естественности утраты и побеждающей смерть родовой преемственности.

Бенедикт Лившиц не так уж часто посещал Грузию — может быть, четыре или пять раз, — но после каждой поездки его охватывало столь возделенное для поэта творческое горение, которого хватало и на собственные стихи, и на переводы. Во втором письме к Г. Леонидзе (от 22 ноября 1936 г.) он писал: «Вчера перевел твою «Иорскую ночь», не дождавшись присыла полной транскрипции и разбивки на строфы. Сделал все, что мог, а главное — *con amore*...» Те же слова позднее он скажет и о переводах из Галактиона Табидзе: «Посылаю Вам Галактиона — как видите, значительно раньше обусловленного срока. Делал я его *con amore*...» (из письма к В. Гольцеву от 8.II.37). *Con amore* — по любви!

Екатерина Константиновна Лившиц, вдова поэта, в одном письме так писала о своем муже: «Это был неистовый и безоглядно увлекающийся человек. Он и в Грузию без памяти влюбился, как в женщину, и посвящал ей любовные стихи».

...Я еще не хочу приближаться к тебе, Тбилиси,
Только имя твое я хочу повторять в далеке,
Как влюбленный чудака, рукоплещущий бурно актрисе,
Избегает кулис и храбрится лишь в темном райке.

«Влюбленный чудака»?.. Влюбленность?.. Да, пожалуй, это наиболее точное обозначение тех чувств, которые питал к Грузии и ко всему грузинскому Бенедикт Лившиц. Сколь характерна сама лексика — любовная обида! — скажем, его третьего письма к Г. Леонидзе, не любившему писать письма: «Дорогой Гогла! Что означает твое гробовое молчание? Неужели с глаз долой — из сердца вон...?» (от 1.XII-36).

Но «влюбленный чудака» Бено (так его называли грузинские друзья и так он нередко подписывал свои письма к ним) явно не «избегает кулис». Его робость была предвкушением, была радостью, одной из ее разновидностей.

По природному своему складу Б. Лившиц не хотел и не умел любить Грузию пассивно — любить-созерцать. Он любил ее страстно, деятельно, серьезно, любил-познавал: ее историю, географию, мифологию, обычаи, ее поэзию, ее язык, наконец.

Всякая любовь щедра на дары, а Грузия, еще с незапамятных времен аргонавтики, — в особенности.

Что же она подарила, чем наградила нашего «влюбленного чудака»?

Прежде всего — возрождением собственного лирического «я», обретением заново поэтического голоса, уже было умолкнувшего на рубеже 30-х годов. Примечательно, что в то же самое время почти то же самое произошло и с Борисом Пастернаком, само название книги которого — «Второе рождение» — глубоко символично. Несколько раньше то же испытал и Осип Мандельштам, и хотя в его случае роль «повитухи» взяла на себя Армения, сами стихи настигли его на обратном пути с Кавказа и именно в Тбилиси!

Грузия запала в самую душу Б. Лившица — и щедро ее оплодотворила. Именно в этом смысле, видимо, следует понимать его слова о «второй поэтической родине».

Его «Картвельские оды» частично увидели свет еще при жизни автора — несколько подборок в ленинградских журналах «Звезда» и «Литературный современник». Эти два с небольшим десятка (не считая тех, что пропали) стихотворений, посвященных Кавказу и в частности Грузии, — едва ли не лучшее из всего написанного Бенедиктом Лившицем. В «Картвельских одах» — то ни у кого более не встречаемое единение трепета, торжественности и полной распаханности навстречу всему тому, что несет в себе и с собою Грузия.

В то же время «Картвельские оды» — один из самых проникновенных и потому наиболее прекрасных «грузинских циклов» в русской поэзии вообще, в один ряд с которым можно поставить, пожалуй, лишь циклы Якова Полонского и Бориса Пастернака. Думается, что именно в грузинских стихах Б. Лившица как никогда близко подошел к воплощению кредо своей поэтической юности, сформулированному еще в 1915 году в ответе на анкету А. И. Тинякова: «Слово в движении и движение в слове!»

Холмы, холмы... Бесчисленные груди
И явственные выпуклости губ,
Да там вдали, в шершавом изумруде,
Окаменевший исполинский круп...

Так вот какую ты уснула, Гея,
В соленый погруженная туман,
Когда тебя покинул, холодея,
Тобой пресытившийся океан!..

(«Предгорье»)

Масштабная, геологическая образность, представление о ландшафте, об окоеме как о высочайшем творчестве — чрезвычайно созвучны мировосприятию Б. Лившица: «И судорогою порфира В праматериковом бреду, Ощерившись, музыка мира Застыла у всех на виду». И не случайно в своих мемуарах он сравнивает поэтический язык В. Хлебникова именно с Кавказом: «Если бы доломиты, порфиры и сланцы Кавказского хребта вдруг ожили на моих глазах и, ощерившись флорой и фауной мезозойской эры, подступили ко мне со всех сторон, это произвело бы на меня не большее впечатление».

И уж коль скоро мы заговорили о поэтическом языке, то нельзя обойти молчанием его красоту и богатство в стихах самого Б. Лившица. Словоновшество, столь характерных для поэтики Хлебникова или Маяковского, у него почти нет. Но какое богатство существующего словаря, какое изысканное и совсем не нарочитое сочетание, точнее чередование античной лексики, «переливющейся» мифологическими смыслами, и лексики, отображающей современную грузинскую жизнь... При этом — характерный и новаторский по тем временам прием «Картвельских од»: встраивание в русский текст грузинских слов и понятий, так сказать, в «чистом» — не переведенном, а транскрибированном виде — «груды нежно-розового м ц в а д и...», «курчавую вязью хуцури...», «И жизнь зовет: «Идем, мегобаро!» и т. д. и т. п. Возникающие при этом семантическая неясность, напряженность, как правило, мнимые, смысл грузинских вкраплений либо прозрачно ясен из всего контекста, либо легко восполняется примечанием-переводом, зато прием этот, как отмечал Г. Гачев, «...не просто краска, местный колорит: он имеет громадное мировоззренческое значение, ибо он дышит двуязычием, помещает сознание и точку наблюдения на меже языков-логик в системе мышления»¹.

Ручейки античной и грузинской лексики почти не пересекаются, но всегда перекликаются в стихотворениях «Картвельских од», при встрече же перекличка приобретает не только смысловую, но и звуковую оттенок: «...Зачем же пленником в дадианури Дианы я отыскиваю след?...» — чем не поэтический «аргумент» в пользу яфетической теории Н. Марра, столь занимавшей воображение и Б. Лившица, и других его современников?

Второй и не менее щедрый дар Грузии поэту — дар чисто человеческий. «Я дружбой был, как выстрелом, разбужен...», — эти слова поэта мог бы повторить и Б. Лившиц, обращаясь к Ти-

¹ Г. Д. Гачев. Содержательность художественных форм. Эпос, лирика, театр. М., «Просвещение», 1968, с. 76.

циану Табидзе, Паоло Яшвили и Гогле Леонидзе. Атмосфера одухотворенной дружбы и поэтического братства, которую любили и умели создавать вокруг себя грузинские поэты-голубороговцы, оказалась бесценной и целебной не только для музыки, но и для самой личности Бенедикта Лившица. Дополнительным источником радости и восхищения явилось, возможно, и то, что в кругу голубороговцев — и особенно в лице Паоло — он неожиданно для себя встретил «подлинных знатоков своих давних любимцев — Малларме и Рембо, Корбьера и Лафорга» (из воспоминаний И. С. Поступальского).

Третий дар — это сама Грузия: ее горы и море, ее города и села, ее культура, язык и самое главное—ее люди. Недаром, по свидетельству жены, Б. Лившиц называл для себя Грузию еще и «Нечаянную Радостью»! Сразу оговорюсь, что наш поэт, к своей чести, был далек от столь распространенного — чисто внешнего, «экзотического» и «застольного» — восприятия этой, что и говорить, поразительной страны. В его стихах дышит «полновесная жизнь в упор» — отрезвляющая, многосложная, противоречивая, чем-то даже угрожающая и будничная, несмотря на обилие праздников и тостов:

...Мы не пьянство, однако, славим,
Предводимые тамадой,
Мы скорее стаканы оставим
Иль смешаем вино с водой,

Чем забудем о том, что рядом,
Только выйти к подножью гор,
Отрезвляет единым взглядом
Полновесная жизнь в упор.

Наконец, четвертый дар Грузии—ее поэзия, и этот дар Бенедикт Лившиц благодарно, бережно и благородно переадресовывает нам, читателям. Г. Леонидзе писал, что он «строил большие планы перевода грузинских поэтов на русский язык и уже начал вносить свою лепту в это благородное дело...». Для этой цели, ради того, чтобы сделать общение с оригиналом более непосредственным, как он к тому привык в случае с французской поэзией, Б. Лившиц начал изучать грузинский язык. На творческом вечере Тициана Табидзе, состоявшемся в Ленинграде 21 марта 1937 года, Н. Тихонов даже счел необходимым отметить, что «...Бенедикт Лившиц влюбился в Грузию так сильно, что стал даже изучать

серьезно грузинский язык, чтобы переводить прямо с оригинала, без помощи подстрочника».

Из письма к Н. Мицишвили мы знаем, что Б. Лившиц успел перевести с грузинского не так уж и мало — от полутора до двух тысяч строк. Вместе с тем то, что на сегодня известно, — не составляет и трети этого объема: около 600 строк переводов из Николоза Бараташвили, Важа Пшавела, Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Георгия Леонидзе, Карло Каладзе. Из писем Б. Лившица мы знаем и о других переводах, в частности из Р. Эристави, но разыскать их пока не удалось (так же как и некоторые переводы из В. Пшавела, Г. Табидзе и Т. Табидзе). Кроме того, у некоторых из дошедших до нас переводов Б. Лившица — чрезвычайно сложная и запутанная судьба.

Б. Лившиц хотел издать книгу своих переводов грузинских лириков, в свой осенний приезд в 1935 году он даже заключил на нее договор с издательством «Заря Востока», но и эта книга, как и «Картвельские оды», не увидела света при жизни автора. Что касается «Картвельских од», то для нее уже была выполнена обложка. Более того, художник, известный советский книжный график Д. Митрохин, даже получил за нее гонорар! К сожалению, эта обложка утеряна, но Е. К. Лившиц вспоминает, что она была очень простой: на фоне невысоких, мягких гор был нарисован опирающийся на посох чабан в бурке впереди отары овец.

Не сохранилась и издательская рукопись «Картвельских од». Поэтому при подготовке первого издания книги ее пришлось заново составлять по немногим сохранившимся автографам и журнальным публикациям. Выходу книги предшествовал ряд публикаций и статей, в которых имя Бенедикта Лившица было заново возвращено читателю. Особенно большая заслуга в этом принадлежит Г. В. Бебутову.

В настоящую публикацию вошли стихи и переводы Б. Лившица, не вошедшие в первое издание «Картвельских од», а также переписка, проливающая дополнительный свет на его работу и дружбу с грузинскими поэтами.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить Е. К. Лившица, Г. В. Бебутова, И. С. Поступальского, А. Е. Парниса, Н. Т. Табидзе, И. Н. Мицишвили, Л. А. Озерова и А. Н. Беставашвили за щедрую помощь, которую они оказали при подготовке этой публикации.

Павел НЕРЛЕР

С т и х и

ДОРАДА

«Я детям показать поющую дораду
Хотел бы с чешуей багряно-золотой».

(А. Рембо).

«Солнце, чьи лучи отрада
Чешуе твоей, дорада,
Каждому дает отгады-
вать оракул твой, дорада!»

(А. Жид)

У этих низких берегов
Я отпущу тебя, дорада:
Не надо мне твоих даров,
Мне перстня твоего не надо.

Пой, мореплавателю, пой
Скитальцу про его обиду—
Уже я вижу пред собой
Золоторунную Колхиду.

Пока еще живу, пока
Во всем ищу я образ плоти,
Приветствую издалека
Плывущий мне навстречу Поти.

Неси ж другому перстень свой;
Дар Персефоны, дар опасный,
А мне оставь мой мир живой,
Нестройный, тленный и прекрасный.

ИЗ КНИГИ «КАРТВЕЛЬСКИЕ ОДЫ»

От огня подводного отпрянув,
Словно лик Кибелы в нем возник,
С ложа первозданных океанов
Всплыл новорожденный материк.

Расщепленный на две сердцевины,
Перешеек или пересказ
Евразийской правды, двуединый
В этом ли клянется мне Кавказ?

Для того ль преображало эхо
Голоса разноплеменных гор,
Чтоб вошел в бычачий щит месеха
Бактрии чудовищный узор?

И, промыты по тысячелетью
В русле человеческой реки,
Тонких жилок засинели сетью
Грузии прозрачные виски?

Нет возврата к ночи довременной,
Мы живем с тобою первый раз, —
Почему же я гляжу бессменно
В пламя неисповедимых глаз,

Словно в них, освободив прапамять,
Времени расплавилась броня,
И они, того не зная сами,
Зарева подводного огня?

Недаром, недаром снегами рожденная Мтквари,
Ты ложа притоков везде отвергаешь, как ложь,
И в сладком на вкус, неустанно кипящем отваре
С нагорий одну беспримесную правду несешь.

Недаром приставлена к горестной неразберихе
Базарного гомона и близоруких забот,
Как молния воли, твердыня твоя, Горис-цихе,
Как росчерк утеса, над городом утлым встает.

Недаром, взрывая земли первозданной наметку
И тяжбу с равниной затеяв совсем неспроста,
Кавказский хребет посылает отважно в разведку
Последнее детище — малую Розмитис-мта.

ПЕРВЕНЕЦ

Где некогда глядел нагорный лес
На жертвоприношения Задену;
Где, кинувшись Куре наперерез,
Арагва к своему стремится плену, —

Там, свету Светис-Цхóвели на смену,
Укрывшись в дол, подальше от небес,
Воздвиг из бурных вод сплошную стену
Светоподатель Грузии — Загэс.

Не все в его лавине быстротечной
На строгий взгляд, быть может, безупречно.
Но как же братьев нам не понимать —

Своим твореньем упоенных колхов —
Нам, с нежностью взирающим на Волхов,
Как в первенце души не чаёт мать!

Нине Табидзе

За горами рыжеватыми,
Обступившими Тифлис,
За оранжевыми скатами,
Где осенний воздух сиз,
Не одно тысячелетие
Этой ясною порой
В чащу синюю Кахетии
Сок струится золотой.
Но советам трезвым следуя,
В виноградную страну
Поклониться не поеду я
Желторотому вину.
Нет, я слишком старый пьяница,
Чтобы бить ему челом:
Я могу нателианиться
За любим и здесь столом.
И в Тифлисе, как в Кахетии,
Буду с горя пить вино,
Если карих глаз соцветие
Вспыхнет гневом у Нино.

Что это: заумная Флорида?
Сон, приснившийся Анри Руссо?
Край, куда ведет нас, вместо гида,
Девочка, катящая серсо?..

Слишком ярок профиль пальмы тонкий.
Розоватый воздух слишком тих.
Слишком хрупки эти квартеронки,
Чтобы мы могли поверить в них.

На каком земном меридиане,
Под какой земною широтой
Есть такая легкость очертаний
И такой немислимый покой?

Знаю, знаю: с каждым днем возможней
Видимого мира передел,
Если контрабанды на таможене
Сам Руссо и тот не разглядел!

Если обруч девочки, с разгона
Выскачив за грань заумных Анд,
Новым спектром вспыхнул незаконно
В живописи Ольги Гильденбрандт!

◆
Уже непонятны становятся мне голоса
Моих современников. Крови все глуше удары
Под толщею слова. Чуть-чуть накренишь небеса, —
И ты переплещешься в рог от гавайской гитары.

Ты сумеречно изойдешь воркотней голубей
И даже ко мне постучишься угодливой сводней,
Но я ничего, ничего не узнаю в тебе,
Что было недавно и громом и славой господней.

¹ О. Н. Арбенина-Гильденбрандт (1897—1975) — актриса и художница, жила в Ленинграде. Ей посвящали стихи О. Мандельштам, М. Кузмин, Н. Гумилев и другие поэты.

И, выпав из времени, заживо окостенев
Над полем чужим, где не мне суждено потрудиться,
Ты пугалом птичьим раскроешь свой высохший зев,
Последняя памяти тяжеловесной зарница...

Чуть-чуть накренить эти близкие к нам небеса,
И целого мира сейчас обнажатся устои,
Но как заглушу я чудовищных звезд голоса
И воем гитары заполню пространство пустое?

Нет, музыки сфер мы не в силах ничем побороть,
И, рокоту голубя даже внимать не умея,
Я тяжбу с тобою за истины черствый ломоть
Опять уношу в сопредельные странствия, Гея.

Переводы

Николоз БАРАТАШВИЛИ

РАЗДУМЬЕ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Уныло к берегу иду — развеять грусть:
Здесь каждый уголок я знаю наизусть,
Здесь слезы скорбь мою порою облегчали,
Меж тем как было все кругом полно печали...
Прозрачная Кура медлительно течет,
В ней блещет, отражен, лазурный небосвод.
Облокотясь, реки я внемлю лепет сонный,
И взор стремится вдаль, за овидь небосклона.
Свидетель наш немой в течение стольких лет,
О чем ты нам журчишь, Кура? Кто даст ответ?
Не знаю, почему в тот миг передо мною
Вся жизнь означилась пустою суетою.
Что наше бытие и что наш мир земной?
Сосуд, который нам наполнить не дано.
И где тот человек, который бы предела
Своей мечты достиг и счастлив был всецело?
Непобедимые, славнейшие цари,
И те ведь говорят в тревоге и волнении:

«Когда ж мы покорим соседние владенья?»
И жаждут поскорей своей пятой попать
Тот прах, котсырым им придется завтра стать.
Хороший царь и дня не проживет спокойно:
Он должен суд творить, вести с врагами войны,
Страной обязан он разумно управлять,
Чтоб не могли его проклятию предать
Идущие ему на смену поколенья.
Однако если весь наш мир — лишь тлен и прах,
Кто ж повесть в будущем создаст об их делах?
Но если мы — сыны земли и вправду люди,
Мы матери родной во всем послушны будем,
И тот не человек, и сердце в том мертво,
Кто жил и для людей не сделал ничего.

Важа ПШАВЕЛА

СЛОВО СИРОЕ

Бросил я в гущу народную
Слово. Какое? Бездомное,
С сердцем прощенным, возвращенное
В муках, с борьбою огромною,
Слово, с чела у которого
Сорван убогий убор его!
Сирое — где это видано?—
Вдруг расцвело неожиданно.
Лоб свой украсило жемчугом,
Тело одело смарагдами,
И словно небо прояснилось,
Светит высокою правдою.
Славу его созерцаю я,
Доброжелатель, с любовною
Тихой усмешкой... Какое же
Дело толпе до виновника?
Радуюсь я, что в огромное
Сердце народа вошло оно,
Жалкое слово бездомное,
Злыми жестоко гонимое,
Слово, с чела у которого
Сорван убогий убор его.

Тидиан ТАБИДЗЕ

БИРНАМСКИЙ ЛЕС

Бирнамский лес... Вот — тень Халдеи.
Пьеро угрюмая сутулость.
Нагая Макбет, холодея,
В колени пьяницы уткнулась.

Ногой отрезанной на скрипке
Рембо пиликает, покуда
Самоубийцы без улыбки
Хлобьщут огненное чудо.

Малайца ловит и не мямлит
Паоло, в круг загнав павлиний,
Унижен оплеухой Гамлет,
Офелии взор странно-синий.

Воздвигнут храм на эшафоте.
Я в сказочность его не верю;
Нет, никогда вы не поймете,
Как я истерзан нежной Мэри.

Подслушав кашель, Коломбине
В лицо дохнула осень ныне.

Галактион ТАБИДЗЕ

РУССКОМУ ПОЭТУ

Сорвалась легенда потоком, лавиной
О женщине дальней, умершей, как лебедь,
И мы, палладины надежды единой,
Познали с тобой одинаковый трепет.

Как будто в мороз, сквозь завесу тумана
Мы оба явление одно увидали,
И вот опьянели мы, брат мой названный,
Ты — снегом своим, я — струей Цинандали.

О, русский поэт! В зачарованном круге
С тобой мы сошлись, не смущенные далью.
И встретились степи немые Калуги
С исконною нашей грузинской печалью.

СНЕГ

Безумная душа, в тебе лишь иней,
А дни бегут, я с каждым днем старею
И в бархат окунувшуюся синий
Пустыню родиной зову своею.

О, такова вся жизнь моя! Собрата
Мне в январе узнать совсем не диво,
И руки белые, как снег крылатый,
Я в памяти еще храню ревниво.

О, милая! Я вижу, как мелькают
Они везде, где вьюга бушевала.
Сверкает, исчезает, вновь сверкает
Твое в пустыне снежной покрывало.

Не потому ль, как девственниц паденьем,
Фиалковым я полон снегопадом,
Печальным чувством веянья, скольженьем
Тех лилий, что внизу ложатся рядом?

Есть путь, есть тихая игра. Просторам
Навстречу ты идешь по захолустью.
Я снег люблю, как голос твой, в котором
Я тайной некогда пленился грустью.

В ту пору я любил, любил впервые
Тишайших дней пресветлое сиянье,
В развитых косах листья полевые
И ветра в волосах твоих дыханье.

Тебя я жажду нынче, как едва ли
Бродяга бесприютный жаждет крова...
Леса мою белой свитой стали,
И я один с самим собою снова!

А снег идет, и радость дня покрыла
Меня порошей синей и усталой...
О, как спастись мне от зимы постылой?
О, как унять мне ветер одичалый?

Письма

Б. ЛИВШИЦ — Т. ТАБИДЗЕ

Ленинград, 20.I-32

Дорогой Тициан!

Расставаясь с Вами, я никак не предполагал, что мне придется напомнить Вам о моем существовании и об обещаниях, данных мне в Ленинграде.

Вероятно, у Вас есть достаточно веские причины хранить столь долгое молчание: ограничиваюсь поэтому лишь выражением моего недоумения.

Мы все очень помним и Вас и Паоло, который, кстати сказать, тоже обманул наши ожидания, не приехав сюда в декабре. Было бы жаль, если бы отношения, так хорошо — и, казалось, прочно — завязавшиеся между нами, пресеклись из-за расстояния: по-моему, у Вас нет никаких оснований сомневаться в искренности чувств, которые вы оба успели внушить нам всем в ваш кратковременный приезд.

Итак — жду от Вас все разъясняющего письма.

Дружески жму Вам руку.

Привет Вашему чудесному городу!

Ваш Бенедикт Лившиц.

Б. ЛИВШИЦ — Г. ЛЕОНИДЗЕ

Ленинград, 4.V.36.

Мой любимый Гогла!

Конечно, земля свихнулась бы со своей оси прежде, чем ты первый решил бы написать мне несколько строк. Прерываю молчание я — аллах с тобою! Вот уже три недели, как я здесь — живу отшельником, почти никого не вижу. Вчера в 9 ч. вечера пришел к нам Коля Тихонов и ушел только сегодня в 11 ч. утра! 14 часов мы говорили с ним о Грузии! Свое обещание я выполнил как нельзя лучше: вырвал с корнем занозу из его сердца. Он сам был этому рад, т. к. он

очень высоко ценит и чтит тебя. В Тифлис он придет твоим настоящим другом.

Я, к счастью, все еще без ума от твоей чудесной страны: пишу цикл «Алазанская долина» — две вещи уже готовы...

Братски обнимаю тебя, дорогой...

Твой брат Бено.

Б. ЛИФШИЦ — В. ГОЛЬЦЕВУ

Ленинград, 8.VII.36

Многоуважаемый Виктор Викторович!

Посылаю Вам: 1) «Четыре Тифл. рассвета»; 2) «Рассвет в Крцанисском саду»; 3) три стихотворения Важа Пшавела (для Вашей антологии «Поэзия Грузии с др[евних] вр[емен] до наших дней»). Как видите, все... мне удалось сделать даже раньше срока...

Из старых поэтов я с удовольствием взял бы в работу Гурамишвили, Бараташвили и обоих Орбелиани — всего строк 300—400, не более, и, разумеется, на «божеский» срок, т. к. в данное время я занят своими собственными стихами и франц. поэтами.

Прилагаю два счета: на Леонидзе и на Важу Пшавела и прошу Вас «поворожить» в бухгалтерии, чтобы она не замариновала платежа, как это было в прошлый раз.

Дружески жму Вам руку.

Искренне Вас уважающий

Бенедикт Лившиц.

P. S. Возвращаю также подстрочники переведенных мною вещей Леонидзе и посылаю подстрочники стихов Важа Пшавела.

Ленинград, 12.IX.1936

Многоуважаемый Виктор Викторович!

В Москве ли Вы? В Гослитиздате ли? Пишу Вам в предположении, что на оба эти вопроса должен последовать утвердительный ответ.

Гонорар за Леонидзе и Важу я получил «сверх-своевременно», если можно так выразиться, и не сомневаюсь, что это произошло не без Вашего участия.

Но почему Вы ни словом не ответили на мое согласие

взять в работу кого-нибудь из грузинских классиков? Повторяю, я с удовольствием занялся бы переводами из Гурамишвили, Бараташвили, Орбелиани, Чавчавадзе или Церетели — в этом смысле я вполне положился бы на Ваш выбор, поскольку «профиль» и уклад моей работы Вам немного знакомы. Единственное, о чем я просил бы Вас, это — прислать мне материалы заблаговременно, чтобы избежать вредной для дела спешки, обычно сопутствующей такого рода «заказам».

Итак, если Вы еще парите Саваофом над национальными литературами, жду от Вас ответа по существу.

Дружески жму Вам руку.

Вас уважающий Бенедикт Лившиц.

P. S. Где сейчас Сандро Шаншиашвили? Вернулся ли он в Тбилиси?

Лнгр., 14.I.1937.

Многоуважаемый и дорогой Виктор Викторович!

Только что собрался написать Вам, как получил Вашу телеграмму. Не ответил Вам, вопреки своему обыкновению, сразу же, так как эти две недели грипповал и сейчас еще не выхожу из дому.

Разумеется, я согласен, но с тем, чтобы сроки, предложенные Вами в Вашей открытке, были соответственно отодвинуты на две недели.

Высылайте материалы (Гурамишвили и Галактиона): подстрочники и транскрипцию; впрочем, вместо транскрипции можете выслать грузинские оригиналы, т. к. я уже свободно читаю по-грузински и даже довольно бегло пишу (увы, до знания языка это бесконечно далеко!)

Дружески жму Вам руку.

Ваш Бенедикт Лившиц.

Лнгр., 8.II.1937.

Многоуважаемый Виктор Викторович!

Посылаю Вам Галактиона — как видите, значительно раньше обусловленного срока. Делал я его *con amore* — не знаю, как Вы его найдете; черкните мне несколько слов: меня очень интересует Ваше мнение.

Хуже обстоит дело с Гурамишвили. 1. Мне не очень нравится 16-стопный хорей, и я никогда им не писал. 2. Мне не ясно, что Вы разумеете под «покатренной рифмовкой»: **неуже-**

ли 4 одинаковых рифмы в куплете? (и как чередуются мужские рифмы с женскими?)

Словом, я предпочел бы вместо «Давитиани» перевести для Вас еще строк 150—200 Галактиона (если Вы согласны с моей работой над ним), или же того же Гурамишвили, но не «шайри», который, повторяю, мне совсем не по душе.

Посылаю Вам «счета» на Галактиона и надеюсь получить от Вас деньги столь же быстро, как и предыдущий раз.

Дружески жму Вашу руку и жду ответа.

Ваш Бенедикт Лившиц.

Р. С. Я уже три недели как болен плевритом, не покидаю постели: болезнь испортила все удовольствие встречи с Сандро и Маро [Шаншишвили — П. Н.]. Что слышно с Тицианом? Подготовили ли Вы «материальные предпосылки» для его приезда в Москву? Насколько я понимаю, это в значительной мере зависит от Вас. Очень хотелось бы повидаться с ним в Л-де!

Лнгр., 16. II. 1937 г.

Глубокоуважаемый Виктор Викторович, очень рад, что Вам понравились мои переводы из Галактиона. С удовольствием сделаю еще несколько его стихотворений: присылайте только поскорее, ибо с I. III я целиком погружаюсь опять в своих французов.

По просьбе Тициана я перевел 6 его стихотворений: «Петербург», «Танит Табидзе»; «L'art poétique»¹, «Маг-прародитель», «Без доспехов» и «Халдейское солнце»; подстрочники он прислал мне в ноябре 36 г. в Кисловодск, но я только теперь сумел перевести эти вещи. Нужны ли они Вам? Если — да, пришлю. Непонравившуюся Вам строку Галактиона прошу заменить следующей:

«Лишь путник уцелел один»².

Подстрочник и транскрипцию Гурамишвили прилагаю «при сем»; но только не Гурамишвили мне не пришелся по вкусу, а **16-сложный хорей!**

Я все еще хвораю: у меня, оказывается, не плеврит, а самое заправское воспаление легких — черт знает что такое! Дружески жму Вашу руку

Бенедикт Лившиц.

¹ «Искусство поэзии» (франц.).

² Перевод не разыскан.

Р. С. Сердечный привет Тициану: когда он думает быть в Л-де? Очень прошу Вас выслать мне I экземпляр книги Каладзе³; т. к. здесь ее нет в продаже.

Б. Л.

Ленинград, 18.III.1937 г.

Многоуважаемый и дорогой Виктор Викторович, посылаю Вам 6 стихотворений Тициана (все его ранние вещи). Все переводы им проверены и авторизованы. Счет также присылаю и прошу «продвинуть» его возможно скорее. Ваше письмо я только что показал Тициану. Он просит сообщить Вам, что Москвы не минет и, конечно, встретится с Вами.

Его вечер мы назначили на 21-е. Думаю, что и у нас успех ему обеспечен.

Что касается моей дальнейшей работы над грузинами, я, разумеется, не собираюсь отказываться от нее, но не могу брать на себя **скоропалительно**-срочных обязательств.

С удовольствием взял бы переводы из Важа Пшавела (его лирику), из Гр. Орбелиани, Ак. Церетели, Бараташвили (если что-нибудь еще осталось) и вообще из классиков. Высылайте поскорее: я постараюсь не задержать, но сообщите откровенно, на когда Вам это нужно.

Дружески жму руку и жду письма.

Ваш Бенедикт Лившиц.

Ленинград, 15.V.37 г.

Многоуважаемый Виктор Викторович, пишу Вам, не дождавись возвращенного Вашей телеграммой письма.

Посылаю Вам Эристави, которого переводил не только с подстрочника, но уже сличал с подлинником, в чем Вы сами, при желании, можете убедиться. Это дает не только большую близость к оригиналу, но и большую свободу в обращении с материалом.

Точно так же перевел я и Тициановскую «Алавердобу», оригинал которой, вместе с подстрочником, он лично передал мне в Ленинграде. Посылаю Вам эти стихи в предположении, что Вы ими воспользуетесь для 2-го изд. его однотомника.

2-го июня я уезжаю на месяц в Кисловодск, оттуда — м. б. в Тбилиси.

Крепко жму Вам руку.

Вас уважающий Бенедикт Лившиц.

³ Имеется в виду «Стихи» К. Каладзе (1937).

АНА Мария Матуте — одна из наиболее известных представительниц современной испанской литературы — принадлежит к так называемому «поколению без наставников». Творчество этих писателей возникло как реакция на официальную франкистскую литературу и имело своей целью дать социальное обоснование трагедии человеческого существования в условиях франкистской Испании. Ана Мария Матуте (наряду с Хуаном Гойтисоло) одна из первых встала у истоков нового литературного течения и сумела выразить трагедию своей родины в ее социально-конкретном облики.

В 1971 году увидел свет роман «Сторожевая башня». В нем Матуте не изменяет общей направленности своего творчества и ставит те проблемы, которые волновали ее прежде. Но в «Сторожевой башне» она уже по-иному подходит к решению этих проблем.

Критики много пишут о теме одиночества в произведениях Матуте, которая возникает уже в самых ранних романах писательницы, а в «Сторожевой башне» переходит в более общее понятие — отчужденность. Но в отличие от героев предшествующих романов Матуте, герой

Элеонора КУЧАВА

„СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ“ АНЫ МАРИИ МАТУТЕ

«Сторожевой башни» не ожесточается в своем одиночестве, не становится двуличным или эгоистичным, не ищет спасения в религии, не стремится уйти от людей: он верит в них так же, как верит в будущее, и благодаря этому оставляет след в памяти людской.

Герою было всего шесть лет, когда он стал свидетелем сожжения двух невинных женщин. С этого момента мир в его сознании раскололся надвое — на добро и зло, на свет и тьму, на белое и черное. И в этом мире противоречий, насилия и смерти, в мире братоубийственных войн он ищет правду, ищет смысл жизни. Поэтому смерть героя «Сторожевой башни» не столь трагична. Это логический конец жизни, завершение мучительных поисков самого себя, собственного «я». Это не та смерть, которой умирали другие герои Матуте: герой «Сторожевой башни» умирает физически, но духовно остается жить.

С темой смерти в творчестве Аны Марии Матуте очень тесно связана библейская тема Авеля и Каина, тема братоубийства. Она занимает одно из главных мест в проблематике романов Матуте, писательница смотрит на всех людей как на братьев. Тема Авеля и Каина проходит и через весь роман «Сторожевая башня», с самых первых страниц, когда герой описывает презрение к нему своих братьев, их зло и зависть, и до самого последнего момента, когда он принимает смерть от трех темных всадников, его братьев, образы которых становятся символом смерти. И сама вражда между братьями в последнем романе Матуте носит символический характер: это вражда между добром и злом, грубой силой и чувствительной одухотворенностью, тьмой и светом.

В последнем романе Аны Марии Матуте время получает удивительно емкое и точное воплощение. Современность представлена в довольно сложном виде: во-первых, это пережитки прошлого, дыхание которого постоянно ощущается; во-вторых, это как бы зачатки будущего. Узкое, прагматическое понимание настоящего сменяется более основательным: настоящее заключает в себе прошлое и чревато будущим. Связующим звеном этих трех временных пластов является герой романа.

О постоянном присутствии прошлого, его влиянии на настоящее и будущее говорит образ мертвых богов, который постоянно витает над героем, над людьми, даже над природой. Герой острее всех остальных воспринимает и чувствует давление прошлого и его нерасторжимую связь с будущим. Неразрывная связь героя с давно умершими и вытесненными богами сказывается уже в его внешности: постоянно подчеркивается

голубизна глаз, светлые волосы, кольцами падающие на лицо, тело крепкое и подвижное. Внешность героя несет на себе печать исключительности, избранности, такую же внешность имели боги. Герой обладает не только внешностью мертвых богов, но отчасти и их силой, как физической, так и духовной: он — единственный живой человек, которому дано было убить священного зверя — кабана с золотой шерстью — атрибут этих богов. А в плане духовном герой обладает даром предвидения, которое имеет общечеловеческий смысл, так как все его видения в моменты экстаза затрагивают проблемы человеческого бытия, смысла жизни, судьбы и будущего человечества. Именно эти видения расширяют традиционные, привычные нам пространственные границы и перемещают нас в космос, во вселенную, где герой не только не замыкается в себе, гонимый мучительными поисками, а наоборот, там находит себя и превращается в частицу необъятного мира.

Человеческая судьба — живая нить, соединяющая прошлое с будущим. Человек живет не только настоящим, он живет и перспективой будущего, и памятью прошлого. И этот человек в романе «Сторожевая башня» является обобщенным образом всех людей. Именно поэтому у него нет имени и фамилии, рода и племени, отсутствует национальная или этническая принадлежность. Его жизненный путь — это не только путь в пространстве, но и путь во времени. Его настоящее существование насыщено не только воспоминаниями о прошлом (образы мертвых богов, которые должны вернуться в будущем, постоянное ощущение того, что все уже когда-то было, и т. д.), он постоянно заглядывает и в будущее.

Герой «Сторожевой башни» стоит выше своих предшественников не только по духовному развитию, но и по своим стремлениям. Испытывая муки одиночества, он тоскует по людскому обществу, ищет общения с людьми, но не ограничивается только одной какой-либо личностью, как Хуан Мединао, и не ищет жизненного идеала в прошлом, как персонажи «Мертвых сыновей». В поисках предмета познания он не удовлетворяется миром взрослых, как Матию в «Первых воспоминаниях».

Один из основных образов произведений Аны Марии Матуте — ребенок. Главный герой романа «Сторожевая башня» — тоже ребенок (повествование начинается, когда ему шесть лет, и кончается, когда ему четырнадцать).

У него богатый внутренний мир, слишком чуткая и восприимчивая натура, его суждения и мысли, цели и устремления поражают глубиной и обоснованностью.

Еще одна отличительная черта романов Аны Марии Мату-те — враждебность окружающего мира к ее персонажам.

Но герой «Сторожевой башни» не побежден враждебной средой, не покоряется ей. Об этом свидетельствует как весь ход его жизни и мыслей, так и его смерть. Поднятый перед смертью меч рассекает мир надвое: позади остается мир враждебный и злой, взор героя обращен в будущее, во вторую часть рассеченного мира, которая несомненно принесет освобождение.

По своей структуре роман «Сторожевая башня» двуплановый: наряду с событийной стороной повествования присутствует пространственно-временной аспект, представляющий большой интерес, ибо на него возлагается основная функция в произведении.

Событийная сторона в «Сторожевой башне» — второстепенной важности, действие, как таковое, сведено до минимума: фактически это короткая и небогатая событиями жизнь героя.

Событийная сторона произведения дается в виде воспоминаний. Воспоминания — очень важный элемент романа, и их характер меняется в зависимости от того, о чем идет речь: о жизни героя или о более высоком уровне бытия.

В первом случае память героя довольно стабильна. Он уверенно рассказывает о своей нелегкой жизни. Развитие второго плана меняет характер воспоминаний: точность, пунктуальность в изложении сменяются неуверенностью и забывчивостью рассказчика. Герой как бы переносится в другой временной и пространственный пласт, более широкий, не всем доступный. Духовная жизнь героя в этом втором пространственно-временном плане гораздо активнее, его мировоззрение гораздо полнее.

Идейный смысл романа заключен во втором, расширенном, пространственно-временном плане.

Впервые зародившиеся в сознании героя во время празднования сбора винограда образы добра и зла, света и тьмы воплощены в символические белый и черный цвета. Добро и зло вечны, эти понятия, во все времена волнующие человечество, тревожат и героя «Сторожевой башни», он не перестает размышлять о них. В эти цвета окрашены все его видения, мир предстает перед ним в жестокой борьбе небесных белых и черных рыцарей, символизирующей раздвоенность мира, пропасть между светлым и темным началами, добром и злом. Но видения быстро исчезают, растворяются в необъятном мире, и на-

ступают удивительная тишина, зловещая в своем роде, а вместе с ней и одиночество, усугубленное этой тишиной. Но эти видения вселяют в него не тоску, а укрепляют веру в доброе начало и победу света над тьмой. Эта вера воплощена в другом, не менее важном символе произведения — смерти желтого (золотого) дракона. Впервые дракон появляется в мировосприятии героя опять-таки во время праздника в честь сбора винограда. Богатое и красочное время года таит в себе бедствия, и дракон, которого никто не видит, кроме героя, является символом ужаса и страха, жестокости, зла, насилия. При виде его герой сам становится жестоким и злым. Но этот ужас в конце концов побежден, подавлен.

Важное значение имеют различные цвета, тона и даже оттенки, они воплощают в себе окружающий героя мир, ассоциируются в его сознании с разными событиями, со всевозможными началами и даже с разными людьми. С красным цветом, например, связано воспоминание об ужасающем огненном дереве, это воспоминание и определило отношение героя ко всему красному вообще. Красный цвет изобилует в осенней природе, виноградные гроздья тоже красные, именно среди них появляется символический образ дракона, и, наконец, красный — это цвет крови. Это цвет, который ассоциируется в сознании героя со смертью священного кабана с золотой шерстью.

Один из центральных и важных символов романа «Сторожевая башня» — это Большая Река, которая очень часто возникает в повествовании героя. Герой родился у изгиба Большой Реки, там протекало его детство. Большая Река постоянно появляется на его пути к замку барона Моля, где его ждут перемены, и далее, когда он уже становится обитателем этого замка и готовится к посвящению в рыцари (ради чего его послали к барону Молю), и в самый момент смерти герой тоже тянется к реке. Около этой реки прошла его насыщенная размышлениями жизнь. Около этой реки менялись его характер, настроения, взгляды на жизнь, на людей, здесь формировалось его мировоззрение. Здесь же он видел непрерывную борьбу между добром и злом и, наконец, победу светлого начала, озаренного лучами восходящего солнца. Все эти события у реки вполне объяснимы, если учесть, что вода (в данном случае Большая Река) — это неизменный символ текучести жизни, человеческого бытия, изменчивости и прозрачности его сознания. В «Сторожевой башне» этот символ вполне соответствует своему содержанию и оправдывает свое назначение.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА СОСО ПАЙЧАДЗЕ

Д АВНО уже сравнивают чтение с путешествием. Путешествие по книге Сосо Пайчадзе богато впечатлениями — от слов, от строк и от целых страниц. Но вот странствие окончилось. Каким оно было в целом? Для меня оказалось духовно значительным.

Первая из повестей (?) сборника (первая не только по месту в книге) — «Иродион».

Сюжетная схема произведения крайне проста: в глухой грузинской деревне работает лекарь (он же ветеринар) Иродион, переживает неудачную любовь и нелады с односельчанами; измученный трудным существованием, умирает.

Но не судите писателя только по его сюжетным схемам, если не хотите составить превратное представление о нем! Важно видение художника: только оно придает любому, даже самому заезженному сюжету то или иное содержание и смысл. Не сама по себе тема определяет значительность

произведения, а духовная высота, с которой она обозревается.

Бытовик ли Пайчадзе? Он может явить себя и бытовиком, да еще каким! Умелым, опытным, уверенным. Вспомните хотя бы замечательную по какой-то крестьянской правдивости и прямоте сцену осмотра больной коровы.

И тем не менее было бы противоестественным окрестить Пайчадзе «бытовиком». Бытие — вот что занимает писателя. Каким образом в буднях и сквозь будни, почти сплошь обыденно хлопотные и неизменно переходящие, возникают и донимают человека вечные вопросы? Что есть добро? Что есть благородство? Поступок или его мотивы? Попробуй разобраться, что движет человеческим поведением!

В душевной жизни Иродиона видишь то хаос, то космос, где все элементы незаметно переходят друг в друга и неизменно ускользают от определенности.

Иродион делает людям добро. Это признают все. Но хороший ли он человек? Одни считают — нет и недолюбливают врача. Что здесь — неблагодарность или праведное неприятие фальши? Другие благодарны Иродиону и симпатизируют ему. Но не слепы ли они?

Здесь уместно заметить: Пайчадзе избегает предварительных разъяснений, кто есть кто из его персонажей.

Сосо Пайчадзе «Платформа «Ботанический сад», Тбилиси, «Мерани», 1984.

Он словно вталкивает читателя в незнакомый дом, и тут по услышанным разговорам, по взглядам и мимике он должен догадаться сам, кто кому кем приходится и как относиться. Так достигается сильный эффект присутствия.

Что же произошло с Иродионом? Его избил, оскорбил некто Кокия. Душевная боль и неожиданная хворь создают новую и, оказалось, предсмертную напряженность переживаний и мыслей Иродиона о протекшей жизни.

Самое мучительное в ней — несвершенная любовь к овдовевшей красавице Аспирозе. Она предлагает ему всю себя — он убеждает. Почему? Иродион объясняет свой поступок уважением к памяти покойного мужа красавицы и страхом перед его призраком. Но не был ли это страх перед ее стихийными страстями? Или страх перед превращением великой мечты в реальную возможность? Кто знает? Кто знает, почему умерла Аспироза? Говорят, из-за Иродиона. Но сам автор даже не пытается дать однозначный ответ.

Многосложность, запутанность, взаимопревращение чувств, неразрешимость многих внутренних конфликтов — аксиома для Пайчадзе.

Герой повести — врач, в силу своей профессии несущий службу на границе жизни и смерти, призванный спасать живущих от бездны небытия. Но удастся это лишь до поры до времени. Не приведи господь видеть то, что видел Иродион! Хотя бы агонию мужа Аспирозы. Парадоксально, но вся

жизнь врача «состояла из смертей». Наверное, потому и выбрал Пайчадзе своему герою такую специальность, чтобы увидеть его в пограничных стычках жизни и смерти. Трудно при этом не задуматься, как и какими ценностями жить, тем более Иродиону, который и после двадцати пяти лет практики не утратил способности тонко и сложно чувствовать, откликаться сердцем на чужое горе.

И вот несчастливый, стоический, одолеваемый многолетней усталостью труженик, врачующий болезни людей и животных, заболевает сам. Болезнь, и тем паче смерть медика особенно поражает нас: здесь выявляется вся относительность наших средств в борьбе против смерти. Легко ли видеть, как погибает солдат, защищавший тебя с оружием в руках! А что же будет с тобой, безоружным?

Важнейшее свойство писательской природы Пайчадзе в том, что он по преимуществу поэт внутреннего мира человека, его сознания и подсознания. Да, это зеркало, но такие переменчивые! Они не только отражают, но и преображают внешний мир. В душе Иродиона (и Кобы, другого героя Пайчадзе) прошлое и настоящее текут как бы параллельно, подсвечивая и окрашивая друг друга, а порой неожиданно и соприкасаясь. Мысли возникают и сменяются другими словно помимо воли мыслящего; реалии детства перекликаются с реалиями сегодняшнего дня; непрерывно возобновляются беззвучные споры с живыми, перемежаясь бесе-

дами с усопшими; признания в любви и неприязни чередуются с самовопросанием и самоосуждением.

Разве это не творческий процесс, дарованный каждой живой душе?! Разве это не непрерывное созидание внутреннего мира?!

Примечательно, что автор описывает внешние события и разговоры во вполне обычных по синтаксису фразах, но как только дело доходит до передачи разволнованного восприятия героя, фраза разрастается чуть ли не в страничный период, несущий в себе все виденное, слышанное, вспомненное и обдуманное Иродионом. И эти периоды Пайчадзе отличаются своей структурой, своим ритмом, своей интонацией.

Возвращаюсь к болезни врача. Его просят пойти к преждевременно рожавшей женщине, но у него, уже тяжело больного, нет никаких сил, и он посылает медсестру, а его самого одолевают болезненные мысли и любовно-языческий бред. Но все настойчивее говорит в Иродионе жалость к едва знакомой, страдающей крестьянке. Смертельно больной врач селлает коня и дождливой зимней ночью пускается в путь. Слабеют тело и сознание. Конь забредает на сельское кладбище и тут Иродион умирает. «Куда ты шел в эту непроглядную ночь? К зывающему о помощи ближнему или к себе самому? Что двигало твоей лобротой? Любовь или страх?» Во всяком случае — не равнодушие. За долгие годы врач вкоренился и в эти горы, и в эту деревню, и в свою

больничку, и — главное — в жизнь односельчан, будь то дружественных или недружественных.

Так хороший ли человек умер? Человек — отвечает повесть: «Не люди умирают, а миры».

Кончается смертью героя — Ангии и новелла «Последний дубль», где психологический анализ несколько расплывчат, а композиция страдает «архитектурными излишествами». О чем эта новелла — в душевном и духовном смысле? О том, как в семейных и служебных буднях расплывается способность к талантливо-творческому переживанию своих дней. «Он (Ангия) пожертвовал ради семьи своим самым дорогим сокровищем — способностью удивляться...» Сотворить миг, в котором сосредоточилась бы вся полнота бытия, — вот чем одержим Ангия. «О, блаженство быть гордым, и сильным, и вечно свободным!» Ангия не хочет подчиниться миру пыльной обыденности. Более того, он порой забывает о его существовании. Это и приводит героя к гибели: иррациональность всегда таит в себе трагедию.

Новеллы «После д н и й дубль» и «Платформа «Ботанический сад» близки по исходной жизненной устремленности своих героев. Но «Платформа...» написана в ином эмоциональном ладу, с иной развязкой. Коба достиг той гармоничной полноты бытия, к которой не удалось даже приблизиться Ангии. «Платформа...» — это шедевр любовной прозы. В нем свободно дышит высокий Эрос, вне которого невоз-

можно достичь жизненной завершенности и единения с миром. Полнота этого единства — в полноте любви.

Итак, прочитана последняя страница сборника. Сборника — чего? На титуле книги значится — «Повести». На мой взгляд, к этому жанру, пожалуй, можно причислить «Иродиона», но «Последний дубль» и «Платформа...» событийно ближе всего к новелле.

А по сути все это поэзия без версификации, без придыхательного, трафаретно-фальшивого лиризма. Отсюда — некоторая жанровая расплывчатость произведений и простота их сюжетов. Отсюда — музыкальное построение: чередуются не события в их последовательности, а чувства, интонации, краски. Воспоминания и воображаемые сцены вторгаются в настоящее время действия именно там, где это художественно необходимо, — словно в игру оркестра вступают новые инструменты. Перед нами поэтическая проза. Отсюда — смена сложных ритмов, отсюда — их первостепенное стилевое значение. Отсюда — естественная метафоричность. У Пайчадзе метафоры неожиданными молниями сверкают почти с любой страницы. Поражающе меткие, они способны выразить невыразимое. Например, в доме умирающего Ладимэ «блестящий топор, плуги, рваные мехи, дырявые бурдюки — всё, чего касалась рука Ладимэ, подобно верным, старым дворovým псам, притаилось по углам и молча выло на приближающуюся смерть».

Все три вещи сборника не только музыкальны, но и живописны; каждая отличается до конца выдержанным колоритом и особым красочным лейтмотивом: бурая, размокшая под зимними дождями земля; серая городская пыль; солнечная приморская зелень.

Вероятно, поэтичность прозы обусловила также эскизное изображение характеров. Пайчадзе не столько рассказчик событий, сколько поэт чувственно-душевных состояний. Ему прежде всего и по-настоящему интересны итоговые состояния, в которых человек оказывается перед сутью всей своей жизни. Ради понимания отнюдь не простой природы простого смертного повествователь копает колодцы, проникая в глубины большие даже, чем темперамент и характер.

Цельная по стилю и мировосприятию книга Пайчадзе свидетельствует, что в грузинской литературе появился еще один серьезный талант, способный сказать поэтическое слово о существовавшем и трагическом в бытии человека.

А теперь пора вспомнить, что Сосо Пайчадзе пишет по-грузински, и назвать его переводчицу — Динару Кондахазову. Подлинный перевод стремится к самоустрашению; он хочет, чтобы забыли о самом его существовании. Для этого ему надо стать подлинником на другом языке. Так и произошло с книгой «Платформа «Ботанический сад»».

Юрий ДЕНИСОВ

СОРОКАЛЕТИЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

1985-й — год сорокалетия Победы. Этой датой выхода и определяется основная направленность четвертого выпуска сборника «Литературное содружество народов СССР». И это вполне закономерно для данного совместного издания двух университетов — Ленинградского и Тбилисского, ибо, как сказано в статье О. А. Баканидзе «Испытание огнем», военная тема в советской литературе и искусстве была интернациональной в такой же степени, как и вызванные войной интернационализм и сплоченность всех народов нашей страны, приведшие к победе Советского Союза над фашистскими захватчиками.

Как все это осмыслено и воплощено нашей художественной литературой, и показывают восемь из сорокадцати работ ленинградских и тбилисских авторов, составляющих больше половины вошедших в книгу материалов.

Анализируя отдельные стороны этого процесса, исследователи пытаются выявить определенные законо-

мерности и тенденции в разработке нашими писателями, преимущественно прозаиками, проблемы войны и мира. Так, по мнению Л. Ф. Ершова, выступающего здесь со статьями «Ристалище идей — ключ к будущему на земле», в ней «все более ощутим отход от панорамности к аналитической манере письма», в чем его убеждает эволюция советской военной прозы, исследованием которой занят и Ю. А. Петровский в своей работе «Движение вперед и неизменность».

Проследивая на конкретных произведениях советских писателей поступательный ход развития современной военной прозы, Ю. А. Петровский отмечает, что ее приметами стали философичность и психологизм.

Объектом изучения О. А. Баканидзе, чьим обзором «Испытание огнем» открывается сборник, также является эволюция, но уже не прозы, как таковой, а советской военной драматургии.

О. А. Баканидзе приходит к выводу, что пьесы советских авторов, особенно в их вершинных проявлениях, несли правду о борьбе с фашистами, что главным героем драматургии периода Великой Отечественной войны, как всей советской литературы, говоря словами А. Толстого, становится правда.

Проблема художественно-философского освоения военной действительности на примере повести А. Астафьева «Пастух и пастушка» лежит в основе работы А. О. Большева, считающе-

«Литературное содружество народов СССР», 4, Тбилиси. Изд-во Тбилисского государственного университета. 1985 (на русском языке).

го, что она «дает ценный опыт сопряжения страстей войны с выходом к философскому осмыслению ее с общечеловеческих позиций».

К выявлению нравственно - философского аспекта нас подводит и тщательный; тонкий, умный анализ двух повестей — «Сотников» В. Быкова и «Живи и помни» В. Распутина, проведенный А. Ф. Лапченко. Драматизм и даже трагизм финалов этих произведений ему видятся как присущая всей современной социально - философской прозе особенность, связанная с высоким уровнем ее нравственной и гражданской ответственности.)

Круг военной тематики упомянутых работ замыкает статья Г. А. Цветова «Цельность многообразия», утверждающая присутствие и лучшим образом современной советской литературы вечные ценности человеческого бытия вне зависимости от темы и ее национального раскрытия, от классификации на «деревенскую», «городскую», «военную».

Обозначения эти, конечно, условны, так как в центре всех названных видов литературы стоит человек с обусловленными им проблемами как социального, так и нравственно - философского порядка.

Так же обстоит дело и с так называемой военной прозой, в ходе рассмотрения которой стали очевидными аналитичность и психологизм изображения в сочетании с неизменными для прогрессивной русской литературы гуманистическими традициями.

При этом исследователи опираются главным образом на широко известные произведения А. Адамовича, С. Алексиевич, В. Астафьева, Ю. Бондарева, В. Быкова, Б. Васильева, Д. Гранина, В. Кондратьева, А. Корнейчука, Л. Леонова, К. Симонова, А. Твардовского...

Как ни странно, в ряду этих имен нет никого из грузинских писателей, также работающих в русле военной тематики. Между тем в современной грузинской литературе немало произведений о Великой Отечественной войне, в том числе и писателей - фронтовиков. Это и проза, и поэзия, и драматургия. Так что наличие богатый материал для исследования военной темы, осваиваемой литераторами Грузии.

Этот пробел не восполняют ни статья И. А. Васильевой «В одном строю» о творчестве видного абхазского поэта, прозаика и драматурга Дмитрия Гулия периода Отечественной войны в сопоставлении с ее отображением в произведениях А. Прокофьева, ни переданное К. К. Квачантирадзе сквозь призму военного лихолетья литературное содружество грузинского и белорусского народов.

К тому же обе эти работы стоят несколько особняком как по своей информативности, так и по локальности объекта — в них речь идет о поэтических образцах.

Упущение это тем более досадно, что вышла книга в Грузии, в Тбилиси, на базе местного университета, и обстоятельный разговор о закономерностях и типоло-

гических, национальных особенностях художественного отображения войны грузинскими лигерами в контексте всей советской многонациональной литературы представляется в издании подобного профиля, да еще посвященного сорокалетию Победы, более чем уместным. Даже насущно необходимым, в такой же мере, как и более тщательная продуманность последовательности расположения материалов, касающихся военной темы. Принятый за основу алфавитный порядок вряд ли на этот раз приемлем. Просто напрашивается группированность их в определенной последовательности с небольшой предваряющей аннотацией, что позволило бы лучше сориентировать читателей, а также разгрузить многие статьи от общих мест и повторов.

Остальные же шесть исследований, касающихся вопросов теории и истории многонациональной советской литературы, а также конкретных проявлений литературных взаимосвязей народов СССР и художественного перевода, казалось бы, естественно складываются в другой самостоятельный раздел. Ведь по существу сборник тематически распадается на две части, хотя фактически расположение всего его разнохарактерного содержимого отнюдь не продиктовано логикой развития той или иной идеи.

Тем не менее сами по себе эти работы представляют несомненный интерес, свидетельствуют о высоком уровне нашей литературоведческой мысли и прямо

отвечают профилю рецензируемого издания.

В них наглядно и убедительно выявлены отдельные стороны литературных взаимосвязей и взаимовлияний. Это и «пушкинское присутствие» в новой грузинской лирике (Л. Д. Хихадзе), и восприятие творчества Т. Г. Шевченко в дореволюционной грузинской литературе (Р. С. Хведелидзе), и дореволюционная грузинская критика о пьесах М. Горького «Дачники» и «Дети солнца» (Г. Д. Гвенетадзе), и «Мистерия-буфф» В. Маяковского в новой интерпретации грузинского перевода (З. К. Медзелия).

К последней из этих работ примыкают другие разработки по проблемам перевода. Так, К. В. Бурджанадзе освещает грузинский поэтический перевод 20-х годов XX века, а М. В. Одзели знакомит с высказываниями И. Гришавили о мастерстве перевода, и сегодня звучащими удивительно актуально и современно.

Фактологическая насыщенность, тонкость наблюдений, глубинное постижение грузинскими учеными исследуемых пластов исторически складывающегося литературного процесса позволяют прикоснуться к такому сложному явлению, как вхождение посредством конкретных проявлений литературного творчества духовной культуры одного народа в недра другого. Этот процесс, как мы получили возможность удостовериться, служит стимулом ее дальнейшего совершенствования и обогащения.

Сотворчество на этой ниве в рамках данного аспек-

та с ленинградскими литературоведами и историками литературы послужило бы, надо полагать, практическим подтверждением высказанной выше мысли, сделало бы показ обрисованных грузинскими коллегами русско - грузинских и иных литературных взаимоотношений более масштабным и многогранным.

К сожалению, их участие в сборнике, как можно судить из сказанного выше, ограничилось аналитическим осмыслением проявления человеческой личности в нравственно - этическом и философском ракурсах по преимуществу на базе русской современной военной прозы, вне связи с русско-грузин-

скими отношениями, что привело к нежелательной односторонности в интерпретации такой, можно сказать, магистральной, определяющей линии в нашей многонациональной литературе, как тема войны и мира.

Что же касается произвольной, порою ничем не оправданной последовательности расположения материалов, «невыстроенности» сборника, снижающих уровень культуры издания любой книги как единого целого, то эта недоработка, к сожалению, наблюдается и в некоторых других аналогичных изданиях академического характера.

Л. ТИХОНОВА

-
- ◎ ДОКУМЕНТЫ

 - ◎ ПИСЬМА

 - ◎ ВОСПОМИНАНИЯ
-

„Я БЫЛ СЧАСТЛИВ С ВАМИ, С МОИМИ ГРУЗИНСКИМИ ДРУЗЬЯМИ“

●
ПИСЬМА
КАЙСЫНА ҚУЛИЕВА
РЕВАЗУ МАРГИАНИ

●

С КАЙСЫНОМ КУЛИЕВЫМ судьба свела Ревазу Маргиани тогда, когда Кайсын проникся глубокой нежностью к грузинской поэзии и был очарован ею, дружил с грузинскими поэтами, особенно с Симоном Чиковани и его семьей. Дружеские отношения между Кайсыном и Ревазом установились сразу же. Возможно, сказалось то, что родная Кайсыну Балкария, а Ревазу—Сванстия расположены на граничащих склонах Кавказского хребта. Кайсын шутил говорил обычно, что сваны — его далекие предки, и почти постоянно носил подаренную ему Ревазом рыжеватую сванскую шапку.

Постоянные встречи, происходившие в Тбилиси, Чегеме или Москве, делали их дружеские отношения все более прочными. Правда, семья Симона Чиковани для Кайсына

всегда оставалась первым и несравненным прибежищем в Тбилиси.

После похорон Симона Чиковани, когда все мы спускались с Мтацминды, глубоко опечаленный Кайсын тихо сказал Ревазу: «Я потерял в Тбилиси родной для меня дом». Реваз тотчас же со свойственной ему искренностью отозвался: «С сегодняшнего дня двери моего дома всегда для тебя открыты». И действительно, с того дня и Кайсын, и члены его семьи стали нашими верными друзьями и частыми гостями нашего дома.

Кайсын бывал постоянным участником всех значительных для Грузии общественных и литературных событий и празднеств и всегда и всюду ездил вместе с Ревазом.

В ноябре 1968 года по поручению Союза писателей

Грузии Реваз поехал в Нальчик на 50-летний юбилей Кайсына, который был несказано рад нашему приезду. На торжества, проходившие в Нальчике по этому поводу, съехались представители почти всех республик Советского Союза.

После официальных мероприятий Кайсын повез нас на машине в свой родной край.

Реваз был счастлив, наблюдая, с какой любовью и гордостью встречали повсюду балкарцы своего народного поэта. Со своей стороны и Кайсын устроил Ревазу праздник, организовав встречу со сванами, проживавшими в аулах Балкарии. Реваз был совершенно счастлив, когда получил возможность побеседовать со своими земляками.

Конечно, помимо дружеского общения, которое утвердилось между Ревазом и Кайсыном, их связывали также и деловые взаимоотношения. Это частично нашло отражение и в переписке Кайсына и Реваза.

По письмам Кайсына, которые публикуются ниже, можно судить, как много любви, заботы, участия он проявлял в отношении грузинской

литературы, как мгновенно отзывался на любую просьбу выступить, написать, помочь.

Реваз намеревался выпустить в издательстве «Мерани» сборник Кайсына Кулиева, посвященный Грузии, но, к сожалению, не успел это сделать при жизни. Сейчас все присланные нам Кайсыном материалы сборника я передала в издательство, и, надеюсь, эта пронизанная любовью к Грузии и грузинским поэтам книга будет издана.

Когда скончался Реваз, Кайсын был уже болен и находился в больнице. Выписавшись оттуда, он вместе с супругой посетил нашу семью. Он принес на могилу Реваза в Дидубийском пантеоне бесчисленное множество цветов и окропил ее горячими слезами.

К сожалению, оба сердечных друга уже обрели вечный покой, оставив по себе светлую память, прекрасную поэзию и немало замечательных свидетельств своей возвышенной и верной дружбы, которые читатель найдет и в публикуемых ниже письмах Кайсына Кулиева к Ревазу Маргиани.

Нино МАРГИАНИ

* * *

Дорогой брат мой, Реваз, здравствуй!

Спасибо, что вспомнил меня, старика. Пишу тебе несколько строк торопливо: улетаю. Посылаю три странички о Тициане. Я счастлив был сказать о нем это короткое слово. Обнимаю тебя. Сердечный привет Нине и всей твоей прекрасной семье, поклон твоему дому.

Твой Кайсын.

27.V.63.

Милый Реваз, здравствуй!

Я был счастлив с вами, с моими грузинскими друзьями. Бесконечно большое спасибо! Как обещал тебе, возвратившись

в Нальчик, сразу сел за Бараташвили. Посылаю тебе свою маленькую статью. Если понравится — напечатай.

Передай мой сердечный привет Нине, маме твоей, детям, Карло, Григолу, Иосифу, Бесо, Косте¹.

Обнимаю тебя, твой Кайсын.

16 августа 1968.

Дорогой мой Реваз, здравствуй!

Получив твое письмо, я решил откликнуться на твой зов — написал маленькое эссе, вроде о Грузии. Если подойдет, напечатай. Мы все живы. Мама дней 10 в больнице. Очень по вас, мои друзья, стосковался я. Съездил бы, да нет возможности — смотрю за детьми. Я надеюсь, что твое золотое семейство здорово. Всех вас сердечно поздравляю с весной. Мой самый душевный привет твоей маме, царице Нине и детям. Также передай мой поклон друзьям — Бесо, Григолу, Карло, Иосифу и другим. Как Ника Чиковани? Позвони ему и передай, пожалуйста, мой привет.

В Москве вышел мой двухтомник. Это приятное в моей нынешней трудной жизни событие.

Милый Реваз! Обнимаю тебя, помню, люблю, глубоко уважаю.

Всего тебе доброго!

Твой Кайсын.

17 апреля 1971.

Нальчик.

Милый Реваз, дорогой друг, здравствуй!

Спасибо тебе за письмо. Хотя у меня много неотложных долгов перед разными органами печати, всяких дел — по горло, получив твое письмо, сел писать заметки о моем отношении к благословенной грузинской поэзии и попросил сделать подстрочник стихотворения «Послание к грузинским женщинам». Если они устроят твою газету, буду рад.

Я, Мама и дети здоровы в той степени, чтобы можно было жить. Надеюсь, что твоя мама, Нина, дети — все в таком виде, как я видел их в Тбилиси.

Я написал и в конце августа отдал в литгазету небольшое эссе о тебе, надеюсь, что скоро напечатают. А еще я

¹ Карло Каладзе, Григол Абашидзе, Иосиф Нонешвили, Бесо Жгенти, Константин Лордкипанидзе — известные грузинские поэты, писатели, критик.

этим летом в Прибалтике написал стихотв. «Дом над Курой», посвятив его Нине и Ревазу Маргиани. Надеюсь также, оно скоро будет хорошо переведено на русский. Так что стараемся работать, думаем о друзьях и молимся за них.

Милый Реваз, прости, что текст заметок грязный. Перепечатывать некогда — 12-го я улетаю в Москву. Если же послать оттуда, я подведу тебя, а этого не могу позволить себе.

Передай мой нежнейший привет обеим Нинам и детям. Кланяйся Григолу, Карло, Бесо, Иосифу — всем нашим товарищам.

Какой царский, незаслуженно прекрасный прием оказали вы мне снова в дни моего последнего пребывания в Тбилиси! Огромное спасибо. Грузинские собратья во главе с Маргиани очень балуют меня. Я, конечно, счастлив этим и бесконечно благодарен за ту ласку, которую встречаю в твоём доме.

Всего тебе доброго, милый Реваз.

Обнимаю тебя. Любящий тебя Кайсын из Чегема.
9 сент. 1972.

Дорогой мой Реваз, здравствуй, брат!

Надеюсь, что сейчас у тебя все хорошо, здоровы вы все, мои дорогие Маргиани. Завтра я улетаю утром рано, поэтому пишу второпях. Тогда я должен был оставить свой этюд о Гогле. Теперь посылаю его тебе, милый Реваз. Я написал маленькую поэму памяти твоей мамы — Нины Виссарионовны.

Большой мой привет Нине и детям.

Обнимаю тебя, твой Кайсын.

23 июля 1973.

Дорогой Реваз, здравствуй, мой брат!

Мое пребывание в Дубултах подходит к концу. Здесь оказались Фейгины. Через них я и решил послать тебе «Свет матери» с просьбой передать эту маленькую поэму Георгию¹ для «Литературной Грузии» вместе с моим братским приветом.

¹ Георгий Цицишвили, известный грузинский писатель, критик, литературовед, академик, общественный деятель, директор Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели, в то время главный редактор «Литературной Грузии».

Надеюсь, что вы с Ниной вернулись из Нальчика здоровыми и все у вас хорошо. Вы, конечно, были потрясены смертью Миши Луконина. Я был так же поражен. Как неожиданно для нас это случилось!

Вот почему Гете сказал, что мы всегда продолжаем свой путь, идя через могилы друзей.

29-го я из Риги вылетаю в Москву — надо завезти туда Алимчика, чтобы он не опоздал в институт, а мы с Азаматом вылетим домой из Москвы 31 августа.

Милый Реваз! Мою поэму ты отдай Георгию Цицишвили только в том случае, если она тебе понравится. Перевел поэт, живущий в Ростове. Он переводил меня и раньше. Им же переведены и мои стихи, написанные Ираклию Абашидзе.

Подтверди получение письма, напиши мне.

Обнимаю тебя, мой дорогой Реваз. Сердечный привет Нине и детям.

Твой Кайсын.

P. S. Как Бесо? О нем тоже напиши мне, пожалуйста.
25 августа 1976.
Дубулта.

Дорогой мой Реваз! Шлю тебе мой братский привет. Я выполнил твое задание — составил список стихов, как договорились, и написал о себе и своей работе. Я, конечно, понимаю, что ты не можешь выпустить такую книгу, куда могли бы войти все стихи, намеченные мной, но я сделал большой список — 300 стихотворений, чтобы был большой выбор. Я сделал акцент на грузинских, балкарских и общекавказских. Может быть, не надо было? Не знаю, но я включил для выбора достаточно стихов и на общечеловеческие темы, касающиеся всех людей. Считаю, что это очень важно, независимо от того, какой будет объем книги.

Большое тебе спасибо за то, что ты собираешься издать мою книгу. Для балкарского поэта это важно и является честью. Мне понятно все большое значение твоего замысла, это братский поступок. **Благодарю тебя, брат!**

Прими еще мою сердечную благодарность за тот радужный прием, который вы с Ниной оказали нам в Тбилиси. **Спасибо!** Я низко кланяюсь Нине, моей преданной сестре, она была и остается для нас царицей Ниной. Мой большой привет ей и мое неизменное глубочайшее уважение.

Поклон всем твоим детям. Сердечный привет Нине и тебе, признательность Элизат.

Обнимаю тебя, милый Резо, желаю тебе здоровья, всего доброго.

Твой Кайсын.

12 апреля 1981.

Чегем.

Дорогой Реваз!

Прими мой привет и поклон. Пищу тебе несколько слов, уверенный, что ты, Нина, дети — все вы здоровы.

Я прилетел в Москву. После сессии Верховного Совета снова ложусь в больницу долечиваться.

Милый Резо! Если ты будешь издавать книгу моей прозы о Грузии, вместе со стихами включи, пожалуйста, в нее и два эссе о двух Абашидзе, написанные для издания моей книги на русском языке. Мне не хочется беспокоить тебя подобными вещами. Но неудобно, что Григол и Ираклий не будут в моей книге. Я ведь их люблю, они мне друзья. Черкни мне два слова в Чегем. Не ленись, горец! Мой многократный и самый сердечный привет царице наших душ и совести Нине и детям.

Обнимаю тебя, мой друг и брат! Твой Кайсын.

13.VI.1983.

Москва.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ДОКТОР ПРИБИЛЬ

ИВАН Антонович Прибиль — личность яркая и незаурядная, получившая признание в свое время — в прошлом столетии — и не потёрывшая интереса в наши дни. Чех по национальности, Прибиль получил образование в Праге, затем в Вене, а в 1808 г. приехал работать в Россию. Он был назначен в один из полков, находившихся в Грузии, и здесь прошла более чем полувековая деятельность врача-чеха, который в 1866 г. скончался в Тифлисе на 85-м году жизни.

Время, проведенное в нашей стране, полно для Прибиля напряженной и плодотворной работы. Он успешно возглавлял борьбу со страшными эпидемическими заболеваниями — чумой и холерой, которые несколько раз вспыхивали в Грузии. В течение многих лет он был главным врачом Тифлиского военного госпиталя и как лечащий врач пользовался огромным авторитетом. Когда осенью 1811 г. была создана комиссия для предотвращения эпидемии в столице, в нее был введен доктор Прибиль, как сказано в распоряжении, «известный в опытности его по заразительной болезни» (Акты Кавказской археографической комиссии, т. V, Т., 1873, стр. 31). В 1837 г. ему было предписано сопровождать во время путешествия по Кавказу Николая I, ибо ему, «по долговре-

мённому пребыванию на Кавказе, известны свойства климата того края и способ лечения болезней, наиболее там господствующих» (Акты, т. VIII, стр. 76).

Прибиль лечил Грибоедова, был близок с семьей Чавчавадзе. В некрологе, помещенном в газете «Кавказ» (1866, № 19), говорится, что «славное прошедшее» Прибилия интересуется всех более или менее знавших его.

Прибилия как одного из выдающихся врачей Грузии прошлого столетия вспоминают медицинские деятели наших дней. Об его заслугах идет речь в статье М. Саакашвили и Л. Чейшвили «Врач-чех в Грузии» («Заря Востока», 1958, № 137), в статье В. Пирожкова «Врач А. Грибоедова» («Вечерний Тбилиси», 1960, № 136) и др.

Прибилия знали и ценили не только люди, которых он лечил и которые с ним общались. Он был хорошо известен медицинской общественности: был почетным членом Кавказского медицинского общества, а также почетным членом С.-Петербургского общества врачей. Сведения о нем встречаются и в иностранной литературе.

В 1825-26 годах немецкий ученый Эдуард Айхвальд совершил путешествие по Грузии. Наблюдения и впечатления от этой поездки, старательно обработанные автором, изданы в Штутгарте в 1837 г. под названием «Путешествие по Каспийскому морю и по Кавказу».

В Грузию Айхвальд приехал из Баку. Он пробыл здесь довольно долго и совершил поездки по Западной Грузии и по Кахетии. На обратном пути он ехал по Военно-Грузинской дороге.

Четвертая глава книги Айхвальда посвящена описанию поездки в Кахетию. Первой остановкой на пути был Военный госпиталь, который привлек внимание путешественника и описан в его книге. Профессор медицинской академии в Вильно, а также член академий наук в Петербурге и в Бонне Эдуард Айхвальд не мог не заинтересоваться уровнем медицинского обслуживания и познаний врачей в стране, по которой он проезжал. «Примерно на расстоянии трех верст от города на берегу Куры находится новый прекрасный Военный госпиталь, состоящий из ряда просторных строений», — пишет автор. Он с одобрением говорит о местоположении госпиталя и отмечает, что температура воздуха в том районе всегда на два или два с половиной градуса меньше, чем в городе.

Помимо своих личных впечатлений от госпиталя, Айхвальд

использовал информацию, полученную от аптекаря Вильгельмса, который произвел на него очень хорошее впечатление как человек знающий, интересующийся своим делом и собравший богатую коллекцию кавказских растений. Со слов Вильгельмса он пишет о главном враче госпиталя — Прибиле, «который постепенно приобретал все больше уважения и в настоящее время является первым врачом в Тифлисе». Помимо него, как пишет автор, в госпитале работали в то время еще один старший врач и семь ординаторов.

Айхвальд особое внимание обращает на увлечение Прибиля методом Ганемана и гомеопатией. «Начало развития медицины как науки и искусства он считает уже не с Гиппократом, но с выступления Ганемана», — пишет он, очевидно со слов того же Вильгельмса. Однако полученные путешественником другие сведения несколько уточняют вопрос отношения Прибиля к гомеопатии. Так, врач госпиталя в Гомборах, с которым беседовал Айхвальд, уверил его, что Прибель отнюдь не полностью стал сторонником нового метода, но, руководствуясь собственным опытом, применяет другие способы лечения, которые могут принести пользу больному.

Заметим, что эти сведения, приведенные в книге немецкого ученого, вполне совпадают с тем, что сказано в брошюре Е. Красноглядова, изданной после смерти Прибиля. По свидетельству Красноглядова, он тщательно изучил «Органон» Ганемана, но в своей собственной деятельности «не придерживался ничьей системы лечения исключительно и не любил никаких крайностей».

Айхвальда, как видно, удивило, что новая гомеопатическая система лечения получила распространение на далеком от Европы Кавказе. «Это в самом деле поразительно, — пишет он, — что в Тифлисе уже к настоящему времени метод Ганемана получил столь большую известность». Автор отмечает, что в Вильно «этот метод не только не испробован, но совершенно неизвестен».

Информация Айхвальда отличается деловитостью специалиста, заинтересованного положением медицинского дела и методами врачевания.

Другой немецкий путешественник, обративший внимание на деятельность И. А. Прибиля, был также ученый — профессор Карл Кох. Он ездил по России и Кавказу во второй половине 30-х годов, а в 1842—1843 годах издал в Штутгарте два тома своих путевых описаний.

В Грузию он приехал по Военно-Грузинской дороге, а

затем из Тифлиса совершал различные поездки: побывал в Осетии, в Западной и Восточной Грузии, посетил Армению, а затем отправился на Северный Кавказ и оттуда через Одессу вернулся в Германию. Как отмечает Кох, зима 1836/37 года была особенно теплой, что позволило ему совершать разнообразные экскурсии.

Девятнадцатая глава второго тома его сочинения посвящена окрестностям Тифлиса и начинается с описания поездки в Навтлуг в Военный госпиталь. Кох, как и Айхвальд, встретился с Вильгельмсом — «кавказским ботаником», как он его называет, и рассматривал его прекрасную коллекцию растений. Именно Вильгельмс представил немецкого профессора Прибилю. В своей книге Кох отзывается о нем с большим уважением, высоко оценивая его как специалиста и как человека. «Он был так добр, что дал мне возможность ближе ознакомиться с госпиталем, который он возглавляет», — пишет автор. Кох, так же как и Айхвальд, отмечает удачное местоположение госпиталя в самой здоровой части пригородов. Он пишет о зданиях госпиталя, о порядке и чистоте, в которых они содержатся. Помимо основных помещений, «аптека, прачечная и баня находятся в прекрасном состоянии, ибо доктор Прибиль тщательно следит, чтобы они содержались в полной чистоте». Главный врач, аптекарь и некоторые служащие жили, по свидетельству Коха, в других домах недалеко от госпиталя. Известно, что улица, на которой жил Прибиль, была позднее названа его именем.

Кох касается заслуг Прибиля как лечащего врача и как высокообразованного специалиста с учетом современного научного уровня. Он указывает, что Прибиль «уже долгое время обосновался в Закавказье» и приложил много усилий для изучения и борьбы с эпидемическими заболеваниями. «Тамошняя медицина обязана ему чрезвычайно многим, ибо, несмотря на отдаленность от научной Европы, он более близок к науке, чем иной врач в Германии». Кох тут же отмечает, что, помимо собственных наблюдений и огромного опыта, Прибиль постоянно работал над специальной литературой и был в курсе новейших достижений медицины в других странах. «Несмотря на большую стоимость, он выписывает важнейшие журналы из Германии, Англии, Франции и тщательно их изучает».

Сведения Коха вполне совпадают с данными других авторов, писавших о Прибиле. Очевидно, он имел большие способности к языкам. Он знал европейские языки, а вско-

ре после приезда на Кавказ овладел русским и грузинским. Как пишет о нем Е. Красногладов, «зная латинский в совершенстве, французский, итальянский, несколько английский, в то время он был первым лингвистом на Кавказе». Это давало ему возможность следить за научной литературой, издававшейся в разных странах. Доктор Приселков в некрологе, напечатанном в газете «Кавказ» (1866, № 19), отмечает, что Прибиль следил «до самых последних дней своей жизни за всеми новостями медицины», и добавляет: «Я иначе и не заставал его, как в кабинете и непременно с книгою или журналом».

Его заслуги перед медициной еще определеннее оценены писавшими о Прибиле несколько десятков лет спустя. Кавказовед Е. Г. Вейденбаум писал, что Прибиля считали в свое время одним из наиболее образованных и знающих врачей в Тифлисе, а, по словам Приселкова, «не одна сотня медиков обязана ему тем научным направлением, с которым многие счастливо продолжают службу и до сих пор».

Из записок немецких ученых, созданных на основе личных впечатлений и полученных сведений, возникает привлекательный образ врача и человека Ивана Антоновича Прибиля, верного своему призванию медика, заслужившего своими знаниями и личными качествами глубокое уважение окружающих.

ОСОБЕННО люблю Грузию зимой. Может быть, потому, что в это время из ее городов уходит вовсе или становится минимальной внешняя декоративность (на которую обречены летом все южные города), когда отбывают туристы и отдыхающие и отчетливей, как стволы деревьев на снегу, видно то, что является основой ее серьезной, нелегкой, рабочей жизни.

Легкий снежок, который всегда воспринимался и в Кутаиси, и в Тбилиси как какое-то недоразумение, как бы замазывает белилами те детали, которые необязательны в прекрасном и чуть суровом пейзаже.

Я впервые попал в Грузию более тридцати лет назад—в декабре 1953 года мы с женой совершили паломничество, путешествие по «святым местам».

Мы ехали в Багдади, под Кутаиси — на родину Владимира Маяковского, «Амханаго Володи!» — как называл его в своей статье поэт и режиссер Николай Шенгелая. По Кутаиси нас водил Петр Иванович Чабукиани, легендарный старец, открывший ни много ни мало — первобытное чудовище — сатаплиозавра, следы которого он нашел на берегах Риони. Был он мудр, славен (о нем написа-

Дмитрий МОЛДАВСКИЙ

ЗИМНИЙ ЭТЮД

О ФИЛЬМАХ
ЭЛЬДАРА ШЕНГЕЛАЯ

ны десятки стихов и поэм, в том числе Верой Инбер, которая назвала его «хранителем веков»), лежок, подвижен.

Летающей походкой энтузиаста вел нас в горы к монастырю Гелати и предложил моей жене, страдающей ангиной, испить воду из какого-то горного источника. Она выпила, потом мы пошли дальше. На обратном пути мы еще испили этой воды. Наверху остались величественные контуры храма, белый снег и полустертая надпись на могильной плите у самых дверей собора — царь Давид Строитель завещал похоронить себя так, чтобы каждый мог попать его могилу! Мы шли вниз, говоря об этой прихоти царя, постепенно, как положено в общем разговоре, все повышая и повышая голоса. И тут жена заметила, что ангина у нее прошла!

И постепенно уходила скованность (если говорить честно, не очень-то сильная, не буду преувеличивать!) моих предыдущих лет.

В Багдади мы ходили из дома в дом. И я записывал от стариков (А. Нинуа, Ш. Ткешелашвили и других) — друзей детства и соучеников Маяковского — рассказы о его юности и о нем самом.

Потом я жил в основном в Абхазии — в Гагра и Сухуми и попал в Тбилиси еще лет через пять или шесть.

Это опять было зимой. Я дрожал от холода в храмах Мцхеты, где, разумеется, обнажал голову и не мог оторваться от произведений, созданных столетия назад, и в музеях у картин Пиромани и полотен Ладо Гудиашвили. Впрочем, в гостеприимном доме его и Нины Иосифовны было тепло!

В третий раз в Восточную Грузию я приехал лишь в декабре 1984 года. Мы опять ходили по музеям, были в театре, смотрели фильмы грузинских мастеров — и двадцатых годов, и новые — для этого-то я и приехал.

Именами многих из тех, с кем я встречался когда-то, названы теперь улицы или даже города.

В доме Нины Иосифовны Гудиашвили мне показали сертификат МАС (Международного Астрономического Союза) — удостоверение, что «малая планета № 2595—1979 км, открытая Рихардом М. Вестом в Европейской южной Обсерватории 24 мая 1979 года» в соответствии с правилами, утвержденными МАС, названа — Гудиашвили, в память Ладо Гудиашвили (1896—1980), великого художника и дорогого друга открывателя».

Ах, как далеко я отошел от своей темы!

А может быть, и не столь уж далеко?

Может быть, все это строки пролога к разговору о современном кинематографе Грузии, к его традициям и истокам?

В статье «Маяковское кино» («Звезда», 1983, № 3) я писал о влиянии В. В. Маяковского на советский кинематограф, речь шла о Н. Шенгелая, М. Чиаурели, М. Калатозове и других. Тема не стала для меня исторической. В том современном взлете кинематографа Грузии, который был неожиданным для ряда критиков, другие увидели великолепные традиции искусства конца двадцатых — начала тридцатых годов.

Я еще раз понял это, увидев старый немой кинофильм «Моя бабушка», созданный грузинскими кинематографистами еще в 1929 году.

Авторами сценария были Георгий Мдивани и Котэ Микаберидзе. Ставил его Котэ Микаберидзе, и он же выступил в главной роли. Как и все зрители фильма, я бесконечно благодарен режиссеру Лейле Горделадзе, восстановившей эту работу, которая, как мне кажется, должна занять свое место в истории нашего кинематографа.

Прежде всего, перед нами не столь уже частый сатирический фильм, злой, наступательный, гротесковый. Созданный в эпоху «Клопа» и «Бани», почти одновременно с «Кружевами» Сергея Юткевича и рядом постановок Вс. Мейерхольда, этот фильм вписывается в эпоху категоричностью и непримиримостью оценок, резкостью и гротесковой силой социальных характеристик, своей открытой плакатной тенденциозностью.

...Время от времени в центре экрана появляется огромный и круглый стол.

К столу ведет множество дверей с полным набором бюрократических лозунгов: «Без доклада не входить!», «Берегите бумагу!» и т. п. и т. д.

Даже если бы в титрах не было имени И. Гамрекели, можно было бы догадаться, что именно этот мастер — торатник Котэ Марджанишвили, который должен был когда-то оформить постановку «Мистерии-буфф» на горе Мтацминда, — художник этого фильма.

Чего только нет в этой удивительной картине! Есть здесь и начальник, играющий автомобильчиком — игрушечной копией служебной машины, и его заместитель, проливающий горячие слезы, — ему этой машины не дают!

И драка двух претендентов на место «повыше» по тарифной сетке. И портфель, набухающий, как почки весной. И гора бумажного мусора, которая все растет и растет. Курьер, едущий по перилам не только сверху вниз, но и снизу вверх. И гадание на таракане — бездельник плюет на таракана — попадет или нет — любит—не любит. Здесь есть и дурак, кидающий бумажных го-

лубей своей возлюбленной и стреляющийся от несчастной любви. И спящие в рабочие часы сослуживцы, и очередь несчастных посетителей.

Совсем как в сценариях Маяковского оживает мультипликация, и совсем в стиле его пьес — комсомольская кавалерия наносит удар по бюрократам!

Очень хорош в своей гротесковой пластике Котэ Микабери. дзе, играющий бюрократа — то на вершине славы, то вычищенного.

Его изломанная походка, его вихляющее тело, неожиданная смена его настроений и всего ритма движений — удивительны.

Он ищет «бабушку» — то есть протекцию, с той гротесковой простотой, как это было в известном стихотворении Маяковского «Протекция» и в известном рассказе Михаила Зощенко «Бывает»

Но происходит лихорадочная смена директоров. Незадачливый искатель протекции, приятно улыбаясь, протягивает очередному директору свое рекомендательное письмо, а директор — исчезает!

Старые, молодые, средних лет, они мелькают на экране, не успевая взять эту бумагу!

Двойная экспозиция, замедленная съемка, гротесковая игра всех участников действия без исключения — относят нас в далекие трудные годы. И напоминают о современности!

О других фильмах грузинского кинематографа двадцатых—начала тридцатых годов написано много (с большим интересом, в частности, я читал работы К. Церетели). Не хочу повторять других и самого себя. Но этот фильм помог мне понять то, что некоторые киновееды сочли явлением феноменальным — новый расцвет грузинского кино. Не буду вторгаться в дискуссии и споры задним числом — это всегда легко и просто. Меня, перечитывающего полемические статьи и выступления, удивило одно — стремление увидеть в сегодняшнем грузинском кино только сегодняшнее кино, без учета того, что делалось и на заре его существования, и то, что делалось и делается в живописи, в поэзии, в прозе, в архитектуре Советской Грузии!

И хотя кинофильмы, которыми мы восторгаемся уже сегодня, не столь уж часто несут черты внешнего влияния таких работ, как «Элисо», «Соль Сванети», «Хабарда» и очень многих других, нет-нет, а мы ощутим их воздействие столь же определенно, как в работе нашего современника не только обретающую неизменную достоверность цитату из Пироманишвили, но и ракурсы колористической ясности Елены Ахвледиани, и пылкую избыточность Ладго Гудиашвили, точность и фантазии Давида Какабадзе.

Грузинский кинематограф последних двух с половиной десятилетий нашел свою эстетическую точку опоры — это была эпоха, отделенная от нас пятью десятилетиями, но эпоха, заявившая о себе на многие-многие годы вперед.

Во всяком случае не только в русской и грузинской культуре, но и в творчестве писателей и художников современной Украины, современного Азербайджана и современной Армении мы наблюдаем тенденцию этого возврата к концу двадцатых — началу тридцатых, разумеется, с новыми этическими и моральными решениями, но связанными с теми или иными положениями эстетики тех далеких лет.

Грузинский кинематограф предстал перед зрителем в самых разных ракурсах — здесь и высокая патетическая трагедия, и лирический роман, и музыкальная драма, и ряд комедий.

Г. Данелия и Т. Абуладзе, О. Иоселиани и Р. Чхеидзе, Э. Шенгелая и Г. Шенгелая, Л. Гогоберидзе и другие... Перечисление имен режиссеров, сценаристов, операторов, художников, композиторов заняло бы немало страниц.

Буду говорить об одном из мастеров—об Эльдаре Шенгелая. Его брат — кинорежиссер Георгий Шенгелая.

Его родители — Ната Вачнадзе и Николай Шенгелая.

Говоря о писателе или художнике, мы умело восстанавливаем его социальное окружение «вообще», его классовые и идейные истоки. А вот самое близкое — семейное окружение — остается для нас порой как нечто второстепенное, хотя именно оно порой и формирует художника.

То, что досталось в наследство от национальной и мировой культуры молодому режиссеру, легко, органично и просто вошло в него вместе с воздухом детства; для другого — это долгие годы учения, поисков, находок...

Культ Н. Гоголя с детства. Преклонение перед В. Маяковским.

В 1958 году закончил ВГИК (мастерская С. Юткевича и В. Скворцова). Защищал как диплом фильм «Легенда о ледяном сердце», снятый вместе с А. Сахаровым на «Мосфильме». Затем «Снежная сказка» (с А. Сахаровым, также на «Мосфильме»), затем «Белый караван» (с Т. Малиава, «Грузия-фильм»), «Микела» (по рассказу Д. Клдиашвили), а затем те фильмы, которые заставили и критиков, и зрителей с симпатией и всерьез говорить о режиссере, забывая первые его работы. Но этого не следовало делать! Его ранние картины, поставленные вместе с А. Сахаровым по сценариям таких признанных кинорассказчиков, как В. Виткович и Г. Ягдфельд, уже говорили о фантазии, парящей над повседневностью, о тяге к мифологичности и легендарности. Это несомненно.

«Белый караван» (сценарий М. Элиозишвили, 1963) с его патетикой, с его романтическим сопоставлением характеров и ситуаций тоже носил черты этой легендарности.

Шло накопление качеств. Кинофильм «Необыкновенная выставка» не только определил собой начало нового этапа работы режиссера, но и подвел итоги предшествующего.

Сценарий фильма «Необыкновенная выставка» написал Резз Габриадзе, умный, тонкий, добрый, а следовательно наделенный юмором писатель, который вместе с Георгием Данелия создал превосходный фильм «Не горюй» и многие другие работы, о которых еще пойдет речь.

И фильм получился умным, добрым, с тонким юмором и. Тут-то я должен добавить — суровым.

Это фильм об ответственности таланта. И лирическая повесть, взойдя на экран, ударила по нервам не только того поколения, о котором она рассказывает, — она стала укором, она стала обличением... И тут-то я снова прерву самого себя — она стала еще и оправданием, но здесь нужно обратиться к экрану.

Человек, вооруженный автоматом, пригнувшись, перебегает от дерева к дереву — это его ненадежное укрытие. А кругом свистят пули, и мы видим, что пробежки происходят на самой грани жизни и гибели. Фронт. Падает человек с автоматом...

Далее мы попадаем в маленький городок, холодный, какими всегда бывают зимой южные городки, где так и не могут привыкнуть, что зима—это не случайность, не недоразумение, а неизбежное явление природы и время года.

И вот в этот холодный и голодный городок военных лет, к громогласному, бушующему и страстно жестикулирующему отцу Пипиния Эристави с фронта возвращается сын, застенчивый, угловатый, робкий (Г. Лордкипанидзе). Старик кидается в поисках ружья, чтобы отпраздновать это событие — как-никак в прошлом он полковник, кавалергард, его Георгиевский крест — предмет его неизменной гордости. Но сын отказывается от почестей — слыш. ком много выстрелов он уже слышал за свою жизнь.

Дальше, казалось бы, сюжет разворачивается с беспощадной прямолинейностью. Сын — его зовут Агули Эристави—скульптор. И безусловно талантливый. Во всяком случае его уважаемый учитель подарил ему глыбу паросского мрамора, из которого юноша мечтает создать Весну — символ счастья, восторга, юности. Казалось бы, до этой работы рукой подать. Но тут жизнь вносит поправку. Прежде всего он влюбляется в девушку-милиционера с коленками «в стиле Майоля», то есть достаточно плотными и вызывающими мысли не только об отвлеченной символике весны.

Дальше все идет как положено. Очень смешная сцена, когда из строя бравых милиционеров по команде выходят бойцы, находящиеся, как говорится, в интересном положении, доживающие последние дни. И в том числе та, которая могла бы быть Весной... Рождается ребенок. «Комиссия по оказанию помощи», в состав которой входят кто попало, включая и соседнего сторожа, отпустив молодому скульптору несколько квалифицированных советов, заодно выдает ему два или три кубометра дров — что ж, спасибо ей и за это! Но еды-то нет! И семья остается в пустом и голодном доме, во дворе которого, как воплощение мечты, стоит глыба мрамора, из которого ваял бы сам Фидий!

Трудные, тяжелые дни, с трагическими фронтовыми сводками Эльдар Шенгелая неторопливо рассказывает нам о быте семьи, о тех годах, о которых без боли и не вспомнишь...

Но вот в дом Эристави приходит женщина. Это вдова их соседа — и она обращается к скульптору с просьбой создать надгробный памятник ее мужу. В фильме Эльдара Шенгелая нет одномерных актерских работ — так смешаны гротеск и точность бытовых деталей в образе этой вдовы (арт. С. Канчели). Женщина предлагает за памятник мужу дать в голодный дом ровно столько продуктов, сколько бы покойный смог съесть до конца года. А муж был человек большого роста и хороший едок, что услужливо отмечает громогласный Пипиния Эристави (арт. В. Чхеидзе).

Надо сказать, что Агули Эристави — это своеобразная, очень органичная актерская работа Г. Лордкипанидзе.

Первоначально Агули, воспитанный в строгой классической манере, хочет создать покойного в виде античного героя, разумеется, в обнаженном виде. И создает. И это вызывает протест вдовы. И мы видим, как ее спутники уволакивают мешки с кукурузой.

Прекрасные тяжеловесные мешки, содержимое которых так пригодилось бы этой уже разросшейся семье... Но все обходится. Наш герой идет на компромисс. На компромисс вполне оправданный и объяснимый — ведь в конце концов где это видано, чтобы на кладбище стояли голые мужики! И его работа, вполне реалистическая, с некоторой поправкой на патетичность вкусов тех лет, удовлетворяет всех. И вот уже мешки в доме Эристави, вызывая радость и молодых и старых.

А дальше идут заказ за заказом. И лишь глыба паросского мрамора мокнет под дождем и снегом, неизменная, как несбыточная мечта. Только раз разъярился Агули — это тогда, когда пришедший провизор потребовал сделать ему памятник при жизни и обязательно из мрамора.

Итак, идет реальная жизнь. И существует мечта.

В реальной жизни горести сменяются радостями. Ушедший было из дома Агули возвращается к домашним пенатам. Грохочут салюты радостного дня Победы. Маленький, никому не известный человек — как говорят, одноклассник Агули и его друзей, организует школьный вечер. Благодарные друзья уезжают, забыв этого человека где-то за городом, у развалин величественного храма. А белая глыба мрамора так и остается нетронутой.

Но есть жизнь, есть семья. И есть работа, обеспечивающая эту жизнь, и несомненное уважение сограждан.

Эльдар Шенгелая и Резо Габриадзе ведут рассказ, грустно улыбаясь. Казалось бы, перед нами притча о человеке, отдавшем самое дорогое — свой талант — за нечто (какой ужас!) низменное и прозаическое...

Но содержание фильма не укладывается в эту притчу. Действительно, жизнь помешала этому скульптору воплотить свою юношескую мечту, но ведь он не ушел, скажем, в торговую сеть, не кинулся от искусства в кладовщики или в завсклады — и в улылке режиссера и сценариста есть не только ирония по поводу классической притчи, есть и понимание.

Великолепны кадры, когда вместе с нашим героем мы попадаем на ночное кладбище. Нет, это картина совсем не в стиле потрясающей сцены из повести А. С. Пушкина «Гробовщик», где в гости к герою являються его многочисленные клиенты. Здесь скульптор сам идет к своим умершим героям. И он, так и не создавший своей Весны, проходит рядом с изображениями десятков людей, которые что-то сделали в этой жизни, — кузнецов, землепашцев, строителей. В каждой фигуре — биография. В каждом лице — время. Это очень обыкновенные люди, и, вероятно, придавать им черты Зевса или Геры было бы странно.

Но и это еще не все... Не говорите, пожалуйста, об этом ни самому Агули, ни его ученику... Но подумайте, ведь мечта о Весне (это видно по репликам скульптора) не столь уж оригинальна — скорее всего мы увидели бы очередную работу под Огюста Родена или Якова Николадзе.

Люди на скульптурах Агули — те люди, которые создавали и создают жизнь. Э. Шенгелая вдруг ставит нас перед проблемой, гораздо более сложной, чем легко разрешимая (в теории) проблема — реальность или мечта.

Выяснилось, что чечевичная похлебка, за которую, казалось бы, продал свой талант молодой скульптор, оплатила серьезный, настоящий труд. Ведь необыкновенная выставка Агули Эристави — это множество образов тех, кого мы называем нашими современниками.

И здесь, вольно или невольно, раскрывается нечто большее. Ежегодно наши гуманитарные вузы выпускают тысячи молодых людей, которые приходят туда с мечтой стать ярким писателем, знаменитым режиссером, блестящей актрисой... Выходят они педагогами, рядовыми журналистами, организаторами самодеятельности. Все это серьезные и очень нужные работы. На них тоже нужны и способности, и знания, и энергия. И конечно, в сердце иных просачивается зависть к тем, кто приблизился к своей мечте (Агули у Эльдара Шенгелая зависти подчистую лишен, и в этом тоже его обаяние). Но каждый из них успокаивает себя: «Семья заела!», «Времени не было!». Агули, пожалуй, честнее их. И хотя автор сценария и режиссер наполнили дом скульптора множеством едоков, не без его участия, он просто понимает то, что так трудно и даже мучительно понять — «пороху не хватило!», оказалось, «кишка тонка» и пр. и др. Были способности, было умение. А большого таланта, который всегда побеждает быт, преграды, зависть, недостаток средств, — не было! Не было — и все тут!

А паросский мрамор? Его скульптор передает своему, может быть (он верит в это), более счастливому, то есть более талантливному (на Руси слово «талант» было синонимом слова «счастье») ученику.

Эту картину, поставленную еще в 1968 году, нельзя рассматривать отдельно от других. Хочется вспомнить столь прекрасно сыгранную Инной Чуриковой роль девушки-художницы в фильме Г. Панфилова «В огне брода нет» (тоже вышедшем в 1968 году) и ряд других персонажей уже последующих лет. Речь идет об искусстве и мере таланта, об искусстве как стихии и искусстве управляемом, об искусстве повседневности и искусстве мечты. И еще о сложности того, что мы называем творчеством.

Очень просто, зачеркнув (точнее, обрушив) все созданное скульптором, опереться на мрамор, который остался нетронутым, и произнести назидательные слова о чечевичной похлебке. Но авторы-то смотрят поглубже...

В 1974 году Эльдар Шенгелая поставил кинофильм «Чудаки», также по сценарию Резо Габриадзе.

Этот фильм имеет своей моделью сказку — здесь происходят чудеса, впрочем, предусмотренные расчетливой логикой нашего века; но еще в большей степени этот фильм связан с кукольным театром и с площадным действием, со всей галереей веселых плутов и обманщиков, которые появляются за ширмами на улицах и во дворах (это для меня — появляются, к сожалению, последний бродячий уличный кукольный театр я видел еще в тридцатые годы!), и есть в этом театре ученый и глупый доктор,

злой и не менее глупый полицейский, и коварная обманщица-жена, и герой — не то плут, не то простак.

Когда-то этот театр вскормил драматургию Александра Блока. Его «Незнакомка» и «Балаганчик» при всей их философской нагрузке (которую, кстати сказать, мы с каждым годом все увеличиваем и увеличиваем, наваливая на картонные плечи ее персонажей уже целые тома теоретических построений) прямым ходом идут именно отсюда. И прав был Сергей Юткевич, который в постановке этих вещей в Камерном театре не только обнажил эти связи, но и продолжил их, перейдя к фольклорным персонажам уже следующей эпохи (Чарли Чаплин).

Умирает бедный крестьянин. И как положено в народном творчестве, остается у него наследник, который, раздав за долги все его нехитрое наследство, отправляется в город. Здесь его ждут приключения, которые вот уже сколько веков у нас ассоциируются с именами героев Дж. Боккаччо, Поджо Браччолини. Маргариты Наваррской, со сб. «Тысяча и одна ночь» и сб. «Калила и Димна» (переведенном на грузинский еще в начале XVIII века), а еще раньше — с книгой Сулхана-Саба Орбелиани «О мудрости вымысла» и т. д. и т. п., народными притчами и сказками с их «миром наоборот», который известен фольклористам уже лет сто.

Сказки, песни и сценки, где все было «наоборот», возникли первоначально «оберегами», как средство от сглаза, защита от напряженно глядящего на человека злого рока. Об этом писал блестящий ученый-этнограф К. Зеленин, об этом писали многие другие, так и не ставшие модными.

Резо Габриадзе, несмотря на усиленные советы знакомых киноведев, книг по теории смеха не читал — во всяком случае, так пишет о нем А. Трошин в своей очаровательной книжке¹. Но и он и Э. Шенгелая твердо знали, как и положено людям с юмором, что смех оберегает от тоски и зависти, от скуки и лени, от бюрократического глаза и приятельской зависти. И вообще является необходимым компонентом полноценного бытия!

Итак, молодой Бреговдзе (его с большой непосредственностью и естественностью играет Д. Жгенти) отбывает в город, как две капли воды похожий на город в «Необыкновенной выставке» — только там мы в городе помоложе, а здесь действие происходит раньше, не то что в сказочные времена, а где-то в самом конце прошлого века.

¹ А. Трошин. Поэзия плюс юмор плюс кино (Герои и сюжеты Резо Габриадзе), 1983, с. 31.

Но и в эти несказочные времена было то же, что во времена Сулхан-Саба Орбелиани. Супруг прелестной дамы (А. Шенгелая) отбывает в путешествие (здесь он машинист, зовут его Трифон — арт. М. Элиозишвили), и гудок отходящего от станции паровоза немедленно направляет в его дом всех воздыхателей его жены.

Молодцевато шествует полицейский и начальник тюрьмы Одишария, тащится местный интеллигент — врач, владелец больницы... Короче говоря, все они попадают в камин, играющий здесь роль объемистого сундука, в который паковала своих поклонников гоголевская Солоха! Долго ли, коротко ли, но юный Брегвадзе попадает в ту самую тюрьму, которую охраняет полицейский Одишария (эту роль в остром комедийном рисунке, в полном соответствии с фольклорной традицией играет артист Б. Ципурия), и здесь на дне единственного каземата (напоминающего огромные врытые в землю сосуды для вина) содержится бородатый ученый. Он мудр, романтичен, всеведущ и обладает манерами не то тамады, не то военачальника (играет его уже полубившийся нам по «Необыкновенной выставке» В. Чхеидзе). Ученый занят делом — он изобретает, собственно говоря, он мог уже давно выйти из своего заключения, но тюрьма — единственное место на земле, где он может спокойно работать — никаких утомительных застолий, пиров, громогласных тостов! И он изрисовывает стены своего жилья формулами и схемами, подтверждающими, что любовь всегда вертикальна и, материализованная, может поднять в воздух летательный аппарат тяжелее воздуха.

Всю эту научную абракадабру талантливый Брегвадзе осваивает с ходу.

И вот они уже вместе с ученым добираются до тайны полета на зависть орлам, соколам и воронам!

А попутно они роют подземный ход и в конце концов вылезают наружу, на свободу.

Эльдар Шенгелая буквально изрисовывает ткань своей комедии трюками. Здесь и цирковые эскапады — коллективное ползание полицейских по подземному ходу, вырытому в виде буквы «О»; здесь и оперная вампука с бессмысленными, не попад музыкальными выкриками и аккордами; здесь и прямолинейные мотивировки народного зрелища с погрузкой разваливающейся кладки и т. д. и т. п.

Уже известный нам доктор, очевидно, решивший в соответствии с канонами отнюдь не сказочными провести научный эксперимент по изучению странной болезни «полетомании», и поли-

цейский сквозь пальцы смотрят на безумное строительство во дворе больницы, где появляется какое-то чудовище — гибрид арбы и вороны.

Есть в этих эпизодах элементы откровенной пародии. И режиссер, и художник вспоминают бесчисленные фильмы про этих романтических умельцев, которые за несколько минут экранный времени создают в домашних условиях что угодно — от скоростного самолета до атомного реактора. Но пародия лишь одна из черт картины; есть более весомая — это утверждение как раз того, что всегда было присуще фольклору — победа мысли над земной субстанцией, победа умной фантазии над бытом, человеческих черт — любви, трудолюбия, юмора над силами зла. И вот на глазах ошарашенных медиков и полицейских поднимается ввысь аппарат, построенный «полетоманами». Он летит все выше, под ним мелькают крыши и мосты, реки и горы . . .

Чудаки побеждают и на сей раз. И победу могут разделить с ними и Резо Габриадзе, и Эльдар Шенгелая, и оператор Г. Чирадзе, и художники Р. и Т. Мирзашвили. . . Но есть в этой победе и некоторый просчет. Та реальность, с которой столкнулся объектив съёмочной камеры, — все эти великолепно снятые горы, ущелья, речки, поля,—вдруг оказывается радостнее и убедительней, чем очень сказочный, очень уютный мир двух «сынов гармонии», построивших свой летательный прибор. Возникает что-то вроде жалости к этой неуклюжей машине, летящей над таким пестрым и веселым миром!

Вопреки фольклорной традиции «мир наоборот» оказывается вдруг — может быть это и не входило в планы Резо Габриадзе и Эльдара Шенгелая — обедненным по сравнению с миром реальным!

Я всегда был противником слишком уж откровенного соединения сказки и яви, да и сейчас убежден, что классическую сказку нельзя снимать «на натуре» — сказка в соединении с природой превращается уже в реалистический рассказ, к которому хочешь не хочешь, а предъявляешь совершенно иные требования. Выход один — природу надо «гримировать под сказку»!

Во всяком случае, на последних кадрах этого великолепного фильма я ощутил явную грусть и явную жалость к этим людям, летящим на своей странной машине так далеко от такой певучей, яркой, праздничной земли. . .

Критики и рецензенты фильмов Эльдара Шенгелая, да и других грузинских кинорежиссеров, легко угадывают цитаты из Н. Пироманишвили и почти никогда не говорят о живописной тради-

ции, точнее живописных традициях, оплодотворяющих фильмы мастеров кино.

Я упомянул имена и оператора, и художников; убежден, что создатели «Чудаков» не только с детства знали имена Александра Беридзе, мастера жанровой живописи, начавшего свою работу в Прошлом веке с его сценами народного быта, и народных мастеров Тбилиси, о которых с такой нежностью писал Ладо Гудиашвили в статье о Г. Григоряне (Джотто) — о Ване Ходжабегове, авторе множества рисунков, изображающих свадьбы, поминки, кутежи, о К. Григоряне (расписавшем кабачок «Симпатия») и о некоторых других.

Фильмы Эльдара Шенгелая, как правило, идут не только в русле настоящей, высокой литературы, они связаны с классической и народной живописью Грузии, Тбилиси и Кутаиси, но еще и с живописными ее традициями — пространства гор и долин еще задолго до вертолетов увидел Д. Какабадзе, а красоту страны задолго до модного «ретро» Елена Ахвледiani!

Речь идет не о «прямом влиянии». И оператор и художники «Необыкновенной выставки», и «Чудаков», и «Мачехи Саманишвили», и оператор Л. Пааташвили и художник Б. Цхакая, снимавшие последнюю картину Эльдара Шенгелая «Голубые горы или Неправдоподобная история», — люди со своим почерком, творчески оригинальные. Более того, стилистически последний фильм по своей изобразительной манере достаточно далек от упомянутых ранее. Но во всех фильмах есть улавливаемые черты общности — точность видения предмета, умение выхватить деталь из «быта» и увидеть как деталь натюрморта, вынести пейзажи из обыденности в «картинность», преодоление «салонности» и «красивости».

Следующей после «Чудаков» работой Эльдара Шенгелая был фильм «Мачеха Саманишвили» (сценарий Резо Чейшвили по известной повести Д. Квдиашвили), поставленный в 1977 году.

Картина эта идет в русле тех «грустных комедий» режиссера, к которым мы причислили его «Необыкновенную выставку» и «Чудаков».

Вещь эта требует специального разговора — здесь и проблема обращения к художественному видению прошлого, и вопрос об уроках Котэ Марджанишвили, поставившего в 1927 году фильм «Мачеха Саманишвили» по сценарию Н. Шенгелая; и вопрос о праве современного художника заново прочесть старое и хорошо известное произведение. . .

Кора Церетели, говоря о грузинском кинематографе, который постепенно осваивал традицию реалистической литературы, спра-

ведливо отнесла этот фильм двадцатых годов к экранизациям «по-настоящему творческим».¹

В последнее время (в связи с фильмом Эльдара Рязанова «Жестокий романс») споры о правах и возможностях экранизации приняли столь бурный характер, что уже один этот вопрос увел бы нас от нашей темы... Отметим одно — в «Мачехе Саманишвили» идет явное нарастание сатирических черт, столь очевидных, что при некотором сгущении красок дает критикам право сказать: «Духовное» самовознесение личности при любых обстоятельствах определяется Эльдаром Шенгелая как высшая ценность. Потеря внутреннего «я» отождествляется с моральным хаосом, разрушением».²

Для разговора о комедии сказано излишне академично, но по существу верно. Человек, человеческое, личность — в центре всего, что делает режиссер. Все, что враждебно человеку, — враждебно ему. И есть еще одна черта в работах Эльдара Шенгелая — ощущение праздника. Праздник этот может быть безудержным, веселым, ликующим, может быть подернутым печалью. Но все равно праздник есть праздник, когда будущее предстает светлым и ярким и когда вновь вспыхивает ощущение юности, проносющейся над тобой и в тебе. Хотя порой праздник этот относится куда-то в будущее и до него еще долгий путь, нуждающийся в расчистке.

Как у настоящего сказочника, у Эльдара Шенгелая есть любовь к сходным ситуациям, к похожим сюжетным поворотам.

И если бы мы прервали рассказ о художнике до последней его работы, до фильма «Голубые горы или Неправдоподобная история», то все было бы справедливо. Но новая работа — это уже отход от сказочности в обычном понимании. И хотя и здесь существуют интонации сказочника, налет фантастичности, умышленная предугаданность сюжета — перед нами фильм, где сказка соединена с публицистичностью, а милая интонация печального веселья приводит (уже не автора, а зрителя!) к резкости безапелляционного приговора.

Как читатель и как зритель, я попросту отвык от гротесковой комедии; сатирические и, главным образом, юмористические произведения (в «типовых границах») время от времени появляются — причем на экране чаще, чем в литературе. Вещи же гротесковые,

¹ К. Церетели. Николай Шенгелая, «Искусство», М., 1969, с. 15

² Л. Маматова. Невероятное очевидное. — «Искусство кино», 1984, № 11, с. 62.

заряженные пафосом классической советской сатиры, заставляющие вспомнить о Маяковском или Зощенко, у нас не столь часты

И кинофильм Эльдара Шенгелая поначалу кажется милой славной бытовой комедией. В некое учреждение, напоминающее издательство, занимающее целый дом, — то есть достаточно большое, является молодой человек по имени Сосо — человек этот не принадлежит, по-видимому, к числу ведущих и чтимых авторов, но, видимо, он что-то уже написал, напечатал и его немного знают. А так как он молод, симпатичен, полон надежд (все это очень ощутимо в игре Р. Гиоргобиани), то и отношение к нему наилучшее. Встречают его дружески, усаживают пить кофе, с ним приятно беседуют мужчины, слегка кокетничают дамы. И мы видим милого человека среди милых людей. Но у милых этих людей есть одна черта — все они, начиная от директора, человека, которого непрерывно вызывают то в вышестоящие, то в нижестоящие инстанции, равным счетом ничего не делают. Некоторые — главный бухгалтер — тощая старушка, непрерывно жалующаяся на то, что ее «качает», завхоз, мотающийся с одной и той же бумагой, зав. отделом, над столом которого висит картина, вот-вот готовая сорваться, — все они в движении, все они инсценируют работу. Но никто, решительно никто в этой редакции ничего не делает. Вероятно, какие-то материалы уже идут в печать, но это как раз то, что не требует работы... Премию-то они все ждут!

Бездельник-бюрократ прошедшего времени был прямолинеен и прост. Он был груб и откровенно бездеятелен. Таким он представлялся у Владимира Маяковского, таким возникал на десятках плакатов. Здесь тоже есть такой бюрократ «старой школы» — завхоз — подозрительный, грубый, тупой. Его биография легко прочитывается... Новый бюрократ обаятелен и предупредителен — в фильме эту роль создает Т. Чиргадзе — у него не возникает желания демонстрировать свою власть — ему достаточно и того, что она у него есть. Он не дерзит, не кричит, не бранится. Он не любит шума, не любит гласности. Его главная фраза: «Это хорошо, очень хорошо!». Это не Победоносиков — это, скорее, Оптимистенко, ласковый, задушевно вежливый, своекорыстный бездельник. И люди вокруг него тоже вежливые, воспитанные, с дипломами и передипломами. Обаяшки и модники. Войди к ним в контору, и ты убедишься в этом! Они оценят рисунок вашего галстука. Они даже оценят ваши стихи или рисунок и охотно поговорят на темы литературы или искусства, посоветовав на отставание поэзии или кинематографа.

Но нутро у них то же, что и у персонажей комедии двадца-

тых годов — то есть нутра нет, есть только пустота, на какое-то время заполняемая барахлом и жратвой (хотя именно такие слова — «барахло» и «жратва» им глубоко чужды — они в силу деликатности натуры предпочли бы что-нибудь помягче — «кушанье», «вещички»); все остальное их не волнует. И меньше всего — работа!

Увы, нормой стало в их среде не только безделье, но и терпимость ко всему плохому. Когда обнаруживается трещина в стене, идет спокойное размышление: что это — строят метро или здание подпольной артели? Лишь бы не напрячь своих сил, лишь бы не перетрудиться. И то, что требует хотя бы минимального напряжения сил — ну, хотя бы прочитать рукопись, — уже оказывается невозможным!

И мы видим, что, попав в это издательство, мы вдруг очутились в каком-то липком вареве, где существуют свои огорчения (грохот команды мотоболлистов), ревность некстати являющегося мужа (когда он только работает?), взаимная неприязнь и прочее. Но к работе это не имеет ровным счетом никакого отношения. Потому что работы нет.

Я всегда старался уйти от «серьезных» разговоров с бездельниками и болтунами, отшучивался как мог. Поэтому часть этого населения (безусловно меньшая) считала меня остроумным парнем, а большая — человеком легкомысленным, не способным к глубокому, философскому обозрению бытия... Для меня же бездельники инстинктивно были врагами. Когда я входил в «творческий буфет» киностудии, где тогда работал, и видел над «чашечкой кофе» одни и те же вальяжные, неторопливые жесты и слышал специфические «кофеварочные» фразы, меня это сперва смешило. Но потом я понял, что бездельники не столь уж безобидны. Речь шла не только о потерянном времени — чаще всего их скромные дарования вряд ли помогли бы превратить это время в нечто особенно полезное; здесь за столиками в прикрытии собственной бесталанности рождались довольно-таки поганенькие теориейки, слухи, сплетни. Ни один человек не признается, что он бездарен — будет все валить на жену, на товарищессу, на общество, врать, клеветать. И вот уже примешивается к запаху сомнительного кофе еще более сомнительный запах зависти, подлости, лжи!

И тут мы начинаем вспоминать, что не только бывали в этом издательстве. Сатирический толчок, который дали нам сценарист Резо Чейшвили и режиссер Эльдар Шенгелая, достаточно силен, чтобы мы увидели сразу же, что дело не просто в редакции, что

подобные «коллективы» можно обнаружить почти в любом институте, почти на любом производстве.

И именно эти нарастания бытовых черт, бытовых деталей, бытовых поступков, которые вдруг приобретают чудовищные формы всеобщего безделья, превращают комедию «Голубые горы» в остро-сатирическую. Да, в ней есть общее с сатирой Маяковского — ненависть к тунейдцам, бездельникам, бюрократам. Но ненависть, если хотите, такая же вежливая, как эти самые бюрокра-ты.

Смотря «Голубые горы», я вспоминал фильм Котэ Микаберидзе «Моя бабушка». Но там указующий перст сатиры был обращен на лица, достаточно несимпатичные и чуждые нам. Перед нами пред-ставали люди, если не на лбу которых, то уж во всяком случае на двери их воображаемого кабинета было написано, что они бюрократы и бездельники. Здесь указующий перст обращен на нас самих, и мы вдруг увидели себя в этой же компании.

Позвольте, разве это не вы или я уходим с работы потому, что нас вызывают на какое-то никому не нужное совещание? Раз-ве это не вы или я выбегаем в соседний магазин потому, что по-сле работы там вырастет неминуемая очередь? Разве это не вы или я в рабочее время проводим собрания, готовим шахматный турнир, вылазку на лыжах или за грибами и т. д. и т. п.?

Я смотрел в Тбилиси театр марионеток Резо Габриадзе. блестящего кинодраматурга, о котором шла речь выше, остроумней-шего режиссера и одаренного художника. Я смотрел у него пье-су «Альфред и Виолетта» — пародию на «Даму с камелиями» Александра Дюма-сына и на «Травиату» Дж. Верди. Действие ее перенесено в наши дни и начинается с того, что группа еще сов-сем молодых бездельников где-то у калитки (которую они в кон-це концов сворачивают) обсуждает модные проблемы не хуже нас с вами: Достоевский, Фрейд и... Буратино. Это последнее имя сразу вводит нас в интеллектуальный и возрастной круг этой мо-лодежи, а мелкие детали вроде папочки, срочно прибывшего из Кисловодска, где он отдыхал по путевке, или школьное сочинение, утвержденное ВАКом как докторская диссертация, подчеркивают веселую связь мелодрамы и нынешней реальности. Пародия за-ставляла увидеть истоки безделья — от юношеских первых шагов в этой области. В фильме все больше народ зрелый, солидный. Нет, речь идет не только о милых коплегах из редакции; речь идет о большае. Атмосфера, когда лень воспринимается не как социальный порок, а как милая слабость, когда честнейший человек, который никогда не позволит себе «зажать» даже пустя-ковый долг, обманывает государство на стесимость своей зарпла-

ты (а может быть, кандидатской или докторской надбавки) ежемесячно; когда самый демократичный, самый милый руководитель в общем тоже занимается чем угодно, кроме работы,—эта атмосфера знакомая и существующая, увы, не вне нас, а как бы внутри нас. Я согласен с А. Афанасьевым, который писал: «Там, где труд из категории нравственной и первоосновной переходит в области механического функционирования, люди теряют свою духовную состоятельность. В «Голубых горах» герои бездельничают, никто ни за что не отвечает, и как следствие никому ничего не дорого»¹.

Сатирики школы Маяковского и Зощенко хорошо знали своего противника — он был рядом с ними, и каждое его движение прочитывалось без телескопов или биноклей. Эльдар Шенгелая и Резо Чейшвили знают своих противников еще лучше — они, увы, не только рядом с нами, они внутри нас. И тут возникает ситуация, которая заставляет вспомнить сперва гротесковые кошмары Кафки — они-то поближе к поверхности, а потом уже вечную глубинную трагедию, созданную великим Гоголем.

«Голубые горы, или Неправдоподобная история» — это кинофильм, снятый в высочайших традициях советской сатиры. В нем есть все — определенность социальной позиции, высокий оптимизм и неизбежная ярость, достаточно хорошо сдерживаемая и прикрытая вежливой улыбкой «у нас — как у всех». Та ликующая праздничность, которая, соединенная с исконным юмором, так привлекала нас в работах грузинских кинематографистов, здесь становится фоном, зловещим фоном, на котором возникают, увы, не тени, не ожившие «мультики», а вполне реальные фигуры.

Сила сатирического фильма еще и в том, что где-то в биографии всех этих людей было что-то настоящее — кто-то был танкистом (правда, еще до войны), кто-то строил, кто-то писал. Но здесь, погруженные в непреодолимую лень, в ритуал ежедневного безделья, все они теряют то, что делало их гражданами и людьми. Неизвестно, чем кончится история с повестью «Голубые горы, или Тянь-Шань» — директор издательства долго не может напрячь свой мозг, чтобы запомнить, что это не две повести, а одна. Скорее всего автор ее благополучно впишется в коллектив бездельников и станет таким же завсегдадаем, как несчастный старик-маркшейдер, имевший неосторожность принести сюда свои басни и уже втянутый в орбиту всеобщего пустодействия. Со.

¹ А. Афанасьев. Круговерть. «Советская культура», 20 ноября 1984 г.

со уже кое-что постиг, во всяком случае данную ему рукопись он лихо передает первому встречному.

В фильме «Голубые горы» Эльдар Шенгелая с трудом проводит нас сквозь баррикады внешней благостности и благопристойности, с трудом пропихивает сквозь узкие проходы между вежливыми фразами и любезными жестами. Он будит в нас ненависть к этим людям, тем более накаленную, что она почти безрезультатна.

В фильмах и спектаклях двадцатых—начала тридцатых годов все исправлялось ударом молнии, которой была статья в газете, снятие главного бездельника, взрыв и грохот машины времени и т. д. и т. д. Нынешних бюрократов взрывом не возьмешь. В заключительной части «Голубых гор» здание, где помещается издательство, рушится. Падают крыша, обваливаются стены. Но все персонажи уцелевают. Они переселяются в новое прекрасное здание, и уже оттуда доносятся до нас их голоса, лениво препирующиеся по поводу все тех же мелочей. Работать они не могут, не хотят и не будут. Таков вывод режиссера. Это понимаем и мы. И все-таки в фильме Эльдара Шенгелая есть тот оптимизм, который был присущ классической литературе и театру нашей страны во все времена. Оптимизм смеха.

И вера в работающих, думающих, творческих людей. Придут такие люди и предложат сотрудникам издательства, где лежит рукопись «Голубых гор»: «Или работайте, или уходите!».

Что ж, в жизни бывают и такие случаи! И уже одно то, что бюрократы получили в этом фильме еще одно предупреждение, не последнее, но все-таки предупреждение, говорит, что не столь уж безмятежно будущее всех этих милых и воспитанных бездельников.

Добрейший сказочник? Злой сатирик? Не будем торопиться. Во всяком случае — гражданин.

В этом сила Эльдара Шенгелая — талантливого, умного и яркого мастера советского кинематографа.

Коллектив редакции и редколлегия журнала «Литературная Грузия» сердечно поздравляют главного режиссера фильма «Голубые горы, или Неправдоподобная история» Эльдара Шенгелая с присуждением ему Государственной премии СССР.

С ИМЕНЕМ народного артиста СССР Акакия Васадзе связаны блестящие страницы становления и развития грузинского советского театра.

Васадзе — яркий представитель того поколения молодежи 20-х годов нашего века, которое сыграло значительную роль в истории грузинского профессионального театра.

После Октябрьской революции и особенно с окончанием гражданской войны в театры, студии, учебные заведения нашей страны пришло новое поколение молодых советских актеров и режиссеров. Они принесли в искусство новые идеи, новые черты сценического воплощения. Это были в Москве актеры и режиссеры, пришедшие учиться к Всеволоду Мейерхольду в 1921—1922 годах, а также актеры, пришедшие из Второй студии Московского художественного театра в труппу этого театра в 1924 году. Подобный же процесс совершился в двадцатых годах в грузинском театре. Здесь новое слово в искусстве сказала труппа молодых актеров, объединившихся вокруг замечательного режиссера Котэ Марджанишвили в 1922 году в театре имени Руставели: Верико

**Александр ФЕВРАЛЬСКИЙ,
Ирина РАТИАНИ**

ГОРДОСТЬ ГРУЗИНСКОГО ТЕАТРА

Анджапаридзе, Тамара Чавчавадзе, Акакий Васадзе, Ушанги Чхеидзе, Акакий Хорава. В каждом из них могучий талант соединялся с неповторимой личностью.

Первая же работа Котэ Марджанишвили в театре имени Руставели — постановка пьесы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна» (25 ноября 1922 года) — произвела переворот в грузинском искусстве. Насыщенное народно-освободительным содержанием произведение классика мировой драматургии на советской сцене превратилось в спектакль, овеянный духом Октябрьской революции: в театре зазвучали слова, полные революционной страстности.

Акакий Васадзе играл роль молодого крестьянина — весельчака и поэта Менго. Актер захватывал зрителей весельем и шутками в комедийных сценах и глубоко волновал в драматических. Яркий темперамент и талант актера сделали многие сцены спектакля впечатляющими, а самый образ — одним из центральных в спектакле.

Образ Менго стал как бы прародителем будущих многочисленных ролей Акакия Васадзе — героических, характерных и комедийных. Перед Васадзе открылся широкий простор для творчества. Занятый во многих спектаклях Марджанишвили, он смог плодотворно проявить свои актерские данные. Крупнейшей работой Васадзе в этот период стал также образ короля Клавдия в постановке «Гамлет» (1925), где роль Гамлета великолепно исполнял молодой талантливый артист Ушанги Чхеидзе. Постановка «Гамлета» была выдающейся работой театра имени Руставели. Как никогда ранее роль Клавдия в результате общего замысла режиссера и благодаря мастерству Васадзе стала значительной и выдвинулась на передний план.

Уже в ранний период в разных ролях выявился основной характер актерской деятельности Акакия Васадзе: акцентация смыслового содержания роли, чувственная насыщенность слова и темпо-ритмическая разработка образа в пластике. В это время особо отмечали высокую технику молодого артиста, исполняющего диаметрально противоположные по характеру роли, упорно стремившегося развивать свою творческую самостоятельность. Увидев в нем ищущего, мыслящего актера, Марджанишвили больше чем кому-либо из молодых актеров предоставлял ему возможность самостоятельно искать пути и средства к раскрытию образов.

К периоду работы с Сандро Ахметели Акакий Васадзе был уже окончательно сформировавшимся ведущим актером, поборником выдвинутых Ахметели принципов и форм героико-романтического театра — принципов, которые он претворял в спектаклях «Анзор», «Разлом», «Разбойники».

История театра знает имена великолепных мастеров, блеснувших в определенный период жизни и впоследствии овеянных ореолом легенды. После Абесало Саламтадзе, Менго, Клавдия и многих других, и особенно Франца Моора, Акакий Васадзе, даже если бы он и не создал более ничего нового и значительного, остался бы легендой в истории грузинского театра. Но Васадзе принадлежал к числу постоянно растущих, изменяющих стиль, неутомимо ищущих и дерзающих художников, был талантливым, истинным мастером, владевшим высокой профессиональной культурой, что доказывают созданные им в следующий период блестящие образы Яго, Киквидзе, Шуйского, царя Ираклия, Пепия, короля Лира, пастора Мандерса и многие другие.

Среди выдающихся мастеров театрального искусства Васадзе выделялся необычайным разнообразием правдиво и впечатляюще воплощенных им на сцене человеческих характеров, пришедших из национальной и зарубежной драматургии, в том числе классической. Актер Васадзе был одинаково полнокровен и силен в трагедийных и героических ролях, в высокой и бытовой комедии, а также в психологической драме. Так удивительно соседствуют в его творчестве отважный возначальник Киквидзе и образ безвинного страдальца Пепия, мудрый вождь Свимон Леонидзе и ярко комедийная фигура хитрого лентяя Комбала, царь Ираклий и Кваркваре Тутабери, Яго и генерал Пантелеев, Дариспан и пастор Мандерс, Крутицкий и Маэстро, Шуйский и Анания, король Лир и Франц — и трудно сосчитать, сколько еще прекрасных театральных образов создано им и при этом создано самыми разными сценическими средствами.

И все же творчество Васадзе тяготело к трагедийным, философски осмысленным ролям с широким охватом человеческих страстей. Отсюда его многократное обращение к Шекспиру — и в театре имени Руставели, где прошли 38 лет его творческой жизни, и в других театрах. Шекспировские роли: Яго, Клавдий, король Лир, Макдуф, Ричард III — особая страница в творческой биографии Васадзе. Он был на-

стоящим шекспировским актером. Красота шекспировского слова расцветала в музыкальности его речи.

Сценические образы, разработанные им совместно с режиссерами разного творческого почерка, свидетельствовали о том, что Васадзе — не только многоплановый актер, но и художник с неисчерпаемым творческим потенциалом: и действительно, это был артист, наделенный редким даром перевоплощения. Возможности, данные ему природой, он с большим знанием своего ремесла и высокой художественной культурой оснастил отточенной актерской техникой, чрезвычайно обогатившей его выразительные возможности.

Особенности исполнительского стиля Васадзе — в основном интеллектуальный (не рационалистический!), в то же время глубоко эмоциональный характер воплощения образов, и своеобразная, мастерски отточенная техника — сыграли реформаторскую роль в развитии грузинского актерского искусства. Разумное начало в процессе создания образа у Васадзе действовало наряду с интуитивным и эмоциональным. Васадзе всегда много размышлял над ролью, изучал сценическую историю персонажа, создавал стройную систему взаимоотношений своего героя с другими действующими лицами, детально разрабатывал каждый штрих, взвешивал каждый нюанс. И вот когда интуитивно достигнута и разумно осмысленная деталь предстала перед внутренним взором актера, когда жизнь персонажа, его действия и поступки были логично выстроены и выверены, когда детально были разработаны каждое слово и каждая ситуация, когда были зафиксированы все нужные выразительные возможности — вот тогда актер мог вдохнуть жизнь в свое создание, оживить его своим чувством, вот тогда начиналась его сценическая жизнь.

Одна из особенностей, которая отличала Васадзе, — поразительная способность образного мышления. Сценическая речь Акакия Васадзе была полна смыслового значения. Каждое средство сценического выражения — интонацию, жест или мимику он направлял на яркое определение сказанного. Вместе с тем каждое слово непосредственно рождалось из атмосферы сценической ситуации. На сцене Васадзе не только произносил текст речи, а «мыслил» текстом и насыщал его сценическим значением; с этой способностью связано его тонкое «чувство партнера», уважение и внимание к партнеру на сцене, своевременная реакция на него. Поэтому во время

пребывания Васаде на сцене исключалось нарушение или ослабление ритма спектакля.

Особыми физическими данными Васаде не отличался. Это был человек среднего роста, крепкого телосложения, с резко очерченными чертами лица: в молодости отчаянный бунтарь, в зрелости же — предельно сдержанный, даже степенный. Голос его также не отличался особым тембром. Однако его вполне обычная внешность на сцене приобретала совершенно особые свойства; если это было нужно, его крепкое тело становилось вдруг немощным и, что особенно важно, удивительно выразительным. Даже среди выдающихся актеров редко можно встретить обладателей такого выразительного и пластичного тела. Васаде не только словом и взглядом, не только выражением лица и жестом отсражал переживания и мысли — выразительна была и сама фигура. И пусть не покажется парадоксальным утверждение: он не только «влезал в шкуру» изображаемого им лица, но как бы физически перевоплощался в него. Иначе чем еще можно объяснить факт, свидетелями которого мы, зрители спектакля «Обвинительное заключение», были совсем недавно: в роли Исидора, в 75-летнем возрасте, довольно уже тучный А. Васаде в «сцене суда» вдруг на наших глазах худел — становился прозрачно-бледным, немощным.

В удивительный инструмент превратил Васаде свой голос: голос и сценическое дыхание были поставлены на такой высокий профессиональный уровень, речь была так насыщена различными интонациями, что в сложнейших регистрах и тональностях он мог придать необычайно выразительное звучание монологам и особо выделяемым фразам. И в таких его сценах никогда не было преувеличения, перегиба, экзальтации или, как он сам говорил: «истерии и лишнего пота». Любые его сценические эмоции проходили под строгим самоконтролем.

Не будем говорить о глазах — глаза многих актеров были очень выразительны, но руки... редко видели мы актера, у которого были бы такие выразительные, такие артистические руки. А как мастерски умел он использовать эти свои «талантливые руки» — только об игре его рук в роли Яго, Шуйского, Чадунели можно было бы написать не одну страницу. Во многих спектаклях Акакий Васаде простым, даже самым скучным движением руки мог передать

необходимое сценическое переживание, дать нужную психологическую картину.

Как удавалось ему так мастерски использовать свои физические данные на сцене? Конечно, это нельзя объяснить только тренировкой и работой над собой, хотя он сам в молодости уделял большое внимание тренировке и неустанной работе над владением своим телом. Это — секрет природы художника. Однако разве не овеяно тайной все то, что связано с настоящим, высоким искусством? Акакий Васадзе на всю жизнь сохранил благоговейное отношение к сцене. Он был актером в самом высоком и прекрасном значении этого слова. Васадзе служил театру в глубочайшем смысле понятия «служение». Для Васадзе сцена была не только делом жизни, смыслом и целью его существования, но самым святым местом, откуда перед народом надо было сказать слово, исходящее из сердца и пропущенное через разум.

Это выражалось в том, как он готовился к спектаклю, как приходил в театр на спектакль, как жил во время спектакля не только на сцене, но и за кулисами. Ничто другое в это время для него не существовало. Это сказывалось также и в том, как он говорил о театре.

Акакию Васадзе игра была необходима как воздух, его душа, его сердце всегда были обращены к сцене. Одно из замечательных свойств его таланта мы бы назвали «жадностью к творчеству», и это свойство никогда не оставляло его. Оно, это свойство, определяло и постоянное стремление актера к выявлению в себе все новых и новых творческих возможностей: именно оно обусловило постоянные поиски им на каждом этапе творческой жизни методов их воплощения и способов их выражения. Выступая на сцене на протяжении 60 лет, Васадзе постоянно углублял и совершенствовал свое мастерство, и в преклонном возрасте захватывая зрителей своей поистине молодой энергией.

Безусловно, блеск его таланта основывался на упорном и непрерывном труде. Превосходный исполнитель ведущих ролей, признанный мастер сцены, Васадзе никогда не отказывался от эпизодических ролей и работал над «маленькими ролями» с такой же увлеченностью и любовью, как и над крупными. Более того, он придавал исключительное значение исполнению эпизодических ролей в процессе становления актеров и не раз подчеркивал, что именно работа над

эпизодическими ролями дает возможность молодому актеру обогатить свои выразительные средства.

С большим интересом знакомился Васадзе с достижениями русского и западноевропейского театров, с творческими принципами Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, с искусством выдающихся актеров, с различными художественными направлениями.

Огромную роль в формировании его творческой личности сыграли традиции грузинского театра. Недаром в своих публичных выступлениях, в беседах, в своей педагогической деятельности он с увлечением вспоминал о творчестве таких корифеев сцены, как Ладо Месхишвили, Васо Абашидзе, Мако Сапарова, таких своих замечательных партнеров, как Верико Анджапаридзе, Акакий Хорава, Ушанги Чхеидзе, разумеется, таких своих учителей, как Котэ Марджанишвили, Сандро Ахметели, Валерий Шаликашвили, Художник, твердо стоявший на национальной почве, он был уверен в том, что настоящее, правдивое искусство должно развиваться, опираясь на лучшие достижения национальной культуры.

Творческая натура Васадзе постоянно обогащалась знаниями в области живописи, музыки, литературы, истории, философии и даже таких наук, как физиология и психология. Так, например, в его архиве нашли конспекты трудов Бехтерева, составленные им еще в молодые годы. Это, видно, относится к периоду, когда театр имени Руставели под руководством С. Ахметели в своей сценической практике использовал начала биомеханики и был заинтересован рефлексологией.

Разнообразие интересов, жажда знаний наряду с личной энергией и обусловили то, что Васадзе уже в молодые годы был не только ведущей актерской силой, на которую могли спереться реформаторы грузинского театра — Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели, но и их единомышленником, достойным защитником их дела, инициатором многих важных для театра начинаний, таких как образование в театре корпорации «Дуруджи» и основание экспериментальной актерской студии. Именно поэтому Марджанишвили угадал в нем будущего режиссера и, возможно, руководителя театра, именно поэтому Ахметели использовал его в качестве сопостановщика таких важных для театра спектаклей, как «Анзор», «Лево руля», «Тетнульд», а в дальнейшем дал ему возможность работать режиссером самостоятельно.

Становление Акакия Васадзе как постановщика и дальнейшее развитие его режиссерского мастерства тесно связаны с периодом его работы в качестве художественного руководителя. В театре имени Руставели он создал такие масштабные, этапные спектакли, как «Арсен» по пьесе С. Шаншиашвили и «Великий государь» по пьесе В. Соловьева, на долю которых выпал большой успех не только в Грузии, но далеко за ее пределами.

Еще будучи молодым, но уже хорошо известным актером, за плечами которого, однако, не было большого опыта самостоятельной режиссерской работы, Васадзе в 1935 году возглавил театр имени Руставели. После К. Марджанишвили и С. Ахметели руководство театром, развитие его творческой жизни и повышение его престижа были делом очень ответственным для такого молодого деятеля искусства, каким был Васадзе. Этот экзамен, однако, Акакий Васадзе и весь коллектив театра с честью выдержали.

Уже в 1936 году постановка «Арсена» и гастроли театра, проведенные под руководством Васадзе в Москве, принесли театру имени Руставели большую победу — он был признан одним из правофланговых и передовых в советском театральном искусстве. Постановка «Отелло» в 1937 году и прежде всего дуэт Акакия Хорава (Отелло) и Акакия Васадзе (Яго) стали выдающимся явлением в театральной жизни. Большое принципиальное значение имел появившийся в труднейший период Великой Отечественной войны спектакль «Киквидзе», в котором Васадзе выступил как режиссер-новатор и блестящий исполнитель заглавной роли. А поставленный Акакием Васадзе в 1946 году «Великий государь» был настоящим новшеством в сценическом воплощении пьесы на историческую тему.

В период своего руководства театром Васадзе энергично защищал героико-романтическое направление театра, основу которого заложил К. Марджанишвили и которое с таким блеском выразительных средств развил С. Ахметели. Конечно, это направление Акакий Васадзе осуществлял в иных формах и в соответствии с новыми требованиями времени. Проявилось это, в частности, в превалировании внутренней правды образа и психологизма переживаний над внешне выразительными, преимущественно зрелищными средствами, что обнаружилось не только в игре актера, но и в оформлении спектаклей. Героико-романтическое направление грузинского театра Васадзе развивал в соответствии с методом

Станиславского и Немировича-Данченко, сплавив воедино героико-романтический пафос с принципами реалистического стражения. Силой социалистического реализма и блестящим сценическим искусством театр на протяжении десятилетий завоевал сердца не только рядовых зрителей, но и выдающихся мастеров русского искусства — В. И. Качалова, В. И. Немировича-Данченко, А. Толстого и многих других.

«В небе несметное количество звезд, и каждая из них имеет свое свечение — одна другой никогда не мешает и не помешает; каждая из них неповторима, каждая из них необходима. Хорошо было бы, чтобы все звезды театра глубоко вникли в эту небесную истину. Разве блеск одной звезды означает затмение другой?» — говорил Акакий Васадзе. В этих словах сказались не только его скромность и непосредственность, но и величие. Он всегда высоко ценил талант своих товарищей. Васадзе считал своим долгом присутствовать на премьере других театров, и если ему нравился спектакль или отдельные актеры в нем, непременно поздравлял их с победой. В его отношениях к спектаклю оценка искусственного профессионала соединялась с живой реакцией зрителя — такого же, как и остальные. Он был прекрасным театральным зрителем — поражала его непосредственность: на удавшемся спектакле он с увлечением переживал действие и игру актеров, а на смешное реагировал мгновенно и смеялся, может быть, громче всех. В антракте давал точную оценку каждому нюансу в поведении актера, метко анализировал спектакль. И как он радовался, если актер, особенно молодой, показывал себя с хорошей стороны.

Много и плодотворно работал Акакий Васадзе в кино. Впервые снявшись в кино в 1923 году в фильме режиссера Амо Бек-Назарова «У позорного столба», Акакий Васадзе уже не оставлял кинематографии. В фильме К. Марджанишвили «Мачеха Саманишвили» Васадзе играл главную роль — Платона Саманишвили. Актер ярко передавал социальную типичность, черты национального характера своего героя и то сочетание юмора и драматизма, которое столь характерно для творчества Д. Квдиашвили. В годы Великой Отечественной войны Васадзе снялся в фильме «Георгий Саакадзе» (режиссер М. Чиаурели) в роли шаха Аббаса. В этой роли ярче проявилось высокое актерское мастерство Васадзе, умение лаконичными средствами показать сущность образа. Впоследствии М. Чиаурели вспоминал Акакия Васадзе в роли Аббаса: «Скупыми средствами воплощал Васадзе образ это-

го грозного повелителя, от эпизода к эпизоду раскрывал черты его характера, подлинную сущность его натуры». В фильме «Лурджа Магданы», поставленном молодыми тогда режиссерами Тенгизом Абуладзе и Резо Чхеидзе, Васадзе исполнил небольшую роль сельского старшины. Талантливо поставленный фильм по своей манере правдивого изображения жизни простых людей приближался к стилю итальянского неореализма. И в этой же манере играл Васадзе роль старшины. А ведь верность правде, выраженная прежде всего в существе, характере того явления, которое стремится раскрыть художник, — главный залог успеха актера.

Среди ролей, сыгранных Васадзе в кино в 50-х годах, были и совсем небольшие, но ни одна из них не осталась незамеченной зрителем. В работах Васадзе всегда присутствовали мудрая мысль, тонкая наблюдательность и гражданская зрелость художника. Такими были роли Фарсмана-перса в фильме «Десница великого мастера» и слепого старика-еврея Мордухая в «Дата Туташиа».

«...Мне посчастливилось работать с этим замечательным актером на съемочной площадке, когда мы с Тенгизом Абуладзе снимали свой первый фильм «Лурджа Магданы». Для нас, начинающих режиссеров, он был старшим товарищем, прекрасным, чутким помощником. Его последняя роль в кино — Мордухай в многосерийном телевизионном фильме «Дата Туташиа» — представляется мне очень значительной, социально и психологически глубокой работой замечательного актера, которого всегда отличало живое чувство современности, поиски нового в искусстве», — сказал в беседе с авторами статьи режиссер Резо Чхеидзе.

Искусство Акакия Васадзе было таким правдивым и глубоко впечатляющим, что и сегодня представляется современным, и сегодня остается достойным подражания, живет и сегодня в творческой практике актеров и режиссеров новых поколений.

Наверно, мы не ошибемся, если скажем, что искусство Акакия Васадзе — это не только его роли и его спектакли, но это и его личность, отчетливо присутствовавшая во всем сыгранном и поставленном им репертуаре. При всех перевоплощениях он всегда и во всем оставался самим собой: актером и режиссером-исследователем человеческого духа. Всегда и во всем чувствовалась его незаурядная личность.

К замечательным человеческим качествам Васадзе принадлежали его ясный и светлый ум, необычайная память, го-

товность делиться с людьми своим опытом и знаниями. Мы могли оценить такие его качества в процессе многолетних встреч с ним.

Мудрость этого художника, его способность аналитического мышления стали еще более очевидной и ощутимой в его огромном труде «Воспоминания, размышления», изданном в двух томах. Это не только и не просто мемуары — это целая история грузинского театра, пережитая и проанализированная глубоко мыслящим художником, искренне и объективно оценивающим почти все значительные этапы и все величины (со временем порой даже забытые) грузинской сцены. Как нам стало известно, архив Акакия Васадзе со держит избранный материал еще на три тома.

Выдающийся театральный актер с редким по размаху диапазоном ролей, масштабно мыслящий театральный режиссер, вдохновенный мастер художественного слова, чрезвычайно интересный кинсактер, театральный педагог, теоретик сценического искусства, одаренный литератор и активный общественный деятель, депутат Верховного Совета Грузинской ССР — таким был народный артист СССР Акакий Васадзе.

Будучи неразрывно связан с духовным достоянием родного народа, воплощая в своем творчестве грузинский национальный характер и темперамент, он выражал образ мышления и чувствования передовых людей Грузии и вместе с тем достигал яркой зрелищности, присущей грузинскому искусству. Сценическая деятельность Акакия Васадзе, несомненно, останется в истории грузинского театра образцом высокого и неустанно совершенствуемого профессионализма.

Имя этого неповторимого мастера сцены, щедро обогатившего не только грузинское, но и все советское многонациональное искусство, навсегда вписано в историю советского театра. Акакий Васадзе живет с нами и сегодня. Он живет в памяти о его ролях и спектаклях, в ценнейшем вкладе, внесенном им в созидание величественного здания советского театра, в своих книгах, в трудах и достижениях своих учеников и последователей.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТБИЛИСИ

ПО ИНИЦИАТИВЕ Музея дружбы народов Академии наук Грузинской ССР и Института литературы имени М. Абеяна Академии наук Армянской ССР в Тбилиси прошла II межреспубликанская научная конференция, посвященная взаимоотношениям литератур народов СССР (на примере грузино-армянского общественно - литературного содружества).

«С глубокой древности и в беде, и в радости грузинский и армянский народы всегда были вместе, бескорыстно помогали друг другу, — сказал в вступительном слове директор Института литературы имени М. Абеяна, академик АН Армянской ССР Э. Джрбашян. Общая историческая судьба обусловила и развитие общественно - литературного содружества двух братских народов. Многовековая история Грузии и Армении чрезвычайно богата фактами литературных взаимосвязей, корни которых теряются в глубокой древности.

На встрече отмечалось, что значительное место в творениях лучших представителей Грузии и Армении занимала благородная тема дружбы двух народов.

Ведущие ученые и литераторы в течение двух дней заслушали и обсудили более тридцати докладов. Это, в частности, «Поэма «Витязь в барсовой шкуре» в армянской литературе», «Армянская литература на страницах «Иверии», «Грузия в творчестве О. Ту-

маняна», «Армения в творчестве И. Нонешвили» и другие.

ЕСЕНИНСКИЕ ДНИ В ГРУЗИИ

ТОРЖЕСТВЕННО отметила общественность Грузии 90-летие со дня рождения великого сына России — Сергея Есенина.

В Тбилиском государственном драматическом театре имени А. Грибоедова состоялся юбилейный вечер, приуроченный к первому всесоюзному празднику есенинской поэзии.

Юбилейный вечер вступительным словом открыл председатель правления Союза писателей Грузии Ш. Нишнинадзе.

«Слово о Сергее Есенине» произнес писатель, профессор Т. Буачидзе.

Взволнованно прозвучало выступление поэта-академика И. Абашидзе, который, говоря о самобытном певце России, его поэтическом сердце, вспомнил события шестидесятилетней давности, когда молодой Есенин впервые посетил Грузию.

Секретарь правления Союза писателей Грузии поэт Р. Амашукели прочитал свое новое стихотворение, посвященное С. Есенину.

На вечере также выступили заместитель председателя всесоюзной юбилейной комиссии критик Ю. Прокушев, поэты В. Сорокин, И. Ляпин, Ю. Шесталов, А. Сенин, которые прочитали свои стихи, воспевающие дружбу народов, великую лиру Сергея Есенина.

В заключение перед собравшимися выступили мастера искусств Грузии.

На юбилейном вечере при-

существовали заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе, второй секретарь Тбилисского горкома Компартии Грузии Н. Гургенидзе, первый секретарь Калининского райкома партии З. Ломидзе.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

«ЭРИСКАЦОБА» — этот ставший традиционным праздник трудящихся Чохатаурского района Грузии в нынешнем году был посвящен памяти выдающегося советского ученого и общественного деятеля академика Нико Марра.

Маститый ученый — востоковед и лингвист внес неопенимый вклад в картвелологию, опубликовал десятки научных трудов, монографий по истории, археологии и этнографии Кавказа. Огромный интерес вызвали исследования Н. Марра в области грузинской и армянской филологии. Ученый издал грамматику древнегрузинского литературного языка

Велика роль Н. Марра в истории советской науки и как организатора и воспитателя

нескольких поколений востоковедов и лингвистов. Он много сделал для изучения языков народов СССР и создания письменности для народов, у которых ее не было.

В Чохатаури торжественно отметили 120-летие со дня рождения Н. Я. Марра. Здесь, на родине славного сына Грузии, состоялось открытие Дома-музея Н. Я. Марра, где любовно собраны личные вещи ученого, его рукописи, книги.

Памяти ученого была посвящена научная сессия, созванная Академией наук Грузии, Тбилисским государственным университетом, Чохатаурским райкомом КП Грузии.

На сессии выступили первый секретарь Чохатаурского райкома партии З. Эркомашвили, вице-президент Академии наук Грузии Г. Джигладзе, академик Академии наук республики Ш. Дзидзигури, а также С. Цаишвили, Л. Менабде, О. Лордкипанидзе, И. Мегрелидзе, М. Гугушвили, вице-президент Географического общества Грузии А. Марр и другие.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ДОЛИДЗЕ Мамука Гивиевич. Род. в 1948 г. в Тбилиси. В 1972 г. окончил физический ф-т ТГУ. С 1974 г. его рассказы систематически печатаются в республиканской периодике и прессе. Кандидат философских наук, сотрудник Института философии АН Грузии.

На русском языке публикуется впервые.

ГОБОЗОВ Валерий живет и работает в г. Цхинвали. Стихи его публиковались в альманахе «Молодой Ленинград», сборниках «Молодость» и «Багдадские небеса». Он автор книжки стихов «Песня волн».

Сдано в набор 17.09.85 г. Подписано к печати 10.11.85 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд. л. 14,0. УЭ 108169. Тираж 5550 экз. Заказ 2077. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Тел. 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

ИНДЕКС 76117

Содержание

1. Введение

2. Глава I

3. Глава II

4. Глава III

5. Глава IV

6. Глава V

7. Глава VI

8. Глава VII

9. Глава VIII

10. Глава IX

11. Глава X

12. Глава XI

13. Глава XII

14. Глава XIII

15. Глава XIV

16. Глава XV

17. Глава XVI

18. Глава XVII

19. Глава XVIII

20. Глава XIX

21. Глава XX

22. Глава XXI

23. Глава XXII

24. Глава XXIII

25. Глава XXIV

26. Глава XXV

27. Глава XXVI

28. Глава XXVII

29. Глава XXVIII

30. Глава XXIX

31. Глава XXX

32. Глава XXXI

33. Глава XXXII

34. Глава XXXIII

35. Глава XXXIV

36. Глава XXXV

37. Глава XXXVI

38. Глава XXXVII

39. Глава XXXVIII

40. Глава XXXIX

41. Глава XL

42. Глава XLI

43. Глава XLII

44. Глава XLIII

45. Глава XLIV

46. Глава XLV

47. Глава XLVI

48. Глава XLVII

49. Глава XLVIII

50. Глава XLIX

51. Глава L

52. Глава LI

53. Глава LII

54. Глава LIII

55. Глава LIV

56. Глава LV

57. Глава LVI

58. Глава LVII

59. Глава LVIII

60. Глава LIX

61. Глава LX

62. Глава LXI

63. Глава LXII

64. Глава LXIII

65. Глава LXIV

66. Глава LXV

67. Глава LXVI

68. Глава LXVII

69. Глава LXVIII

70. Глава LXIX

71. Глава LXX

72. Глава LXXI

73. Глава LXXII

74. Глава LXXIII

75. Глава LXXIV

76. Глава LXXV

77. Глава LXXVI

78. Глава LXXVII

79. Глава LXXVIII

80. Глава LXXIX

81. Глава LXXX

82. Глава LXXXI

83. Глава LXXXII

84. Глава LXXXIII

85. Глава LXXXIV

86. Глава LXXXV

87. Глава LXXXVI

88. Глава LXXXVII

89. Глава LXXXVIII

90. Глава LXXXIX

91. Глава LXXXX

92. Глава LXXXXI

93. Глава LXXXXII

94. Глава LXXXXIII

95. Глава LXXXXIV

96. Глава LXXXXV

97. Глава LXXXXVI

98. Глава LXXXXVII

99. Глава LXXXXVIII

100. Глава LXXXXIX

101. Глава LXXXXX

